

Александр Коробанов

РУССКИЙ РУБЕЖ

О наших разногласиях

Алтари и очаги

Фигуры и лица

Воронеж

Издательство имени Е. А. Болховитинова

2013

УДК
ББК
К

Рецензент:

Член Союза писателей России Святослав Иванов

К Коробанов Александр Евгеньевич
Русский рубеж — Воронеж : Издательство
им. Е. А. Болховитинова, 2013 — 232 с.

ISBN

Александр Евгеньевич Коробанов (р. 1956) закончил филологический факультет Воронежского государственного педагогического института. В журналистике с 1985 года. В 1994–2007 годах работал в областном общественно-политическом еженедельнике «Берег» — обозревателем, ответственным секретарем, заместителем редактора. Член Союза журналистов России с 1987 года. Член редколлегии вестника «За Россию» (Москва). В книге собраны статьи автора, опубликованные в «Береге» в 90-х — начале 2000-х годов.

**УДК
ББК**

© А. Е. Коробанов, 2013.

© А. М. Шилов, обложка 2013.

ISBN

ОТ АВТОРА

История воронежской журналистики девяностых годов XX века еще не написана. Необходима временная дистанция для объективной оценки недавнего прошлого местной печати. Но уже и ныне очевидно, что одним из ярких явлений в палитре средств массовой информации, изданием, активно формировавшим читательские вкусы и представления, стал областной общественно-политический еженедельник «Берег».

Возникший в 1990 году как районка индустриального Левобережья на базе ряда корпоративных, как теперь принято классифицировать, изданий, «Левый берег» (с 1993 года — просто «Берег») быстро завоевал доверие читателей.

В нашей губернии, как и во всей России, в конце XX века, говоря словами Льва Толстого, всё перевернулось и еще только укладывалось.

Мы, журналисты, вместе с читателями искали ответы на вопросы, которые то и дело ставила бурная эпоха, и среди них основной: куда поплывет корабль с названием Россия.

К середине девяностых годов «Берег» сформировался как провинциальное издание со своим лицом и достоинством и стал для читателей своеобразным компасом. Куда же указывала его стрелка? Туда, где будут властвовать справедливость, право, истина, добро.

«Талантливому русскому кутежу» девяностых, тем, кто без устали прививал русскому «дичку» либеральные ценности, редакция противопоставила тысячелетнюю национальную традицию искательства правды. Так вызрели многие магистральные темы «Берега», среди которых определяющими стали: «Русская идея — вчера и сегодня»; «Православие — ведущая культуро- и смыслообразующая константа национального бытия». На этом пути встречалось множество препятствий. Их одоление давало новые стимулы для работы и приносило удовлетворение. Нам было лестно узнать, что по результатам одного из общероссийских социологических исследований прессы девяностых годов XX века «Берег» был назван в числе созидательно-конструктивных изданий.

На чем основывалась популярность еженедельника? Полагаю, определяющими ста-

ли интеллектуальная честность и искренность. Мы никогда не играли с читателями в поддавки, не потакали низменным вкусам, спорили с коллегами, которые считали, что «жизнь немного желтовата». Такая позиция находила отклик. На рубеже XX и XXI веков «Берег» занял вторую строчку по тиражу среди региональных общественно-политических изданий. Первую — занимала старейшая в области газета «Коммуна». Значительную часть подписчиков «Берега» составляли жители сельских районов. И не случайно. В глубинке наряду с определенным простодушием и наивностью сохраняются добродушие и искренность, отзывчивость и вера в печатное слово.

Популярностью «Берег» во многом обязан талантам первого редактора Святослава Иванова. Когда-нибудь он сам напишет о годах работы в еженедельнике. Мой «роман» с газетой начался в конце 1993 года после бурь и потрясений августовского путча 91-го и октябрьской «революции» 93-го и продолжался без малого четырнадцать лет. Для меня газета стала школой талантливой и честной журналистики.

Собранные под этой обложкой статьи были опубликованы в середине 1990-х — начале 2000-х годов в «Береге». Первый раздел включает полемику со сторонниками ведущего политического дискурса девяностых — либера-

лами. Второй и третий составили очерковые зарисовки. Это «мой современник», моя страничка в истории «Берега». Надеюсь на то, что авторский субъективизм в оценках лиц и явлений той эпохи не помешает разглядеть в статьях приметы времени, в котором мы жили и работали.

Август 2013.

О НАШИХ РАЗНОГЛАСИЯХ

ОТ ИМАМА ШАМИЛЯ ДО ШАМИЛЯ БАСАЕВА Субъективные заметки

№ 26 (235), 30 июня 1995

Имама Шамиля Российская империя покоряла четверть века. Шамиль Басаев, лидер группы чеченских террористов, поставил на колени Российскую Федерацию за несколько дней. Мне воочию видится, как уже сегодня слагаются легенды — потом их будут передавать из уст в уста от поколения к поколению — о человеке, который заставил говорить с собой на равных главу правительства огромного государства.

По мере того, как остывают страсти и отступает боль от пережитой, прочувствованной трагедии, мозг неотступно сверлят два сакраментальных русских вопроса — «кто

виноват?» и «что делать?». А вместе с ними и другой: по воле слепой судьбы или иным каким, вполне прозаическим, земным причинам на тихий провинциальный городок юга России с горестно-пророческим названием Святой Крест свалилась страшная беда?

Прекрасно отдаю себе отчет в том, что эти заметки могут оказаться чересчур пристрастными, субъективными. Автор, как и большинство россиян, выступает в качестве стороннего наблюдателя. И все же, все же.

...Радио «Свобода», с тех пор, как прекратили работу глушилки, сделалось — не без пропагандистских усилий отечественных доброхотов — неким эталоном объективности и беспристрастности. На обзоры и комментарии РС ссылаются крупнейшие российские агентства новостей и федеральные газеты. Давайте посмотрим, какова на самом деле эта беспристрастность и объективность.

Воскресенье, разгар трагедии. Прямой репортаж из буденновской горбольницы ведет некогда популярный российский публицист, а ныне житель Германии и сотрудник РС Анатолий Стреляный. «Только что, — рассказывает журналист, — одна из заложниц (армянка по национальности, зачем-то добавляет он) передала мне письмо...» Из текста следует, что боевики обращаются с заложниками очень предупредительно, а вот спецназовцы и солдаты расстреливают их едва ли не в упор.

Простим несчастной жертве трагических обстоятельств эмоции. Не дай Бог никому оказаться под пулями. Она еще многого не знает. Но журналист, который долго-долго читает строчки о «зверствах» российских солдат, не может не знать о том, что «ангелы» в камуфляже оставили на улицах Буденновска десятки трупов, что в захваченной больнице они уже совершили публичную казнь и в интервью западным СМИ пугают общественность большой кровью.

У меня нет оснований сомневаться в профессиональной честности г-на Стреляного. Наверное, такое письмо действительно было; факт, как говорят, имел место. Но было и кое-что иное, о чем — молчок, ибо так велит принцип «беспристрастности». И тогда вспоминаешь, что «Свободу» финансирует конгресс США. А наши государства хотя и делают попытки снять взаимное непонимание и отчуждение, браться пока не готовы. И финансирует США радиостанцию, которая «в рамках свободного обмена информацией» свободно смещает акценты и лепит образ врага. Увы, то, что иногда прячется под маской «беспристрастности» и «объективности», сознаешь только в минуты национальной катастрофы.

А теперь — о средствах информации отечественных. Автор так много говорит о работе коллег по вполне понятным причинам.

Картину трагедии рисовали для миллионов россиян СМИ. О деятельности официальных лиц — немного позже.

Итак, отпущены первые заложники. ОРТ крупным планом дает измученные лица бегущих женщин. Они что-то кричат. Что именно, понять невозможно. Микрофоны предусмотрено выключены. Опрос на улицах разных городов сразу после разрешения кризиса: люди перед камерой выражают одобрение действиями Виктора Черномырдина. О прочем — им не дают сказать ни слова. В Воронеже на улицах и в общественном транспорте слышишь нечто иное, кроме «одобрямса». По логике ОРТ, это какие-то другие россияне и мыслят они «неправильно».

В разгар событий дважды самое смотрибельное время отдается скандальному диалогу В. Жириновского и Б. Немцова. Кто-то же догадался их свести. Закулисный дирижер повтора тонко чувствует: скоро отдадут приказ защищать правительство от нападков Думы. Лучше всего поиграть контрастами — глядите, какие у нас депутаты. Московские тусовщики с телевидения вообще очень неумело скрывают раздражение против Думы, набранной из представителей регионов. Затем — шквал отрицательных эмоций против решения Государственной Думы отправить в отставку кабинет министров. Потом с экрана следует организо-

ный поток славословий в адрес премьера Черномырдина.

Без сомнения, он действовал хладнокровно и в условиях вакуума власти сделал максимум возможного. Без сомнения, стоило идти даже на сделку с дьяволом ради вызволения из беды несчастных. Кто спасет душу хотя бы одного из малых сих, наречется наибольшим в Царстве Небесном. А на чей счет записать жертвы, коли убийца невредимым вернулся восвояси?

Погибшие от рук боевиков на улицах Буденновска — это ответ А. Стреляному. Трупы заложников со следами истязаний — это ответ господину «правозащитнику» Ковалеву, вздумавшему сравнить Басаева с Робин Гудом. Сто двадцать одна жертва — это личный грех верховной власти.

На верхах вообще происходило нечто несообразное логике и здравому смыслу. Президент публично заявляет о том, что отдал приказ силовикам взять боевиков штурмом. Председатель правительства об этом ничего не знает и ведет мирные переговоры. Теперь среди военных ищут «козла отпущения», того, кто распорядился первым открыть огонь. Не сомневаюсь, стрелочника отыщут.

Пишу и вспоминаю рекламные кадры. Отечественные «коммандос» во время занятий: решительные лица, горы мускулов. Вот тренированные плечистые молодцы на

учебном полигоне лихо «обезвреживают» не-всамделишных террористов. Тяжело в ученье — легко в бою? В жизни, к сожалению, наоборот.

За то, что бандиты прошли полтораста километров и оказались в тылу действующей армии, ответственные члены кабинета министров, возглавляет который Виктор Черномырдин. Если верить логике тех, кто сегодня грудью встал на защиту правительства против Думы, виноваты гаишники, пропустившие два «КамаЗа» с сотней боевиков...

В жаркие страшные дни конца июня у нас не стало Общественного российского телевидения. Вместо него включен мощный механизм агитпропа. Информация уступила место пропаганде. Пропаганда же несется к нам по волнам чужого эфира. Нынешние «силовые» министры оказались достойными учениками тех генералов, на фуражки которых сел на своей «сессне» Матиас Руст в мае 1987 года. Какой грустный и логичный итог десяти перестроечных лет... Выбор дальнейших путей ограничен: либо «чрезвычайка», либо распад государства, чьи военные чины и политики столь беспомощны. Пять дней зачеркнули итоги 47-летней Кавказской войны.

Ужели президент по-прежнему будет улыбаться из-за границы, думцы — спорить о параграфах, силовики — выяснять отношения,

члены правительства — твердить о стабилизации, а людей, погибших в Буденновске, назовут случайными жертвами исторических обстоятельств?

ЕЩЕ РАЗ О РУСОФОБИИ

№ 34 (399), 21 августа 1998

Водном общественном собрании в стенах администрации Воронежа между двумя представителями местного интеллектуального сообщества произошел любопытный обмен мнениями. Первый предлагал немедленно очистить город от листовок, расклеенных воронежскими активистами Русского национального единства. Второго же, напротив, возмутили огромные щиты с рекламой американских сигарет (на этих щитах, помимо наименования продукции, приписано еще: «Полная свобода»). Диалог весьма примечательный.

В самом деле, когда задумываешься, то понимаешь, что «полная свобода», в частности, есть лишь ничем не ограниченная возможность для американских табачных королей беззастенчиво эксплуатировать людские пороки. Курильщики и без всяких подсказок медиков скажут вам, сколь сложно побороть

влечение к табачному дыму. Вот и получается, что эта так называемая «полная свобода» есть худший вид рабства.

Вообще, не сложно понять, что экспансия печатной продукции РНЕ на город есть лишь обратная сторона в том числе и рекламной агрессии. Ведь в одночасье Воронеж оказался в «оккупации» у производителей всего и вся с наклейкой «маде ин». Так что если уж и начинать широкую кампанию по очистке улиц от листовок со свастикой, то вместе с этим следует демонтировать и щиты, подобные упомянутому.

Следует заметить вот еще что. Дурной пример баркашовцам, в частности, в нашем богоспасаемом граде показали власти. В пору выборов Воронеж был столь густо оклеен агитпродукцией, что на придорожных столбах, фасадах домов в старой части города, дверях подъездов многих высоток долго красовались выцветшие листовки с призывами голосовать за имярек такого-то, соискателя губернаторского кресла. У меня сложное отношение к свастике, которая неизменно присутствует во всех агитках РНЕ. Слишком явные аналогии с известным периодом мировой истории вызывает знак коловрата. Однако, по крайней мере, в «дацзыбао» РНЕ не содержится призывов втянуть в себя сигаретный дым и вкусить «полной свободы». Пример того, как далеко можно зайти, дает

Москва. Во имя «освобождения» московские власти устали улицы рекламными щитами с изображением совокупляющейся парочки. К счастью, пока эта «свобода» инстинктов не тиражируется в провинции.

А что сообщают нам листовки РНЕ? Одна из них, самая часто встречающаяся, констатирует: «России — русский порядок». Интересно знать, какой еще порядок должен царить на нашей земле, американский, что ли? И вот уже пущена на волю блудливая мысль. С экранов ТВ, страниц газет нам подсказывают «правильное» умозаключение: всякое напоминание о русских интересах суть национализм. А человеку, который публично вслух произнесет фразу: «России — русский порядок», тотчас приклеят ярлык «националист». Что же делать, покорнейше соглашаюсь носить этот ярлык, поскольку не испытываю ни малейшего желания «жить без России, без Латвий единым человеческим общежитием». Пробовали, получается плохо. Кстати, рекомендую господам интернационалистам и либералам назвать националистами французов, которые разработали закон о защите национального языка и законодательно (так!) ограничили публичное употребление англоязычных слов. Язык, кстати, бывает мудрее тех, кто на нем говорит. Знаете, какой термин закрепился в современной отечественной лингвистике

для обозначения иноязычных вкраплений?
Варваризмы...

Вернемся теперь к упомянутому лозунгу баркашовцев «России — русский порядок». Если не подразумевать под словом порядок исключительно ношение черной униформы, знак коловорота на нарукавной повязке и приветствие в виде выброшенной вперед руки (отношение к этому у меня, повторяю, сложное), то следует заметить, что порядок — это строй, уклад жизни, мысли и языка; это кристаллизовавшиеся в опыте обычаи, привычки, традиции; это питательная основа культуры; это ощущение почвы (отсутствие ее есть, напротив, беспочвенность); это иерархичность мироустройства, без которой «все позволено», а следовательно, позволен или, лучше сказать, санкционирован нигилизм. Как именно отрицание русского порядка оборачивается нигилизмом, покажем на конкретных примерах, извлеченных из вороха периодики.

На книжных развалах Воронежа появился внушительный том эссе Бориса Парамонова «Конец стиля». Постоянным слушателям радио «Свобода» этот автор давно и хорошо известен по своим едким комментариям. Чтобы не изобретать в очередной раз велосипед, сошлюсь на оценку писаний Парамонова, принадлежащую талантливому петербургскому критику Виктору Топорову.

В данном случае мои оценки целиком совпали с его «приговором».

«Конец стиля» — величаво провозглашает Парамонов... Стил — это идея, а значит, идеология. А идеология — это уже непременно или фашизм, или коммунизм. Одним словом, зло, империя которого повержена безыдейной демократией западного типа. Демократия отвергает идею, а следовательно, идеологию...» Однако, резюмирует Топоров, «если отсутствие идеи (и идеологии) воспринимается как благо, то это само по себе является идеей. И идеологией... А если отсутствие идеи навязывается агрессивно — то речь идет об идеологическом диктате. Разве Запад... отрицает все и всяческие нормы? Разве не предписывает — руководствуясь как идейными, так и прагматическими соображениями — строгие стандарты?... Или отсутствие стандартов предписано только нам, обеспечивая тем самым двойной стандарт? На практике так оно и выходит (взять хотя бы расширение НАТО)...

...Конца истории, по Парамонову, еще не наступило; окончился только стил. Но смысл исторического процесса — **крестовый поход против России, на ее добивание** (выделено Топоровым. — Авт.), как это, по сути дела, формулирует Бжезинский, — не располагает к благоглупостям типа «простой памяти о простой жизни, обывательского подхода,

философии маленького человека, то есть демократии», как это рисуется Парамонову и идеализируется Парамоновым».

Впрочем, вновь согласимся с Топоровым, «умом, честью и совестью» стали для него (Парамонова. — **Авт.**) невербализованные желания хозяев станции, которые он — наугад и несколько невпопад — расшифровал так, как расшифровал». А что движет нашими — покуда — соотечественниками?

На волнах «Радио России» несколько лет подряд выходит в эфир передача «В нашу гавань заходили корабли». Ведет ее писатель Эдуард Успенский, придумавший в свое время Чебурашку и крокодила Гену. Раз в две недели в гости к автору приходят самодельные исполнители, чтобы напеть так называемые уличные песни либо дворовые обработки широко известных песен. В одной из летних передач, прервав стройное течение мелодий, Успенский произнес публицистический монолог. Не помню повод, по которому он возник. Да это и неважно. Объектом пристального внимания писателя отчего-то стала древнерусская княгиня Ольга.

В первом русском летописном своде «Повести временных лет» рассказывается о том, как княгиня Ольга отомстила древлянам за смерть мужа. Помните? Не сумев покорить своих противников силой, Ольга победила их хитростью. Взяла дань — «по три голубя

да по три воробья со двора», затем велела привязать к лапкам каждого из пернатых горящий трут и выпустить птиц на свободу. Птицы вернулись в свои гнезда и, как пишет Нестор, «все бо двори възгорешася».

Рассказав эту легенду слушателям, Успенский перебрасывает мостик в современность. Звучит пошленький анекдот. Медведь с зайцем летят в самолете. Грянула проверка билетов, медведь и просит зайца: «Дай мне свой билет, а я тебя спрячу за иллюминатором». Так и сделали. Стюардесса удостоверилась, что у медведя билет в наличии и спрашивает, отчего он высунул лапу наружу. Медведь: «Курю». — У нас курить запрещено». Медведь разжал лапу, заяц и полетел вниз. «Голландцы, которым я рассказал этот анекдот, — резюмирует Успенский, — не понимают нашего юмора». А далее — внимание! — следует вывод. Автор радиопередачи предлагает всем слушателям поразмышлять о... коварстве и мстительности русских.

Начитанного и равнодушного к истории Отечества читателя не смутит подобной риторикой. Однако в нынешнем хаосе, который царит во взглядах на прошлое, особенно у юных, легко посеять в душах сомнение. Впрочем, о национальных особенностях юмора и невозможности — порой — адекватно переложить то, над чем смеемся сами, на другой язык, знают и школьники. Поэтому

надо выяснять отдельно, чем конкретно вызвано недоумение голландских слушателей писателя. А что касается летописей...

Любопытствующих отсылаю хотя бы к средневековому эпосу западноевропейских народов. Полистайте немецкую «Песнь о Нибелунгах», испанскую «Песнь о моем Сиде», английский «Беовульф», выбираю наугад первое, что снял с книжной полки. Крови на страницах этих сочинений льется немало. Да что там эпос! Ветхий Завет полон человеческих драм. Допустимо ли на основе этих памятников истории человеческой мысли рассуждать о кровожадности современных немцев, англичан, евреев? Почему-то это соображение в голову Успенскому не приходит. О кровожадности русских он поговорить не против...

В одном из июльских номеров журнала «Итоги» напечатаны заметки Льва Рубинштейна «Жизненный проект Солженицына». Как всякая значительная личность, наш нобелевский лауреат сложен и противоречив и в силу этого обречен на полярные о себе суждения. Они время от времени и появляются на страницах российской периодики. «Независимая газета» устами одного из своих авторов возвещает о личном демоне Солженицына. Не испытывает симпатий к писателю и автор «Итогов». В чем не оригинален. Можно было бы пройти мимо заметок Льва

Рубинштейна, если бы не ряд сделанных им в своей статье акцентов.

О чем бы ни заходила речь, какой бы эпизод жизни писателя ни попал под пристальный взор Рубинштейна, тотчас следуют характерные авторские ремарки. Цитирую. «Вернувшись в Москву, он (Солженицын. — Авт.) попал в разреженную атмосферу, где любой жест, хоть как-то претендующий на императивность, был в состоянии спровоцировать у нормального человека лишь тяжелые приступы аллергии. Его тяжелоатлетические движения выглядели примерно так же, как если бы они производились в условиях невесомости». Это резюме по поводу публичных выступлений писателя. «Нынешний модус его социально-культурного поведения, — убеждает нас Рубинштейн, — вызывает из памяти уже не столько «Пророка в своем отечестве», сколько незабвенного Александра Андреевича Чацкого в фамусовской гостиной».

В многомесячном путешествии четы Солженицыных по России после возвращения писателю российского гражданства Рубинштейн находит слишком много театральности: «Я жил в Берлине в тот год, когда, завершая свое кругосветное путешествие, Писатель взошел на востоке нашей родины. Все этапы этого впечатляющего шоу (с целованием земли и прочими кунштюками, стилистику которых рассматривать с точки

зрения вкуса даже и не имеет смысла) снимало телевидение Би-би-си». Позволителен вопрос. А можно ли вот так глумиться над вековым национальным обычаем? Почему Рубинштейн вправе отказывать писателю в таком выражении эмоций? Только ли потому, что лично Рубинштейну чужды русские обычаи? Да уж тогда давайте вместе с Успенским отыщем театральщину в словах и действиях князя Игоря, который призывал дружину «испытать шеломом Дона».

В контексте богато иллюстрированных заметок Рубинштейна, видимо, должна рассматриваться и оцениваться и фотография, на которой изображен Солженицын, целующий каравай хлеба. Это тоже театральщина? И все наши национальные обычаи лишь безвкусные «кунштюки»?

Впрочем, довольно множить примеры, их на страницах периодики разбросано немало. Количество а данном случае не меняет сути. А суть всех подобных писаний одна: их авторам не дает покоя «одна, но пламенная страсть», имя которой, по точному определению И. Р. Шафаревича, — русофобия. Явление это не новое. Еще в прошлом веке Владимир Печерин выразил его в таких примечательных словах: «Как сладостно отчизну ненавидеть и жадно ждать ее уничтоженья». Вот и в нынешнее время тот, кто не находит понимания с «ближними», старается понра-

виться «дальним». Однако и на Елисейских полях, и на Бродвее своих искателей счастья хватает. Отсюда и злоба, нигилизм, переходящие в ненависть ко всему русскому.

Кстати, сочинение Рубинштейна дает возможность понять мировоззренческие и методологические основы современной русофобии. «Солженицын, — пишет он, — мыслит и действует исходя из категории «истинности», категории, на сегодняшний день столь уязвимой, что носитель ее хронически оказывается в неловком, а то и в смешном положении. В нынешнюю эпоху точность попадания высказывания или жеста скорее измерима степенью их уместности». Согласитесь, и Рубинштейн, и Парамонов рассуждают одинаково: духовные ориентиры нам иметь воспрещено, истинность должна быть заменена плюрализмом. Рубинштейн настаивает на этом: «Видимый неуспех солженицынского жизненного проекта — это не только личная драма масштабной личности. Это еще и симптом того, что общество изживает в себе потребность в духовных и прочих поводырях...»

«Но если Бога нет, то какой же я штабс-капитан!» — воскликнем вместе с героем Федора Михайловича Достоевского.

В трудах отечественных религиозных мыслителей русский космос — по крайней мере, в проекции, перспективе — определяется как Истина, Добро и Красота. Но если истина

берется под сомнение, если истины, выработанные вековым опытом десятков поколений, объявляются «устаревшими», если трепетное отношение к земле-кормилице и хлебу именуется театральщиной, «кунштюками», то вся иерархия русского космоса разрушается. Хотите получить доказательства? Пожалуйста. «Формула «Жить не по лжи», — пишет Рубинштейн, — выглядит сегодня не столько нравственным императивом, сколько расхожим — вроде «уж-замуж-невтерпеж-однакож» — примером из учебника по грамматике». Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Как именно подобная нравственная «свобода» оборачивается духовной несвободой и способна сделать человека, в коем есть образ и подобие Божие, рабом инстинктов, нигилистом — мы рассказывали в самом начале этих заметок.

СТРАСТИ ПО МУЗЕЮ

О местечковых нравах нашего городка

№ 24 (441), 11 июня 1999

Как принято в такого рода делах, в начале было слово. В средствах массовой информации появились статьи и интервью,

в которых давались жесткие и негативные оценки деятельности директора областного литературного музея Виктора Будакова. Вслед за тем мутная волна критики и на наш берег выплеснула почту: два письма, идентичные по содержанию. Одно адресовано редактору, другое — обозревателю по культуре. В. Будаков предстает в них как едва ли не главный виновник развала местной культуры. Если верить автору, то будто бы «из-за безалаберности руководства» оказались в аварийном состоянии дом-музей Никитина, дом сестры поэта Тюриной, Литературный некрополь и проч., и проч.

Читателям, которые не следили по газетам за развитием этого сюжета, поясню, какие события спровоцировали вал публикаций.

В 1997 году, вскоре после смены областной власти, произошли изменения в руководстве местной культурой. Пост председателя областного комитета занял писатель и поэт Евгений Новичихин, а писатель Виктор Будаков возглавил областной литературный музей. Свое кредо новый директор выразил весьма недвусмысленно: «революционных перетрясок и перестановок, кадровых и экспозиционных, не будет» («Коммуна», 17 мая 1997 года). Тем не менее, через полтора года одно перемещение произошло. Директор музея подписал приказ об увольнении одной из научных сотрудниц, Г. Мазиной.

Суд посчитал увольнение незаконным и приказ отменил. Этот, в сущности, банальнейший производственный конфликт и породил цепную реакцию критики, в орбиту которой теперь пытаются втянуть все более широкие круги общественности. Добавлю. В производственном споре коллектив стал на сторону директора, что, согласитесь, по нынешним временам всяческих размежеваний происходит нечасто. Не будь этой подробности, автор поостерегся бы вступать в дискуссию, ибо участвовать в разбирательстве склок досуга не имею. Мне эта история интересна не столько своей прозаической стороной, сколько тем, что дает богатую пищу для размышлений о действительно бедственном положении местной культуры, о подлинных и мнимых ее радателях.

Кстати, и упомянутые письма в редакцию о том же: о печальном положении, в коем пребывает наследие прошлых веков. Только тон и стиль, как бы это помягче выразиться, очень уж разухабисты, а аргументация нелогична и критики не выдерживает. Впрочем, об «аргументах и фактах» — чуть позже. Вначале — о форме посланий.

Разосланные в разные инстанции, они имеют один источник происхождения, точнее, адрес: Комиссаржевской, 7. Поясню, что квартируют здесь кинотеатр «Юность» и, наверное, с десятков мелких контор и конторок, среди

которых нет редакции ни одного местного издания. Это тоже существенная деталь, поскольку адресованное «Берегу» письмо подписано «кор. (корреспондент? — Авт.) Светлана Сергеева» и содержит приписки: «для публикации» и пожелание успехов «дорогим коллегам». Поэтому приходится признать, что «кор. Светлана Сергеева» — это ряженный. А ряженный может позволить себе всякое. За личиной лица-то не видно...

Теперь пришла пора поговорить об «аргументах и фактах» «кор. Светланы Сергеевой» и ее «коллег», поскольку вовремя не замеченная маленькая ложь способна породить большую неправду.

С чего начать? Пожалуй, с описания директорских апартаментов. Вот, де, обставил В. Будаков «огромный кабинет» «дорогостоящей мебелью». Совершил я экскурсию на Плехановскую, 3. Свидетельствую: в «огромном кабинете» три десятка штатных сотрудников музея, к примеру, на производственное совещание собраться вместе не смогут. «Дорогостоящая мебель» представлена несколькими канцелярскими стульями и столом. У стены приткнулся выдавший виды мягкий уголок. Интерьер «шикарного» кабинета дополняют сейф, полка с книгами и украшения на потолке в виде... желтоватых разводов — следов протекшей крыши. Прошу прощения за малоэстетичную подробность. Она требуется

для доказательства очевидного: директор не о себе радеет. Больше того, сразу по приходе на новую должность решил: в кабинете разместится платоновская экспозиция.

Теперь два слова об особняке сестры Никитина Тюриной. Музеем помещение никогда не было. Поэтому слова «кор. Светланы Сергеевой» о «надолго закрытом доме» оставим без комментария. После реставрации тюринского особняка размещались здесь одно время музейная администрация и фонды. Еще до прихода нового директора потекли тут батареи. «Гамбургский счет» предъявили Будакову: не упредил стихию...

«Гамбургский счет» ему предъявили и за «гибнущий дом-музей Никитина». С этим, правда, неувязка вышла. Покуда письма-«обличения» перемещались по почтовым коридорам в поисках адресатов, фирма «КИТ» закончила ремонт памятника.

Любопытна одна деталь длившейся долго дискуссии. Ни в одной из публикаций ни словом не упомянули о том, что именно администрация обллитмузея во главе с В. Будаковым первой стала бить в колокола; о том, как директор обращался в разные инстанции, пока наконец руку помощи не протянули областные законодатели и лично председатель обл. Думы А. Голиусов. Почему не упомянули? Не выгодно, ибо разрушает версию о «безалаберности»

музейных чиновников. Такие уж нравы у пишущих.

Начался ремонт, и события стали развиваться как в детективе. Теперь В. Будакова обвинили... в «неправильном» ремонте. Претензии директору музея оказались настолько абсурдны, что не выдержал и вступил в дискуссию председатель комитета по культуре. «Руководителям строительного предприятия «КИТ», — заявил Е. Новичихин, — в ноги бы поклониться за помощь музею, а газета («Молодой коммунар». — **Авт.**) упрекает их за отсутствие лицензии на право работать с памятниками культуры. Да такой лицензии сегодня нет ни у кого в городе. Что же, ждать, когда памятник развалится? К тому же никакой перепланировки в здании, никаких реставрационных работ «КИТ» не проводил. Обычный ремонт. Будет ли «КИТ» помогать культуре и впредь после такой вот «благодарности» газеты?»

К сказанному добавлю вот что. От внимания оппонентов В. Будакова ускользает одна деталь. Дом-музей Никитина — обыкновенный новодел. Подлинный, деревянный, домик поэта давно обветшал, разобран и на его месте построен с сохранением пропорций и планировки нынешний кирпичный особнячок. Так что претензии за якобы попорченную священную память о поэте следует предъявить не нынешнему директору. Новоделы тоже,

между прочим, нуждаются в ремонте. Памяти поэта это нисколько не вредит...

Об одном из пассажей письма «кор. Светланы Сергеевой» мне хочется поговорить подробнее. Цитирую: «...появились красные предупреждающие флажки у здания Кольцовской экспозиции (Плехановская, 3)». Не скрою, с удовольствием и удовлетворением отмечу: автор этих строк был в числе немногих, кого волновало и возмущало последовательное наступление базарного капитализма на историко-культурное наследие края. Объектом моего внимания был и старинный особняк на Плехановской, 3. Ибо впритык к памятнику истории фирма «Апекс» начала возводить фешенебельную гостиницу. Та самая инспекция охраны историко-культурного наследия, которая ныне упрекает Будакова в «неправильном» ремонте дома-музея Никитина, ничего не сделала, чтобы защитить особняк на Плехановской, 3, не возвысила свой голос против разрушения неумелым вмешательством уникального уголка Воронежа близ главного корпуса ВГУ. Больше того, именно директор обллитмузея вскоре по приходе на эту должность пригласил начальника инспекции и попытался выяснить, кто дал разрешение на строительство гостиницы в непосредственной близости от памятника. И вот теперь ответственным за появление «красных флажков» делают одного Будакова.

В намерения автора этих строк не входит желание написать апологию Виктору Будакову. О качестве директорской работы судить тем тридцати тысячам воронежцев, которые побывали в музейных стенах в 1998 году. Нам осталось досказать немногое.

Обилие писем-«разоблачений», свидетельствующих, якобы, о «безалаберности» руководства литературного музея, обилие публикаций, однотипных по агрессивности, но беспомощных по аргументации — это яркая примета того, что борьбу «за свои поправленные права» ведет не одиночка. Мы стали свидетелями организованной и срежиссированной кампании.

Повторюсь, автора этих строк тревожит бедственное состояние, в котором пребывает материальное наследие прошлого (писал об этом и десять лет назад), скорблю при виде неухоженного Литературного некрополя. Только вот, в отличие от «кор. Светланы Сергеевой» и ее «коллег», не спешу бросать камни в нынешних руководителей местной культуры. Они действуют в предлагаемых, заданных не ими обстоятельствах. Обстоятельства эти известны. Безденежье, остаточный принцип финансирования заставляют идти на поклон к спонсорам, искать меценатов. Убеждать, уговаривать. Не все из них бескорыстны. Некая фирма предлагала свои услуги по ремонту дома Тюриной

при условии аренды помещений в течение 20 лет. Не стал В. Будаков разбазаривать музейные площади...

И еще одно соображение. Парадоксально, но роль злого гения, разрушителя материального наследия края пытаются навязать человеку, который в глухие годы застоя возвышал голос в защиту разоренных усадеб и храмов, человеку, чей публицистический пафос не позволял нам забыть слова Пушкина о том, что «уважение к минувшему — вот черта, отличающая цивилизованность от дикости», человеку, внесшему лепту в открытие музеев и экспозиций, обустройство историко-культурных мест.

Однако мы еще не сделали попытку понять, кому выгодна кампанейщина. Не столь уж «кормовая», должность директора обллитмузея позволяет активно влиять на текущие культурные процессы. Приходится с сожалением констатировать, что пространство воронежской культуры всегда являлось аренной ожесточенной клановой борьбы. Очевидцем этой борьбы ваш покорный слуга был долгие годы. Ее следствием стал монополизм. К примеру, в оценках исторического прошлого края господствовала одна, «правильная», «научная» точка зрения. Не важно, касалось ли это даты основания богоспасаемого града Воронежа или иных каких-никаких событий. Монополией на

истину объясняются многолетние проклятия по адресу московского скульптора и его детища-памятника Кольцову. Уже в наши времена плюрализма и демократии монополисты пытались не пустить в Воронеж бронзовое изваяние печальника русской земли Ивана Бунина. Именно монополизмом объясняется странная избирательность в увековечении памяти.

Разумеется, вес и значимость той или иной исторической фигуры невозможно взвесить ни на каких весах. Здесь мы вторгаемся в слишком тонкую и деликатную сферу. Однако же, когда созерцаешь убогий гранитный четырехугольник на фасаде дома, где родился Бунин, невольно в памяти возникает выразительная доска Маршаку. Отчего одному полной мерой отвесили гранит и бронзу, а другому едва хватило позолоты на скупую надпись?..

Традиционалист и почвенник Будаков писал о поруганных национальных святынях, не участвовал «в борьбе видов за существование», не интриговал в пользу «своих», никогда не стремился играть по правилам, придуманным доморощенными культуртрегерами.

Пока они колебались вместе с генеральной линией КПСС и вносили в свои выступления и книжки по истории и культуре родной земли коррективы в соответствии с волей очередного вождя-ленинца, Виктор

Будаков делал свое дело. Это дело овеществлено, к примеру, в трех десятках томов серии «Отчий край», отцом-основателем и редактором которой он стал (в серии, напомним забывчивым и повторю для незнающих, изданы не только «правильный» Гайдар-дед, но и Бунин, и Пришвин, и даже — впервые в стране через полвека забвения — подозрительный для большевиков Замятин).

Будаков — разрушитель местного культурного наследия? Позвольте не поверить.

Следует сказать прямо: осуществляется режиссура тех, для кого понятие отечественной культуры — одна из разменных монет, идет травля неугодного. В повсюду рассылаемых письмах поистине карательный дух и тон, письма словно выпорхнули из тридцать седьмого... Вот как в этой борьбе пытаются вербовать «единомышленников». Одно из двух писем (о них мы упоминали в начале этих заметок), адресованных «Берегу», содержит приписку: имярек такой-то (названо имя сотрудницы газеты), «которую Будаков тоже обижал». Приписка рождает сюжет, достойный пера Достоевского. За спиной ряженого автора послания хихикают новые Смердяковы.

Что поделаешь, имидж — ничто, жажда — все...

СТАНЕТ ЛИ ПРОСПЕКТ РЕВОЛЮЦИИ БОЛЬШОЙ ДВОРЯНСКОЙ?

№ 33 (450), 13 августа 1999

Выдающийся религиозный мыслитель Отец Павел Флоренский в одной из работ размышляет о глубинной связи личности, характера и судьбы человека с именем, данным ему при крещении. Столь же значимы, исполнены внутреннего смысла и названия (имена) городов и весей.

Слово Киев, словосочетание «Киев — мать городов русских» у всякого неравнодушно-го соотечественника вызывает ряд богатых ассоциаций, размышлений об историческом прошлом Родины. Вспоминаются братья Кий, Щек и Хорив и сестра их Лыбедь, первые киевские христиане и т. д. Невозможно, немислимо переименовать Киев в какой-нибудь Скотопригоньевск. Такой разрыв преемственности чреват потрясениями для народного сознания.

Примечательно, что даже космополиты-большевики, мастера перелицовывать все и вся, не покусились на базовые для народной памяти понятия. Скажем, Самара или Вятка еще могли в одночасье явиться миру как Куйбышев и Киров. Но представить Москву Карлмарксградом было, убежден, невозможно. А вот Воронеж запросто могли

«перелицевать», да, видно, не хватило «достойных» большевиков. Не «повезло» нам. Ни один сколько-нибудь приметный бомбометатель или мастер писать молоком между книжных строк в столице Черноземья не изволил родиться. Хотя варейкисы и иже с ними прошлись-таки по карте города красным карандашом.

Кстати, мистику имени тонко почувствовал оказавшийся в нашем городе не по своей воле Осип Мандельштам.

Пусти меня, отдай меня, Воронеж:

Уронишь ты меня иль проворонишь,

Ты выронишь меня или вернешь, —

Воронеж — блажь,

Воронеж — ворон, нож.

Автор этих строк в первый раз осознал, какое большое значение имеет историческая топография, в Острогожске. Летом 1978 года наша студенческая группа приехала в этот дивный российский городок («воронежские Афины») на фольклорную практику. Во время поисков образчиков устного народного творчества довелось тогда познакомиться с чудесным стариком, местным старожилом, родившимся еще в прошлом веке. Он напел нам на магнитофон несколько народных песен. А потом, процитировав популярные в студенческой и бурсацкой среде вирши «Друзья, подагрой изнуренный, не в силах больше пировать...», оживился и принялся

рассказывать, как некогда в незапамятные времена выиграл в какую-то лотерею и едва ли не в первый раз отправился за призом в губернский центр и прошелся по главной городской магистрали. Словосочетание «Большая Дворянская» было для него не просто названием улицы, а воплощением провинциального восторга, юности, той, ушедшей навсегда жизни...

Наша газета не первой и не впервые писала и пишет об обоснованности наименований и переименований улиц, площадей и скверов. Повторяться не станем. Укажем лишь на пару нелогичностей. В Воронеже одна из улиц до сих пор носит имя Каляева — бомбометателя, убийцы московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, но так и не увековечено имя Бунина. Первой попытке перевесить таблички на одном из отрезков магистралей близ вокзала Воронеж-1, дабы воздать должное Ивану Алексеевичу воспротивились жильцы тамошних домов. Вторую попытку власти не предприняли...

Между прочим, в Муроме, райцентре Владимирской области, торжественно открыт памятник былинному святорусскому богатырю Илье Муромцу, согласно легенде — уроженцу сельца Карачарова, что раскинулось в нескольких верстах от этого старинного городка. А в Воронеже так и не удосужи-

лись почтить память отнюдь не былинных и не летописных, а реальных первостроителей крепости воевод С. Ф. Сабурова и его помощников И. Н. Судакова (Мясного) и В. Г. Биркина. Пройдутся ли когда-нибудь представители ныне живущих поколений по проспекту Сабурова? Бог весть...

В речи старожиллов часто можно, к примеру, услышать: парк Кагановича. Фамилию подручного Сталина поминают вовсе не из особой к нему симпатии. Просто неудобопроизносимая в речи аббревиатура ЦПКиО не прижилась. Потому и маячит до сих пор призрак Лазаря Моисеевича. И недосуг властям назвать ЦПКиО так, как сложилось в обиходе («ботаника») — Ботаническим садом. До полного торжества исторической справедливости еще далеко.

Совершим теперь экскурс в прошлое. Август 1773 года был для воронежцев в прямом смысле жарким. Страшный пожар уничтожил сотни строений, обезобразил исторический центр. Уже в марте следующего, 1774 года Екатерина Великая утвердила план регулярной застройки Воронежа. В основных своих чертах он сохранился на карте города и по сию пору.

Именно с 1774 года ведет родословие и главная городская магистраль — Большая Дворянская. Не пора ли вернуть ей историческое название? Нынешняя круглая дата

представляет к этому удобный повод. Тем более, что процесс опамятования начался стихийно. Привычной стала вывеска «Бристоль». По воле новых владельцев обрел старое имя магазин «Михайловский». А неподалеку от того места, где проспект заканчивается, возник магазин «Дворянский».

...Тому, кто редко бывает в российской столице, есть от чего прийти в изумление. Приходится заново привыкать к новым — а на самом деле, старым, исконным — названиям магистралей, переулочков и тупичков.

Понятно, что процесс этот дорогостоящий. Вместе со сменой табличек приходится менять и паспорта с пропиской. Такое разве что богатой Москве ныне по карману, но никак не Воронежу (в ближайшей, по крайней мере, перспективе). А вот в богоспасаемом граде Ельце, где буквально все пропитано историей, нашли оригинальный и, главное, относительно дешевый способ насытить, обогатить память горожан. На старинных улочках Ельца появились двойные вывески: в дополнение к нынешнему еще и прежнее название.

А что же мы, воронежцы? Денег на такую акцию понадобится гораздо меньше, чем на полноценное переименование. Тем не менее, откуда они возьмутся? Для начала можно бы и отказаться от вошедших в моду фейерверков. Вот и экономия. А недостающие средства

ужели откажутся пожертвовать местные предприниматели? Судя по вывескам магазинов «Михайловский» и «Дворянский» им не все равно, что будут знать и помнить о родном городе их дети.

Постскриптум-2013. Публикация появилась с припиской редакции газеты «Берег»: «Просим считать статью официальным обращением к главе администрации Воронежа». Никто из чиновников не удостоил редакцию ответом. Процесс возвращения улицам исторических названий начался позже и увенчался установкой двойных табличек, по крайней мере, на зданиях в исторической части Воронежа. Тогда это стало модным среди российского чиновничества. Охочи они до моды...

КТО СЕЕТ НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕНАВИСТЬ?

**Заметки о заседании
одного круглого стола**

№ 8 (478), 25 февраля 2000

Тому, кто знаком со знаменитой повестью нашего земляка Евгения Замятина «На куличках», наверное, памятен один из эпизодов. В Богом забытый гарнизон, где офицерики с ума сходят от скуки, с дружественным визитом заявили французы. К их

приезду гости успели прибраться-почиститься. Когда оставался не осммотренным один только пороховой квартал, из дома поручика Нетесова вылез солдатик, Ломакин. «Кончил трубы чистить и шел себе с метлой в отрепьях — лохматая, черная образина». Адмирал французский, натурально, вскинул пенсне и спросил, кто, дескать, сей. Находчивый прапорщик Молочко и брякнул первое, что пришло в голову: «Это ланцепуп, ваше превосходительство, местный народец»».

Шутка, конечно. А вот совсем даже не шуточный факт. Заместитель председателя воронежского украинского товарищества «Перевесло» Д. Денисенко отыскал на территории богоспасаемой нашей губернии новый этнос — казаков. Впрочем, обо всем по порядку.

Присланный в редакцию факс содержал интригующую информацию. Ассамблея народов Воронежской области, а также ряд общественных организаций приглашали к размышлениям о «ксенофобии и национализме в российской провинции» (напомню, что словарь определяет ксенофобию как враждебность ко всему чужому, иностранному). Перед началом круглого стола с участием активистов ряда национальных общин и зам. председателя ассамблеи Н. Чербоховой раздавали «информационно-аналитический бюллетень». В нем автор этих строк и прочел об «открытии» Д. Денисенко. Цитирую

по первоисточнику. «Интересная особенность прослеживается в Калаче и Петропавловском районе. Там существуют так называемые «хохлячьи», «москалевские» и казачьи семьи. Люди, создавая семьи, оседают в каком-то селе и той национальности и считаются». Примитивному владению языком здесь соответствует и примитивизм мысли. Господа, выучитесь прежде языку, на котором изъясняетесь!

Российская империя издавна была плавильным котлом народов. Это общеизвестно. Равно как неоспорим факт, что государствообразующим этносом всегда были русские. Россия, по большевистской терминологии, «тюрьма народов», дала письменность, культуру, спасла от исторического небытия десятки малых народов.

А потом мы ушли, «убрались» домой, оставив 25 миллионов соотечественников, «русскоязычных» (вдумайтесь в презрительную кличку) в ближнем зарубежье, фактически бросив их на произвол судьбы, на поношения и издевательства со стороны «титовых наций». Вот выбранные наугад факты. С 1989 года Узбекистан покинули 23 процента русских, Киргизию — более 470 тысяч человек. В «неграждан» превращены русские в странах Балтии, что смущает даже «толерантную» Европу, где так пекутся о правах человека. Там, откуда изгнаны «колониисты» и «окку-

панты», возобновились притупленные межплеменные распри. Порядок в Таджикистане поддерживается с помощью русских солдат. Пареньки из глубинных городков нашего многострадального Отечества сдерживают взаимную неприязнь абхазов и грузин. Локализация раковой опухоли на теле страны — ваххабизма — осуществляется руками русских мальчиков из воронежских, рязанских, тамбовских городов и весей. При этом президент «независимого» Татарстана запретил направлять «единоверцев» — мусульман в Чечню. Так кто же сеет национальную рознь, кто ведет в многонациональной России проповедь раздельного проживания рас?

Поразительно, что, «убравшись в Москву», русские и здесь оказываются чужестранцами. Если принять на веру приведенные в «информационно-аналитическом бюллетене» цифры, то на территории нашей области проживает 20 тыс. азербайджанцев, 17 тыс. армян, около 4 тыс. татар, 3 тыс. евреев, 650 представителей народов Сибири и Крайнего Севера. И только русских здесь... нет. Цитирую. «...Россия изначально была многонациональным государством. А до 1917 года на Воронежской земле русской национальности вообще не было. Дело в том, что предки большинства воронежцев — малороссы — частично украинцы, частично — русские, чуть-чуть цыгане и татары». В этом

убеждена заместитель председателя ассамблеи народов Воронежской области Н. Чербохова (председательствует в ассамблее зампред обл. Думы, секретарь обкома КПРФ, доктор философии С. Рудаков).

Даже большой знаток национального вопроса доктор Геббельс не додумался до столь радикального способа разрешения межэтнических проблем — просто объявить этнос «не существующим» на данной территории.

Правда, столь откровенная насмешка над здравым смыслом вызвала недоумение у некоторых участников круглого стола, и текст розданного «аналитического» бюллетеня был признан «неисправным». Но кто знает, сколько экземпляров «неисправной аналитики» ушло в свет и — не исключено — попадет в школы, где ею будут пользоваться при описании Воронежской области на уроках географии? Да и потом, слово — не воробей, вылетит — не поймаешь. «Аналитика» подобного пошиба уже определяет состояние умов. Трижды (не поленился, подсчитал) участники «круглого стола» отзывались о России как об «этой» стране. К слову, называют Россию «этой страной» сотрудники радио «Эхо Москвы». Того самого, что регулярно предоставляет в прямом эфире слово главному чеченскому пропагандисту Удугову, едва ли не ежедневно вещающему о том, сколько русских солдат удалось уничтожить

террористам. Финансирует радио лидер российского еврейского конгресса. Крайности национализма сходятся...

Слова «эта страна» — применительно к великороссам сорвалось и из уст г-жи Чербоховой. Речь шла о проверке документов у «лиц неславянской национальности» в Москве. Вообще «эта страна», русские, одно из национальных «меньшинств» в нашей области, представляли в дискуссии и представлены в «аналитическом бюллетене» в весьма специфическом контексте. Чтобы избежать упреков в передергивании, обращусь к текстам.

«Проблема национальной нетерпимости в российской провинции была, есть и, к сожалению, будет еще долго», — утверждает лидер азербайджанской общины. Доказательства? Пожалуйста. «Милиционер может подойти, потребовать паспорт или задержать на несколько часов, а то и суток (по закону — не более 3 часов для выяснения личности)». Видимо, надо понимать, что у лиц «славянской наружности» в Воронеже документы никогда не проверяют. Вы не удовлетворены столь неконкретным доказательством проявления «национализма и ксенофобии»? Конкретизирует факты председатель армянской общины К. Самвелян: «В 1999 году у гражданина Восканяна Левона участковый Ситников на остановке потребовал паспорт для проверки и не вернул его. Мы уже год

бьемся, чтобы вернуть документ гражданина РФ. Проблема в том, что фамилия Восканян, а не Петров...»

«В Воронеже стало традицией «хватать» лиц кавказской национальности прямо из-за прилавка и «оптом» увозить дня проверки личности», — утверждает К. Самвелян, отвечая на вопрос «Сталкивались ли вы с ситуацией, когда нарушались гражданские права членов вашей общины?»

Суждения г-на Самвеляна по меньшей мере некорректны. Ведь он не утруждает себя доказательством того, что доблестные ряды сотрудников органов правопорядка составлены сплошь из русских. Так что приводимые им «факты» не свидетельствуют о «ксенофобии и национализме». Походя г-н Самвелян провоцирует ксенофобию, противопоставляя Восканяна Левона некоему мифическому Петрову. Так кто же сеет рознь?

Так повелось, что живущие бок о бок народы часто недолюбливают друг друга, например, армяне и азербайджанцы. О старом споре славян меж собою писал еще А. Пушкин. Каждый из нас наберет несколько примеров бытового национализма. Крайние формы проявления межэтнической нетерпимости омерзительны. Но столь же омерзительны попытки разыгрывать национальную карту в политических целях.

Если вы не очень озабочены межэтническими проблемами в нашей области, господа из некоего «антифашистского конгресса юга России» ненавязчиво укажут вам, против кого в Воронеже следует вострить стрелы. Списки обнародованы в том самом «аналитическом бюллетене» — кладезе сенсационных открытий. По версии его составителей, во всех воронежских одномандатных округах на выборах в Гос. Думу победили... «националисты». Причем специально подчеркнуто, что в Аннинском округе, где верх над соперниками одержал «мягкий националист Рогозин (КРО)», на втором месте — кандидат от КПРФ Рудаков.

В нашей губернии ныне насчитывается два десятка национальных общин. Каждая озабочена проблемами самоидентификации в инонациональном окружении, делает максимум для того, чтобы транслировать опыт из поколения в поколение, а потому стремится к созданию школ и молельных домов.

По сообщению Д. Денисенко, в одной из школ Северного жилого района четыре года ведется спецкурс украинского языка, отметка по этому предмету фиксируется в аттестате. Прекрасно. Однако же в нашем городе нет школ, в которых кроме преподавания усредненной «истории мирового человечества» глубоко изучался бы церковнославянский язык.

«Я не понимаю, какие русские общины объединяет КРО Д. Рогозина!» — воскликнул во время дискуссии представитель армянской диаспоры. Печально, но этого не понимают и воронежские чиновники. Поэтому, к примеру, в области отсутствуют русские национальные школы. Ах, да, ведь «до 1917 года на Воронежской земле русской национальности не было вообще» (Н. Чербохова). Вы не согласны, вы твердо знаете, что ваши дедушка и бабушка были великороссами и молились в православном храме, вы испытываете симпатию к одному из политических движений, в названии коих употреблено слово «русский»? Клеймо «националиста и ксенофоба» вам обеспечено.

На земле, где родились наши предки, нас, русских, по сути, загоняют в гетто.

ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ?

**Заметки о языке современной эпохи,
исторической памяти, топонимике**

№ 26 (496), 30 июня 2000

В 1999 году чередой негромких мероприятий Воронеж отметил 225-летие главной улицы. Юбилей дал повод для газетной

публикации. Автор этих строк на страницах «Берега» напомнил, что Большая Дворянская, которая ведет отсчет лет с 1774 года, всего восемь десятилетий существует как проспект Революции, и выразил пожелание вернуть магистрали прежнее название.

Мы предлагали рациональный и дешевый — без затрат на переоформление адресов учреждений и граждан — способ осуществления акции. Можно ведь вывесить на фасадах особняков двойные таблички, подобно тому, как это сделано в историческом центре старинного русского городка Ельца. Заметки заканчивались припиской: «Просим считать статью официальным обращением к главе администрации Воронежа».

Никто из казенных лиц нам, конечно, не ответил. Видимо, у властей, озабоченных прежде всего тем, как распутать клубок экономических проблем, не остается сил ни на что другое. Что ж, редакция не в претензии.

А некоторое время спустя у одного из сотрудников газеты состоялся разговор с чиновником городской администрации. И тот, между прочим, поделился подробностями трагикомичной истории, достойной пера Шекспира и Сухово-Кобылина одновременно.

Несколько лет назад близ места, где проспект Революции перетекает в Кольцовский сквер, у кинотеатра «Спартак», открылся продовольственный магазин с названием

«Дворянский». А далее случилось нечто неожиданное. В городскую администрацию хлынул поток гневных писем оскорбленных в лучших чувствах воронежцев с требованием... переименовать торговую точку. Жаль, нам не удалось познакомиться с текстами посланий. Они утонули в бумажной бюрократической круговерти. И потому для мира осталось неизвестным, чем «Дворянский» так оскорбил общественный вкус...

Один отклик на нашу публикацию все же поступил, и принадлежал он широко известному в узких кругах политическому консультанту, разоблачителю воронежской «мафии» (самой «мафии» до «разоблачений» никакого дела нет). Если отклик перевести с фени на литературный язык, он звучал примерно так: где же ты найдешь дворян для Дворянской улицы?

Отчасти консультант прав. Нынешнее Дворянское собрание, скорее, походит на закрытый этнографический клуб, члены которого способны вызывать у «внешних» лишь усмешки. Да ведь автор и не призывал войти в одну и ту же воду дважды. Наша забота о том, как восстановить разорванную цепочку исторической преемственности. По-своему мост из прошлого в настоящее возводят и дворяне. Равно как свою роль в преодолении пропасти забвения способна сыграть историческая топонимика. Мало кто из нас

в обыденной жизни задумывался над тем, что слово является основным, если не единственным, хранилищем национальной памяти, что эпоха «вторичного упростительного смешения» (согласно исторической периодизации Константина Леонтьева), а попросту семидесятилетний эксперимент по лабораторному выращиванию «новой исторической общности — советского народа» нанес удар и по национальному языку. Лингвистические итоги этого эксперимента, как ни странно, подвел трибун революции Владимир Маяковский: «Слова у нас до важного самого в привычку входят, ветшают, как платье».

Только всесмешением можно объяснить такое. До сих пор напоминает забывчивым о зловещем, «расстрельном» 37-м годе улица 20-летия Октября. И ничего, привыкли. К девальвации — обесцениванию — слова. А оно способно отомстить.

Несколько лет подряд броский щит в Юго-Западном микрорайоне зазывал покупателей в магазин... «Фобос». Уж не знаю, что там было выставлено на продажу, чем предприимчивые торговцы стремились поразить покупателей, может быть, непомерно высокими ценами... И тогда все логично, поскольку в переводе слово «фобос» значит «страх». К счастью, пару лет назад страху нагоняющая торговая точка канула в рыночном омуте.

Сопутствующая рыночной экономике игра «на повышение» приводит ко многим языковым странностям. В центре Воронежа в помещение бывшего популярного парфюмерного салона вселился магазин рыболовных снастей и тотчас украсил себя вывеской «Пиранья». Название звучное. Одно вызывает недоумение. На что намекают вывеской хозяева, рыбка-то ведь хищная? А как, на ваш вкус, название магазина импортной бытовой техники «Альбинос»? Альбиносы в природе и в человеческом обществе являют собой скорее аномалию, чем норму. Так чем зазывают покупателей: аномально высокими ценами или аномально низким качеством (аномально высоким оно быть не может)?

Поскольку природа не терпит пустоты, то девальвация слов национального языка восполняется иноязычными заимствованиями, странным словотворчеством. Всем известный кинотеатр «Пролетарий» не очень давно «украсился» словесным добавлением «Люксор». Кто такой этот самый «Люксор» — нам неизвестно. Но вот ведь как поразительным образом сходятся крайности. Революцию в Россию завезли в plombированном вагоне. А ныне кинотеатр с «революционным» названием, к которому присовокуплено чужестранное словечко «люксор», является распространителем американского киноширпотреба. Утешает то, что большинству воронежцев до

этого ширпотреба дела нет. Лет шесть назад горсовет Воронежа — прежнего еще созыва — озабоченный приисканием дополнительных источников дохода в казну, сделал попытку ввести дополнительный налог. Находясь в здравом уме и твердой памяти, депутаты предложили взимать с предпринимателей деньги за использование государственных символов РФ. А надо бы — наоборот: взимать большую, чем обычно, мзду с тех, кто предпочитает иностранную атрибутику и засоряет русский язык.

Главное архитектурно-планировочное управление Воронежа немало преуспело в операции по благоустройству многочисленных уличных павильончиков, но не довело свое начинание до конца. Любой из новых павильонов тотчас украшается рекламой транснациональных корпораций и являет собой смесь чудовищного колониального стиля со стилем турецких курортов. Вот где непаханое поле для административной инициативы!

Здоровая политика городского самоуправления, по нашему разумению, должна заключаться не только в том, чтобы следить за чистотой улиц и скверов. Она и в том, чтобы не забивать словесным мусором головы сограждан. Хочешь украсить павильон вывеской на латинице «Иностранец Василий Федоров» — плати, и плати много. Не хочешь — подыщи подходящее для себя название в сокровищни-

це национального языка. Так нет же... У многих поколений воронежцев воспоминания о кафе «Россиянка» в центре города вызывают гамму положительных эмоций. Но нет уже «Россиянки», сгинула, сменила название на чужестранное «Ювента». И стала та «Ювента» прибежищем для тинэйджеров.

Вал варваризмов (так ученые-языковеды называют иноязычные вкрапления) обрушился на Воронеж. Примеры использования исторической топонимики на карте современного Воронежа единичны.

Удачно вписался «Кольцовский ряд» (дюжины полторы киосков) в старинную улицу. Взгляд останавливают магазин «Калачевский», кафе «Левый берег». Но это капля в море вывесок-варваризмов, с агрессивной настойчивостью завоевывающих улицы.

Несколько лет назад привычное слово «мороженое» в названии киосков почти полностью вытеснил его англоязычный вариант. Ныне, правда, мода сошла на нет.

В середине девяностых годов в стенах художественного музея им. Крамского проходила выставка английской фотографии. В те дни побывал в Воронеже и автор снимков, британский фотохудожник из города Гулля Джеймс Браун. Мою заметку о выставке дополняло микроинтервью с гостем. На традиционный вопрос о том, чем останется памятен Воронеж, Браун ответил так: «Уди-

вился тому, что раскупается дорогое импортное мороженое, тогда как гораздо более высокое по качеству и дешевое местное пользуется меньшим спросом». Вот такой урок патриотизма был преподан всем нам. И прошло несколько лет, прежде чем стало очевидным: не все то золото, что блестит (импортной упаковкой)...

Чужестранная экспансия ведет к деформации графической системы и грамматических норм русского языка. У наших новых предпринимателей хорошим тоном стало писать букву «у» на манер «У». Администрация упомянутого выше «инострannого» кинотеатра «Пролетарий» в анонсах фильмов обходится без буквы «й», считая «и» ее равноценной заменой. Недавно на окружной дороге, опоясывающей Воронеж, бросилась в глаза аршинными буквами выполненная надпись «Лукоил». Требуется толика соображения, чтобы, понять: речь идет об известной нефтяной фирме «Лукойл».

Повторим. Игра «на повышение» приводит и к грамматическим странностям. Известно пристрастие американцев к превосходным степеням: люкс, экстра и проч. Если «шоп» (магазин), то непременно «бест» (лучший). Смешно и грустно созерцать такую надпись на магазине рядового западного ширпотреба, что разместился в скромном помещении на пл. Ленина, 14.

Западная экспансия привела к появлению в русском языке словосочетаний типа: «Европа плюс», «Аванта плюс» и проч. Иногда для наглядности добавление «плюс» пишется в виде математического знака «+». Если полистать местный телефонный справочник, нетрудно отыскать номера телефонов воронежских «плюсовых» фирм.

Современный словарь русского языка под редакцией Ожегова насчитывает у существительного «плюс» пять значений. Третье, переносное значение (только в разговорной речи!) толкуется так: выгодная сторона, преимущество. Здесь же дан пример: «Этот проект имеет много плюсов». Положим, радио «Европа плюс» имеет определенные преимущества перед другими радиостанциями. Но название «Европа плюс» грамматически некорректно, требует расширения, разъяснения, кого с кем сплюсовывают. «Плюсовая» конструкция механически перенесена из другого языка и, естественно, не вписывается в систему норм русской речи.

Итог раздумьям автора о современных языковых метаморфозах подвела сама жизнь. Коллега поделился наблюдением: отечественные мультики на шестилетнюю дочь навевают скуку. Многолетняя инъекция диснеевской мультипликации свое дело сделала. Сюжетно простое до примитивности американское анимационное кино легче воспринимается

и запоминается. Отечественная анимация традиционно побуждает думать, рассчитана на способность, навык воспринимать более глубокую гамму чувств. Вот так язык, в том числе киноязык, превращает нравы в нашем Отечестве в нравы Вороньей слободки, обитатели которой изъясняются с помощью лишенных значения слов.

Наш национальный литературный язык сложился в первой половине девятнадцатого века. Истекшие десятилетия были временем развития и обогащения словарного запаса, в том числе и за счет заимствований. Полностью их исключить, разумеется, не представляется возможным. Нынешний поток варваризмов — не первый. Волны англomanии сменялись галломанией, в свою очередь ей на смену приходила германофилия.

Обилие англицизмов в современной русской речи объяснить нетрудно. Они хлынули к нам после падения продержавшегося семь с лишним десятилетий «железного занавеса».

В науке о языке, как и в политике, консерваторы спорят с либералами. Славу языкового пуриста-охранителя заслужил А. С. Шишков (1754–1841), писатель и лингвист. Конечно, его рекомендации, к примеру, именовать театр позорищем, а калоши мокроступами относятся к числу курьезов. Но языковые курьезы рождает и наше время.

Нынешнее настоящее когда-то станет прошлым. Можно представить, как непросто будет объяснить языковедам, почему обыкновенные подростки в девяностых годах двадцатого века превратились в тинэйджеров и отчего они поклонялись какому-то Баскину Робинсу.

Кстати, а какова языковая ситуация «у них», там, куда усиленно тащат Россию наши либералы?

В 1994 году национальное собрание и сенат Франции приняли закон, который в соответствии с решением конституционного совета президент республики провозгласил вступившим в действие. Теперь «неиспользование французского языка в условиях, предусмотренных законом об использовании французского языка, наказывается штрафом... Представление французского варианта текстов обозначений, рекламы, надписей или объявлений в таком виде, что он оказывается не столь легко читаем, хорошо слышен или понятен, как тексты на иностранных языках, наказывается таким же образом». Существенно и то, что общественная организация, «имеющая в качестве записанной в уставе цели защиту французского языка», получает мощную поддержку, если деятельность по защите французского языка ведется «при уважении к другим языкам и культурам».

С уважением к другим языкам и культурам в нашем Отечестве все в порядке. Ужели не научимся уважать национальный язык?

НАСЛЕДНИКИ СМЕРДЯКОВА

№ 35 (505), 1 сентября 2000

Классика ныне не в моде. Не очень большая во все времена, аудитория читателей и почитателей «путаника» Достоевского в девяностые годы сузилась до предела, чему в немалой степени способствует издательская политика. На книжных развалах не только собраний сочинений писателя не сыщешь, нет и отдельных изданий, разве что мелькнут иногда «Бесы». Поэтому молодому современнику, озабоченному тем, как оседлать быстротекущее время, и имеющему досуг лишь на то, чтобы полистать на ночь детективчик или провести часа полтора у «видика», требуется дать пояснения.

В начале ноября 1880 года Достоевский закончил «Братьев Карамазовых», а в январе следующего года скончался. Так получилось: книга почти в тысячу страниц стала *profession de foi* (исповеданием веры), духовным заве-

щением писателя. Драматические коллизии жизни «случайного семейства» Федора Павловича Карамазова отразили тектонические сдвиги в обществе, очевидцем и летописцем которых стал писатель. Всего через месяц после его смерти метательный снаряд, брошенный Игнатием Иоахимовичем Гриневицким, прекратил царствование Александра II. А авансцену русской истории заняла толпа отрицателей всех мастей, нигилистов. Первым их разглядел Достоевский.

Один из персонажей многонаселенного романа — единокровник братьев Карамазовых лакей Смердяков, произошедший «от бесова сына и праведницы», сын Федора Павловича и дурочки Лизаветы Смердящей, прирожденный скептик и атеист. Завидуя всему вокруг себя, он ненавидит свою судьбу, свое рождение, свой народ: «Хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Со всем даже были бы другие порядки-с».

Через 120 лет многостраничный роман оказался созвучен изломанному и сложному XX веку. Как и некогда, Россия стоит «на какой-то окончательной точке»: чаша весов колеблется; по слову святого Андрея Критского, «буря злых обдержит» (ураган зла охватывает) страну.

Двадцать седьмого июля 2000 года отечественная либеральная трибуна — «Незави-

симая газета» в постоянной рубрике «Идеи и люди» опубликовала статью итальянского профессора-политолога Витторио Страда «Четвертая модернизация. Европа и русская идеология». Ее автор исследует проблему своеобразия или «самобытности» (закавычено у В. Страда) России по сравнению с Европой и Западом.

По убеждению В. Страда, Россия вступает в четвертое столетие модернизации «не как Российская империя, а как Российская Федерация. Или, пожалуй, как имперская Федерация с целым рядом таких непростых проблем, как поиски собственно русской идентичности после двух веков «модерной» истории и последнего столетия, видоизменившего или извратившего ее природу. И при этом — поиски такого равновесия с другими этнокультурными компонентами страны, которое позволило бы избежать пагубной национально-русской гегемонии. Поэтому и с внутренней точки зрения, и с точки зрения мировой ситуации для России XXI века начинается совершенно другая фаза... Русская идеология этой ситуации уже неадекватна; а русская идея, если она не хочет обернуться близоруким национализмом, может быть просто метафорой...»

У иностранного профессора обнажено и явлено то, что у его доморожденных единомышленников из современной России обычно

перевязано изящными словесными бантиками: политика открытых дверей; многополюсный мир; общечеловеческие ценности... Нет смысла перечислять все терминологические определения из арсенала либерализма, поскольку эта политическая доктрина односторонненна. Вступительный взнос для приема в толерантное и плюралистичное западное сообщество — «всего лишь» отказ от пагубной русскости.

Ученый итальянский профессор, который предостерегает нас от «национально-русской гегемонии», знает — он не может не знать очевидного. При наличии тесных интегративных связей, когда межгосударственные границы формальны (прочерчены лишь на политических картах) и близится время введения единой валюты, европейцы свято охраняют обычаи, привычки — составляющие части национального лица каждого из государств на континенте. Применительно к России своеобразие — «близорукий национализм» и только. «Гегемония русских», по убеждению В. Страда, невозможна при наличии «этнокультурных компонентов» в России, иными словами, многонациональности страны.

Почему для образцового европейского либерала доминирование одного этноса подозрительно? Этому нетрудно найти убедительное объяснение. В своих логических построениях

В. Страда апеллирует к европейскому опыту. Населяющие континент народы давно разбежались по национальным квартирам. Для этнически чистых государств проблема гегемонии не существует, прежде всего, в силу их расовой однородности. К примеру, «первенство» французов во Франции определяется их численным преобладанием. Тем не менее французы, немцы, итальянцы активно защищают язык и культуру.

Однако не так все просто обстоит с проблемой «многонациональности» России. По разным подсчетам, русских в РФ от 82 до 85 процентов (не считая репатриантов). Это больше, чем испанцев в Испании или евреев в таком этнократическом государстве, как Израиль!

К слову, русским в СССР роль евангельского Удерживающего обходилась слишком дорого. В годы советской власти за счет России, то есть за счет русских, развивались все союзные республики. На эти цели ежегодно затрачивалось 50 млрд. руб. И европейский лоск советской Прибалтики прикрывал скудость деревенской жизни в центральной России.

Отказ от национально-русской гегемонии лишь провоцирует вспышки национальной тирании этнических меньшинств. Напоминания о том, что происходило и происходит на «одной шестой части суши» после

возвращения русских на «места исконного проживания», похожи на школярские прописи, воздержимся от них.

Кстати, об Израиле. При всей напряженности русско-еврейского диалога, обусловленной в новое время участием сынов Авраамовых в смуте (1917 год и проч.), нельзя не признать: в наших судьбах много общего. И русские, и евреи — народы пороговой, катастрофической ситуации и соответствующего ей сознания, максималисты! «Что касается евреев, — уточняет в одной из российских газет раввин из Хеврона, историк и сионист Авраам Шмулевич, — то еще раз повторю, что для них отказ от своей традиции, религии, родины является национальной смертью. Если еврей переходил в другую веру, то вся семья должна относиться к нему, будто умершему. Это религиозный закон».

Теперь будет уместным сослаться на мнение соплеменника г-на Шмулевича. «Я был удивлен уровнем интеллекта и интеллигентности еврейской общины: культура и искусство ставились на первое место. Практически в любом городе еврей, который хочет знать больше о своей культуре и традициях, найдет центр или людей, которые смогут ему в этом помочь». Суждение, почерпнутое нами со страниц «Российской газеты», принадлежит человеку, которого трудно заподозрить в лести русским; иностранцу, ныне главному

равнину федерации еврейских общин России. Зная о столь комфортном существовании одного из национальных меньшинств, разве не естественно предположить, что уж титульная-то нация не испытывает никаких утеснений на земле своих предков. Трагизм ситуации для «этноса-гегемона», для русских, состоит в отсутствии учебных заведений, где кроме общечеловеческих ценностей транслировались бы от поколения к поколению наши национальные традиции. К примеру, всякая публичная дискуссия о необходимости и желательности привить современным юным воронежцам основы православной культуры порождает либеральный вой.

Проповедь идей «открытого общества» всякий раз поразительным образом оказывается заострена против этнокультурной самобытности русских. Примеры можно почерпнуть, как говаривал Достоевский, «в каждом номере газет». Подтекст сладеньких сказочек об «общечеловеческих ценностях» слишком очевиден: не дать воскреснуть русской цивилизации. А на войне, как известно, все средства хороши.

На страницах «Независимой газеты» президент Российского фонда Сороса, директор Библиотеки иностранной литературы Екатерина Гениева сделала поразительное признание. В день открытия отдела религиозной литературы православный священник отец

Валентин Асмус подарил библиотеке икону Владимирской Богоматери. «Она долгое время находилась в «красном» углу отдела, — сообщает г-жа Гениева. — И каждый раз, когда я входила в этот отдел, то вздрагивала, потому что понимала, что она там не должна стоять. И мне очень трудно было объяснить моим сотрудникам, что ее нужно оттуда убрать...» Пропаганде «общечеловеческих ценностей» по Соросу мешает такая «малость», как православная икона. Один крайне несимпатичный тип в «Бесах» Достоевского, «выходя из безграничной свободы, заключал безграничным деспотизмом». Нечто общее наличествует в умозаклчениях нашей современницы и литературного персонажа из книги, написанной тому 130 лет назад. Но мы отвлеклись...

Автору этих строк доводилось писать о том, как «кукушкино дитя современного российского либерализма — ассамблея народов Воронежской области в лице своих малограмотных руководителей (Н. Чербохова и др.) поставила под сомнение наличие на территории региона... русских («Кто сеет национальную ненависть?»).

О том, как именно проповедь безудержного либерализма оборачивается тотальной русофобией, свидетельствует деятельность медиаимперии В. Гусинского (лидера Российского еврейского конгресса). Из множества фактов выберу самые свежие. Первого августа 2000

года в вечерних десятичасовых новостях НТВ демонстрировало сюжет о грозненском доме престарелых. Автор репортажа специально подчеркнул: его обитатели русские. Камера долго блуждает по развалинам здания. Затем объектив выхватывает две неразорвавшиеся ракеты (авиационные, уточняет голос за кадром). Уточняет для «непонятливых», ибо ракетно-бомбовые удары наносила, как хорошо известно, федеральная авиация. Далее следует полный драматизма рассказ об усилиях персонала по поддержанию жизни дряхлых стариков и несчастных калек. А затем — внимание! — ставится точка: «В этой стране, — вещает ведущий, — обитатели грозненского дома престарелых никому не нужны».

Акценты расставлены тонко и точно. В «этой стране» русские убивают русских. И все построение «либералов» с НТВ было бы логически безупречным, если бы не одна оговорка. Зрителям сообщают: персонал интерната два года не получает зарплату. Людям не с короткой памятью известно, когда началась антитеррористическая операция в Чечне: в августе-сентябре 1999 года. До этого персонал не получал денег по вине кровавого масхадовского режима. Но об этом «объективнейшее» НТВ сообщить «забывает».

Драма задержания французскими властями российского парусника «Седов» разворачивалась в дни очередной встречи стран «большой

восьмерки». На одной из пресс-конференций В. Путин произнес фразу, уже вошедшую в современный политический лексикон: «Франция не должна забывать, где находится Кремль». Сразу после завершения встречи в Японии «Эхо Москвы» (структура медиа-холдинга Гусинского) в передаче по итогам окинавского саммита провело интерактивный опрос слушателей. Вопрос формулировался так: «Какая из стран проиграла из-за того, что президенты России и Франции не провели в Японии встречу на высшем уровне?» Шестьдесят процентов «политически продвинутых» слушателей посчитали проигравшей стороной Россию... В который раз за последние годы приходят на память строчки Владимира Печерина: «Как сладостно отчизну ненавидеть...»

«Презумпция виновности», комплекс национальной неполноценности есть результат прививок либеральных идей «открытого общества». Да и в этом случае опросили своих с предсказуемым для своих результатом. Но понимание того, что аудитория «Эха Москвы» составляет ничтожный процент населения России, не утешает. Курочка клюет по зернышку, а капля камень точит. Недостатка в «точильщиках» пока, к несчастью, нет...

Пожалуй, нигде так не очевиден либеральный террор, как в современной российской телеиндустрии. Не так давно коллега из «Российской газеты» не поленился подсчитать

количество западной «порнухи» и «чернухи», демонстрировавшейся на ТВ в течение всего одной недели. Эта несложная операция доступна каждому внимательному телезрителю, и потому воздержусь от повторения выводов автора заметки «И мертвые с косами...» Гораздо любопытнее узнать об опыте наших партнеров по «открытому обществу».

Многие страны защищают национальное кино и телепроизводство при помощи жестких квот. К примеру, в США только один процент телепродюсеров — иностранцы, а правительство является крупнейшим рекламодателем. И вовсе не потому, что в этой сфере бизнеса «крутятся» большие деньги. Официальный Вашингтон принято называть в США «Голливудом с Потомака», ведь в конечном счете дороже всего стоят плоды умелых пропагандистских усилий.

Для становления в нашей стране структур «гражданского общества» затрачиваются миллионы зеленых дензнаков. Стремление сформировать «политическую нацию» — «россиян», где стерты «имперские», «шовинистические» русские черты, а вместе с тем и память об отечественном прошлом, проявляется слишком наглядно.

Современной смердяковщине мы можем противопоставить только национальную солидарность и совместные усилия по защите исконно русских ценностей. К счастью, не

все еще потеряно. Согласно данным доклада фонда «Реформа», пока большинство русских, вопреки оголтелой пропаганде, предпочитает идентифицировать себя по этнонациональной принадлежности, а не по гражданству. Опросы рисуют такую картину: русскими считают себя 45 процентов опрошенных, тогда как россиянами согласны называться лишь 28 процентов респондентов, а советскими людьми и того меньше — 16 процентов.

Основа русской идентичности, подчеркивается в докладе фонда «Реформа», носит прежде всего культурно-психологический и культурно-исторический характер. Вот на этом-то направлении и подвизаются Смердяковы всех мастей. Не забывать бы нам пропалывать посеянные ими цветы зла.

«НАШЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОЗДАНО ПУБЛИКОЙ, А НЕ КРИТИКОЙ»

А. С. Суворин: видный или выдающийся?

№ 27 (549), 6 июля 2001

Имеющий уши да слышит, имеющий очи да видит. Некий кандидат философских наук (не станем всеу упоминать его имени), учивший меня «подозревать всех

попов в мздоимстве» и натаскивавший в методике атеистической работы, ныне пишет статьи, выступает с докладами и рассказывает о значимой роли православия в истории Руси. Когда он был искренен — тогда или теперь? И что делать мне: благодарить педагога за науку или вытравливать посеянные им семена зла? Эти немудрящие размышления двигали мной, когда в связи с развернувшейся полемикой о роли нашего земляка, издателя и журналиста А. С. Суворина я извлек из книжных завалов на свет Божий нелестные строки об Алексее Сергеевиче, принадлежащие маститому краеведу, автору множества книг О. Г. Ласунскому («Оправдание Суворина», «Берег», № 23 (545), 8 июня 2001).

Я и предположить не мог, что «удрученный» О. Г. Ласунский снизойдет к нашей малости, разразится статьей «Русский или руссейший?» в номере 44-м газеты «Воронежские вести» за 20 июня 2001 года, припишет нам «воинственность и ярость», посоветует сменить манеру полемики, обвинит в лукавстве, идеологической однобокости. Право, жаль, что таким стилем пишет кандидат филологических наук и член Союза писателей, человек, по идее, чуткий к слову. Нет смысла отвечать в подобном тоне. О неправоте сердитого Юпитера известно со времен античности.

Что поделаешь, не испытывал краевед симпатий к уроженцу бобровской земли, который вызывал у него «не совсем приятные ассоциации». Суворин для него «ренегат», глубоко павший человек и проч. Повторены печально известные филиппики Ульянова-Ленина, который злобно потоптался на могиле своего идеологического противника. «Легко быть «смелым», когда на дворе другая эпоха и не нависает дамоклов меч цензуры», — находит этому объяснение наш оппонент, называет «поступком» попытку поставить рядом два имени — Суворина и Никитина и рассказывает о переполохе по этому поводу в обкоме КПСС. Может, и был переполох...

Однако в 1980 году в Москве пятидесяти-тысячным тиражом вышла книга Берты Сергеевны Дыхановой (моего пединститутского наставника; ей я обязан любовью к русской классической литературе) «Запечатленный ангел» и «Очарованный странник» Н. С. Лескова». Автор обошлась без (обязательных, если верить О. Г. Ласунскому) уничижительных характеристик Суворина, когда цитировала письма к нему Лескова. Так обстоит дело с научной добросовестностью. Исследовательница не путает ее с идеологической ангажированностью. Это первое. Второе. В середине восьмидесятых годов, когда Ласунский сочинял и публиковал монографию

«Литературно-общественное движение в русской провинции», в которую тщательно перенес ленинские оценки Суворина, в Москве вышел «Литературный энциклопедический словарь» с биографической заметкой о знаменитом издателе «Нового времени», свободной от идеологических клише. Стоит ли краоведам собственную научную зашоренность списывать на гнет цензуры?

Да и кто, находясь в здравом уме и трезвой памяти, поверит словам о свирепствующей во второй половине XX века (!) цензуре? Это сюжет посильнее, чем «Фауст» Гете! Полно-те, ведь существовал сам- и тамиздат, за рубежом на русском языке выходили журналы «Посев», «Континент», «Синтаксис», легально действовала знаменитая тартусская научная школа Ю. М. Лотмана (ВГУ, как-никак, возник на базе тартусского университета)... Впрочем, sapient! sat (умный — поймет). Поговорим о методике спора.

Неистребим такой вид «диалектической» полемики, когда спорят не в целом, по всему фронту заявленных тезисов, а «выщипывают» отдельные фрагменты разных тем. И попадают в логические ловушки.

Положим, краевед был искренне озабочен введением в научный оборот новых фактов, да и к Суворину лоялен. Только какой черт водил его рукой и понуждал вписывать в рукописи ленинские пассажи? У нас, русских,

принято: о мертвых — либо хорошо, либо ничего. Не правда ли? При внимательном знакомстве с сочинениями О. Г. Ласунского (я многолетний и добросовестный читатель краеведческой литературы) видны колебания автора в соответствии с изгибами партийной линии, то есть та самая идеологическая однобокость, «злободневно политические расчеты», приписанные им исключительно нам. К слову, и Андрей Платонов у регионоведа вначале — пристяжной партии большевиков, потом — сторонник прорабов перестройки.

Иметь любые взгляды невозбранно. Наш критик, повторим, не испытывал симпатий к Суворину. Примем это как данность. Невозбранно менять взгляды. Не меняются, как известно, только глупцы. Изменил точку зрения и наш оппонент. Указать на это в полемике — грех небольшой. Он, десятилетиями бранивший Суворина, вдруг поставил подпись под текстом (статья в книге «Историко-культурное наследие Воронежа», Воронеж, 2000), где Алексей Сергеевич характеризуется как «видный драматург, издатель и владелец газеты «Новое время».

В былые времена законодатель краеведческой моды этой характеристикой и определил бы место Суворина еще лет на семьдесят. Да вот незадача — нашлась эдакая редакция газеты «Берег», по инициативе которой издан сборник воспоминаний «Телохранитель России» (Воро-

неж, 2001) , где Суворин назван не «видным», а выдающимся русским журналистом, драматургом, патриотом. Дистанция от «видного» до выдающегося вроде бы небольшая, но для нашего регионоведа непосильная. Поэтому в той же статье в «Воронежских вестях» наш оппонент обнаруживает удивительную извечивость мысли. Суворин для него не только «умелый организатор и блестящий стилист», но также «националист и юдофоб». Поскольку речь идет об одном и том же человеке, то, согласно Ласунскому, получается, что Суворин... видный юдофоб. Это нечто новое в «научных» характеристиках личности. Увы, неистребимо «марксистское учение» о двух Толстых, двух Достоевских и т. д. И наш регионовед верил в наличие двух Сувориных, один из которых якобы предал демократические идеалы молодости. Позвольте уточнить, какие именно идеалы? Не участвовал а подготовке русской смуты и защищал основы российской государственности? Это не порок...

Меня упрекают в использовании приемов полемики, от которых отдает духом коммунальной кухни. Да ведь пример-то заразителен. Повторю не единожды сказанное по разным поводам. В 1995 году мне пришлось стать свидетелем курьезного собрания общественности в зале Дома архитекторов. Вот где царили нравы коммунальной кухни! Активисты комиссии по культурному наследию

распинали известного московского скульптора А. Н. Бурганова, автора памятника Бунину в Воронеже. Москвича (в его отсутствие) учили истории, литературе, «правильному» пониманию творчества И. А. Бунина, азам профессии, композиции и Бог знает чему еще. К сожалению, О. Г. Ласунский исполнял там партию первой скрипки...

В заключение позволю себе высказать одно соображение. Христианство внесло в наши представления идею линейной перспективы истории. Как невозможна во второй раз Голгофа, так немыслимо второе пришествие Ульянова-Ленина с его клеветой на Суворина. По весне река времени уносит прошлогодний мусор. Несмотря на бранчливые статьи, будет очищено от коросты заскорузлых оценок (в том числе с помощью наших малых усилий) и имя выдающегося земляка. Кстати, в одном из поздних писем к нему Лесков писал: «На днях я виделся случайно с критиком, который говорил много обо мне и о Вас, что мы, дескать, могли бы быть так-то и так-то поставлены, но нам сбавляют «успешный балл» за поведение. Я отвечал, что мы оба «люди конченные», и нам искать расположения уже поздно, но что, по моему мнению, в нашем положении есть та выгода, что оно создано органически публикою, а не критикою, и что критики нам ничего не могут сделать ни к добру, ни к худу».

К этим словам русского литературного классика мне добавить нечего.

Постскриптум-2013. Многолетние усилия редакции газеты «Берег» и наших единомышленников по восстановлению доброго имени А. С. Суворина на его родине увенчались успехом. В издательстве им. Е. А. Болховитинова вышла книга «Телохранитель России. А. С. Суворин в воспоминаниях современников» (составитель — С. П. Иванов). На фасаде дома Тулинова (проспект Революции, 30) в 2003 году установлена суворинская мемориальная доска. Во дворе областного училища культуры в Боброве в 2008 году торжественно открыт памятник Суворину. На Бобровском городском кладбище восстановлена могила матери Алексея Сергеевича. В Коршево, на малой родине Суворина, спасена школа, построенная на его средства...

РЕАБИЛИТАЦИЯ ТРАДИЦИИ

Заметки на полях нового века

№ 49 (571), 7 декабря 2001

Посредством традиции коллектив передает самому себе послание, необходимое для его выживания и самоподдержания.

Б. Бернштейн.

Многие политологи и публицисты, не сговариваясь, назвали 11 сентября 2001 года точкой отсчета третьего тысячелетия. Век начался с календарным отставанием. Гибель тысяч представителей десятков наций стала кровавой жертвой молоху либерализма. Выстроенные для себя «золотым миллиардом» границы оказались слишком уязвимыми. Постсовременное общество изменило само понятие географического пространства. Технические достижения цивилизации свели географическое пространство и время к нулю. Была реализована возможность в кратчайшие сроки направить летчиков-камикадзе в разные точки США. А миллионы телезрителей переживали Апокалипсис в режиме реального времени. Парадоксальным образом к восприятию всецело западных представлений об «открытом обществе» (Сорос) эффективнее подготовились страны традиционной восточной культуры. Парадокс этот, впрочем, мнимый. Тридцать лет назад модный американский футуролог Олвин Тоффлер, чьи книги теперь переведены в России, предсказал смену координат: неизбежное наступление эпохи противостояния по оси «Восток — Запад». Обрушившиеся здания Всемирного торгового центра поставили жирную точку и в книге Френсиса Фукуямы о «конце истории». История закончилась, чтобы начаться с чистого листа.

Но нас в данной ситуации интересуют не философские предпосылки развития постсовременного мира, а вполне осязаемые факты изменения духа западной цивилизации. Поучительно проследить, как менялась политическая атмосфера в мире до и после рокового сентября.

В конце августа 2001 года американский конгресс решил заморозить перевод 500 миллиардов долларов в счет долга Организации Объединенных Наций. 25 августа РИА «Новости» распространяет очередное сообщение об отношении США к проблеме противоракетной обороны (ПРО). «Слепоглухонемой» президент Буш уточнил, что американская сторона выйдет из Договора по ПРО «в удобное для Америки время», поскольку Договор «мешает нам делать то, что мы хотим делать». Но уже в ноябрьском выступлении с трибуны Генеральной Ассамблеи Буш искренне поблагодарил ООН за решительное осуждение терактов и уточнил: «идет борьба добра и зла — цивилизации и терроризма» и «с терроризмом должны бороться все как один». Генсек НАТО в ходе визита в Россию вторил стратегическому партнеру: «Впервые с тех пор, как была одержана победа над нацистами во второй мировой войне, у России и НАТО появился общий враг» (так! — Авт.). Люди, славившиеся своим диссидентством (типа Василия Аксенова) или либерализмом

(типа Владимира Познера), призывают испепелить, стереть точечными ударами исламские поселения. Неуступчивые США после 11 сентября, обставив свою позицию оговорками, признали проблему «чеченского терроризма». Навсегда исчез с политической арены вечно потный борец за права «угнетенных» бандитов лорд Джад. Борьба за мифические «права» не совместилась с морскими, наземными, воздушными войсковыми операциями.

Главный — к счастью, символический — удар мусульманские летчики-смертники нанесли по идеологии либерализма. Покойный ныне бард, кумир обезбоженной советской интеллигенции, некогда певший под аккомпанемент гитары про то, как «верит солдат убитый, что он пребывает в раю», оказался прозорлив. Глобальному «человеянику» (Александр Зиновьев), вооруженному до зубов, способному разрушать цивилизации простым нажатием ядерной кнопки, способному манипулировать сознанием миллионов, противостоит среди каменистых выжженных солнцем пустынь Афганистана горстка оборванных, плохо вооруженных людей. Они умирают во имя Аллаха. Но готовы ли доморощенные отечественные либералы, эпигоны Запада, все эти Немцовы, Кириенки и компания отправиться вслед за учителями в Афган? Нет. По заведенному сценарию ценности «цивилизованного мира» на таджико-афганской

границе пойдут отстаивать пареньки из рязанских, тамбовских, вологодских городов и весей — «гумус», питательная почва для продвинутой в западный мир России.

Та радость, с которой сытое московское телевизионное начальство велит журналистам сопровождать сюжеты из Афганистана, сродни блаженной улыбке параноика. Ведь ликующие моджахеды северного альянса десятилетие назад с тем же ликованием вспарывали животы «шурави». Тому, кто забыл, напомню: так именовались русские иноверцы... В который раз «цивилизованное человечество» наступает на грабли! Стоит ли в погоне за жизнью бен Ладена жертвовать в неизбежном межэтническом конфликте сотнями жизней? Ответ на этот вопрос слишком уж очевиден. «В России — ползучее пресмыкательство людей, которые надеются на хребте непокорных мусульман въехать в либерально-цивилизованный рай, — констатирует злой на язык теоретик современного исламского фундаментализма Гейдар Джемаль. — Ничего у этих господ не выйдет. Олигархи сделают Запад больше похожим на Освенцим, чем на Брайтон Бич». Если «Освенцим» воспринимать как символ тотального принуждения, то правота Джемалья очевидна. Противоположностью космополитичному «раю», миру, где господствуют гамбургер, светлокожий негр Джексон и евангелие от Билли Грэма (из-

вестный в США проповедник), может быть только национализм с культом там-тама у африканцев, сари у индийцев, сакэ и кимоно у японцев и т. д. Дух нации определяет и политические пристрастия, и свойства характера личности, и бытовые привычки. Нация выступает как нерасторжимое единство свойств и качеств, как целостность и ценность.

Сентябрь-2001 оказался роковым для идеологов российского либерализма. В России так и не удалось сформировать национальную идею на основе культа индивидуализма. Игра на эгоистическом интересе вернула общество к временам противостояния складывавшейся империи и Дикого поля. Стилизованные под средневековые замки новорусские особняки, огороженные высоченными заборами, опоясанные колючей проволокой и проводами под напряжением, не ограждают их владельцев от применения «достижений современной цивилизации» — изошренной аппаратуры слежения, винтовок с оптическими прицелами и автоматического оружия. Порочность этой идеологии была очевидна еще накануне русской смуты XX века. В 1914 году отец Павел Флоренский прозорливо предупреждал: «Само-утверждение личности, противопоставление ее Богу — источник дробления, распада личности, обеднения ее внутренней жизни». Столь же порочен и

приоритет доктрины самодовлеющего рынка (Греф). Не лишне вспомнить о том, что гайдаровское жонглирование монетами с двуглавым российским орлом обернулось крахом рубля в премьерство Кириенко.

Общество ищет более высоких и более захватывающих идей, стремится отыскать смысл индивидуального существования, не противоречащего коллективному бытию народа. На эти упования ответил на заре XX века Василий Розанов. По убеждению мыслителя, родник жизни всякого народа лежит в его (народа) понятиях о Боге, о душе, о совести, о жизни здесь и судьбе после смерти. Очевидная исчерпанность марксистского проекта, обернувшегося «черной дырой» истории, с одной стороны, и крах попыток привить на российской почве «либерализм без берегов» — с другой, еще десять лет назад развернули общество к старым русским альтернативам: почвенничеству, консерватизму, славянофильству. Чуткие к тектоническим сдвигам в общественном сознании, первыми откликнулись литераторы. В произведениях, позднее причисленных к целому массиву «деревенской прозы», была предпринята попытка исследования русского космоса. Характерно, что в начале девяностых годов на Останкино появилась передача «Русский мир», в самом названии которой слово «мир» передавалось как «міръ», то есть в значении

космоса, цивилизации, ойкумены. Имена К. П. Победоносцева, Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, Л. А. Тихомирова стали достоянием не только интеллектуальной элиты. Переосмыслению подверглись ценности консерватизма, главнейшими из которых являются культ сильного государства, церкви, нравственности, семьи, армии, патриотизма, самобытной культуры.

Примечательно, что и в современной марксистской мысли мода на консерватизм постепенно вытесняет моду на либерализм. Лидер КПРФ Г. А. Зюганов в книге «Россия и современный мир» делает попытку примирить сторонника теории культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского с Марксом и Лениным.

Острую современность не только в качестве символа, но и проекта обнаруживает изруганная правоведами марксистами знаменитая уваровская триада: «Православие. Самодержавие. Народность». Фактически формула эта задает координаты не только досоветской, но современной и постсовременной цивилизации. Президент такой сверхлиберальной страны, как США, приносит присягу на Библии. Главнейшая книга христианства выступает в качестве символа преемственности государства не только во времени, но и в вечности. В Великобритании с ее королевой и в Японии с ее императором традиционализм вполне

совместим с демократическими ценностями и не мешает экономическому процветанию государств. Предпринятая доморощенными отечественными либералами атака на такой государственный институт, как самодержавие, привела к обезбоживанию власти и появлению в Советской России монстров типа Сталина, Берии, Ежова и т. п.

Требуем восстановления в правах и «народность». Уничтожение самого этого понятия в марксизме-ленинизме (народ есть лишь абстракция, пустой знак, означаемое без означающего) в постсовременной России обернулось сведением народа к электорату, функция которого состоит в том, чтобы «правильно» проголосовать, заполнить бюллетень. Припомните знаменитый слоган розового периода перестройки: «Да — Да — Нет — Да». В личностных характеристиках ценилась прежде всего эта способность в «нужной» последовательности выстроить цепочку слов. Настала пора реабилитировать и «чувство любви к Родине». С «легкой» руки правозащитника Сергея Ковалева патриотизм стали определять как последнее прибежище негодяев. Этим утверждением, как кувалдой, размахивают приверженцы «открытого общества» в споре с традиционалистами.

Бухнув в колокола, либералы не удосужились заглянуть в святцы и присвоили афоризм Льву Толстому. Ставшее крылатым

выражение принадлежит, однако, английскому поэту и критику, автору «Словаря английского языка» Сэмюэлю Джонсону и имеет смысл, обратный тому, который приписали ему наши современные образованцы. Джонсон был убежден в том, что не все пропало даже у самого пропащего, отвергнутого обществом человека, если в его душе не угасает огонек любви к Родине. В своем обращении к избирателям Великобритании в 1774 году он специально подчеркивал: «Не может быть патриотом человек, который хотел бы видеть, как у его страны отбирают права».

Каким же образом традиция способна противостоять современному глобализму? Условия для культивирования традиции создает сильное и самостоятельное государство. Вот только вне сдерживающих его нравственных устоев оно разрастается подобно раковой опухоли, как это случилось в России после 17-го года. Отрицательный опыт советского Левиафана (в библейской мифологии — это морское чудовище, ставшее символом паразитарного государства) отзывается слишком уж саднящей болью. Задача состоит в том, чтобы найти противовес тотальному огосударствлению общественного бытия. Очевидно, противовес должен являть собой нечто несомненное, относительно чего существует солидарное мнение, некий неразтворимый остаток.

Формы государства историчны, изменчивы. Смена форм общественного устройства подчас сопряжена с отрицанием не только культурного наследия (теории ЛЕФа об особой пролетарской культуре — «сбросим Пушкина с парохода современности» и проч.), но и языка общения (после революции 1917 года языковед академик Николай Марр серьезно обсуждал возможность создания вместо «дворянского» особого пролетарского языка). В условиях социально-политического плюрализма преемственность языка, культуры и религиозных верований обеспечивает нации прочность.

Долгие годы культивировавшийся миф об интернационализме требует пересмотра. По нормативам ООН, мононациональной считается страна, в которой 67 и более процентов населения принадлежит к одной национальности. Русских в России по разным подсчетам от 82 до 85 процентов. Это больше, чем французов во Франции, немцев в Германии и даже евреев в таком этнократическом государстве, как Израиль. Поэтому русский национализм нуждается в реабилитации.

Между прочим, теоретик китайских экономических реформ Дэн Сяопин подчеркивал: «Я прежде всего китаец, а потом уже коммунист». Не потому ли Поднебесная империя входит в небольшую группу устойчиво развивающихся государств?

Системный кризис идентичности в нашем Отечестве порожден не столько отсутствием адекватной обстоятельствам времени политической системы, сколько многолетней дерусификацией. Впрочем, ситуация, кажется, начинает меняться. Согласно новейшим социологическим исследованиям, в большинстве своем русские предпочитают идентифицировать себя по этнонациональной принадлежности, а не по гражданству.

Показательна статья Дмитрия Rogozina в номере «Независимой газеты» от 16 ноября 2001 года. Слухменный депутат Гос. Думы от Воронежской области, чутко регистрирующий сдвиги в общественном умонастроении, закладывает фундамент для будущего здания национального прагматизма: «Мы должны понять неизбежный исторический закон: нация выше государства. Если государство подминает нацию, оно обречено».

Вовсе не случайно стал культовым фильм 2000 года «Брат-2», где Даня Багров повторяет знаковую для многих поколений соотечественников фразу: «Русские на войне своих не бросают». «Русский медведь» просыпается. Эта идущая снизу волна пока, к сожалению, гасится о волнорезы кремлевских бастионов. 30 ноября 2001 года Михаил Касьянов выступил с манифестом либеральной политики. Как сообщает правительственный официальный — «Российская газета», премьер строго

одергивал тех, кто требовал государственных вложений в промышленность. Кремлевские мечтатели озабочены «чисто либеральными задачами — поддержанием бездефицитного бюджета, который означает низкую инфляцию». Видимо, убежденность в низких темпах инфляции на родине и заставляет президента с энтузиазмом участвовать в решении проблем «родной Афганщины».

Политик, который мыслит и действует не в унисон, а в разрез с общественными чаяниями, обречен. Если на фоне татарского и башкирского сепаратизма русский национализм окажется невостребованным Кремлем, то Путин, подобно другому одиозному правителю — Брежневу, будет вспоминаться как мелкий политический деятель эпохи Витаса и Пенкина.

РУССКИЕ ИДУТ!

№ 28 (602), 12 июля 2002

Вгоды холодной войны американский конгрессмен в припадке параноидального страха выбросился из окна с криком: «Русские идут!». Столь же разрушительные чувства владеют умами некоторых наших современников и соплеменников. Очередная попытка спокойного, неагрессивного обсуждения русско-еврейского вопроса, как обычно, встречена в штыки местечковой либерал-интеллигенцией. Вслед за майской («Берег», №22, 2002) публикацией историка В. Стрыгина «О чем не сказал Солженицын» в газете «Воронежский курьер» (№70, 22 июня 2002) появилась статья Александра Булгакова «Антисемитизм как форма душевной болезни».

Пафос статьи выражают два тезиса: 1) для оправдания антисемитизма пытаются отыскать аргументы в Библии; 2) бред о сионских мудрецах возбуждает межнациональную и межрелигиозную рознь.

О Библии скажем ниже. Что касается «межнациональной и межрелигиозной розни», то ее порождает отнюдь не «бред о сионских мудрецах», в чем твердо убежден А. Булгаков, а либеральные запреты и фобии. По сходному поводу русско-еврейский публицист и

литературный критик из Санкт-Петербурга В. Топоров заметил: тезис, согласно которому антисемитизм преступен по определению, сам по себе насильствен и агрессивен; он может быть оспорен как любое априорное утверждение. Что ж, поспорим.

«Бредом» названы печально известные «Протоколы сионских мудрецов». В этой книге, увидевшей свет в начале XX века стараниями русского духовного писателя С. Нилуса, предсказаны многие нынешние катаклизмы. Обычно при упоминании «Протоколов» сообщается, что их состряпал сотрудник царской охраны в Париже Рачковский, который будто бы украл семьдесят процентов текста у французского писателя Мориса Жоли. Но разве в этом дело? Суть не в авторстве текста. Спор идет о том, соответствует ли изложенное «Протоколами» тому, что наблюдается в общественно-политической реальности.

Кто хотя бы раз слышал публичные выступления Г. Хазанова, все понимает без объяснений, даже и не ведая о существовании «Протоколов». А теоретическую базу под эстрадную пошлость, закладывает член Академии наук Арон Гуревич, убежденный в том, что «в глубине души каждого русского пульсирует ментальность раба». Так что «русско-еврейское Бородино» (определение С. Куняева) порождено не доморощенной русской глупостью. Это попытался втолковать

еще в 1998 году в своем на шумевшем открытом письме жестоковыйным соплеменникам писатель Эдуард Тополь. По его убеждению, главный кукловод в России «имеет длинную еврейскую фамилию Березовско-Гусинско-Смоленско-Ходорковский». Вряд ли газета «Берег» сумеет разжечь антисемитизм сильнее, чем это делают сами евреи.

Тот же Топоров подметил в своих земляках настойчивое стремление угадывать и вычислять процент еврейской крови у знаменитых людей — «и там, где она есть, и там, где ее ни сном ни духом не было». И он же честно признается в наличии некоей национальной паранойи, заставляющей евреев безмерно преувеличивать и всячески раздувать мимолетную, уже миновавшую или вовсе мнимую опасность. Это объясняет, почему право русских, одно лишь желание поразмышлять о национальной самоидентификации вызывает ожесточенное сопротивление, множит обвинения в шовинизме и национализме.

Здесь уместно заметить, что русский национализм никогда не превращался в узкоэтнический эгоизм. Ибо был одушевлен православной верой, которая апеллировала не к крови, роду, племени. В отличие от иудаизма. Национальный «эгоизм» русских в империи спас от исторического небытия десятки этносов. И ныне приклеить нам ярлык

антисемитов не удастся. По крайней мере, до тех пор, пока миллионы избирателей не перестанут голосовать за евреев Явлинского и Жириновского.

«Антисемитские» высказывания «Берега» опровергаются авторитетом Библии, которая толкует о богоизбранности еврейского народа. И, казалось бы, это ставит нас в затруднительное положение. Пытаться спорить — значит попасть в глупое положение. Опровергать Священное Писание все равно, что стрелять из пушки по воробьям. Лукавство в данном случае состоит в стыдливом умолчании об оборотной стороне богоизбранности. Интеллектуальная честность требует указать, какие санкции выдает евреям их закон во имя той самой исключительности.

Во Второзаконии читаем: «А в городах сих народов, которых Господь Бог твой дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души...» (20, 16). Пророк Исаия освобождает соплеменников от моральных обязательств: «Ибо гнев Господа на все народы, и ярость Его на все воинство их. Он предал их заклятию, отдал их на заклятие» (34, 2). Иисус Навин констатирует: «И предали заклятию всё в городе, и мужей и жен, и молодых и старых, и волов, и овец, и ослов, [всё] истребили мечом» (6, 20). Второзаконие предупреждает: «...не можешь поставить над собою [царем] иноземца, который не брат Тебе» (17, 15).

Против такой исключительности и направлены все инвективы Нового Завета.

Христианскому богослову, просто начитанному, хорошо знакомому с библейскими и богословскими текстами человеку не требуется напоминать о том, что Тора (Пятикнижие Моисея — первые пять книг Ветхого Завета), а особенно Талмуд (собрание догматических, религиозно-этических и правовых положений иудаизма) беременны христорством и отвержением христианства. На эту тему много размышляли Василий Розанов и отец Сергей Булгаков.

Свидетельство отца Сергея ценно хотя бы уже тем, что этого религиозного мыслителя никак не причислишь к юдофобам. Из сороковых годов XX века доносится до нас его пророческое слово. «Если со стороны еврейства существует сознательная или несознательная, инстинктивная вражда ко Христу и христианству, то и наоборот, со стороны христиан как верующих, так и неверующих даже, существует ответное чувство самозащиты и соревнования. Между иудейством и христианством есть отношение взаимной обиды и непризнания, с проистекающей отсюда враждебностью. Она отражается и в памятниках иудейской письменности... Поэтому напряженная ревность, доходящая до вражды, является здесь естественной, она даже достойнее, чем взаимное равнодушие

и небрежение». Апеллируя к богоизбранности евреев, автор статьи в «ВК» при помощи цитат пытается доказать, что Новый Завет был своеобразной лестницей вниз. «Богоизбранному» народу противопоставлены христиане, но не все, а именно православные. (Вообще-то смешение этнических и вероисповедных признаков выглядит несколько странно. Однако такова логика у богослова, сталкивающего евреев — а не иудеев — и христиан.) Цитирую. «К сожалению и стыду, Церковь... оставив в стороне Писание, пошла вслед за поучениями своих учителей и воскресила вражду, — и вот это уж точно богопротивно».

Александр Григорьевич Булгаков принадлежит, по всей видимости, к тем русским, для которых всегда значимее было любить именно дальнего, а не ближнего. Этот широко распространенный ныне тип либерала, упивающегося сладостной ненавистью к отечеству, отнюдь не нов и представлен в нашей культуре небольшими группками во все века. Именно потому сходство размышлений Гуревича и автора статьи в «ВК» обнаруживается без особого труда. И жить мы не научились, и христианство в России «всегда было какое-то странное», и «лучше бы было спросить с себя, русских: отчего так безбожно пьет и курит все население, мужчины и женщины, — ведь называют-то себя православными». (Так-таки

уж все, Александр Григорьевич? Вы что же, проводили на сей счет социологические исследования?) Полемизировать с подобными утверждениями скучно, ибо какую же логику можно обнаружить в русофобском бреде, даже тогда, когда русофобия прикрыта респектабельным наукообразием, пользуется всем арсеналом интеллектуальных средств, таких, к примеру, как апелляция к авторитету Священного Писания.

Комментария требует другой пассаж А. Булгакова. Начнем с цитаты: «...Если весь город заклеен свастикой с призывом хранить веру православную, то тут положено быть немой сцене с разведенными от недоумения руками. И иерархи РПЦ от этого ни разу не отмежевались». Ну что тут сказать... Как известно, нацисты использовали красный цвет на своих флагах. Надо ли навсегда подвергнуть запрету этот цвет? Ответ очевиден. Как очевидны намеки на то, что православные иерархи благословляют свастику. А это пахнет клеветой...

Вот, к примеру, Новый Завет велит подставлять ланиту, не отвечать злом на зло, требует милости, а не жертвы. Александр Григорьевич и гневается, и судит, и отказывает в милосердии верующим во Христа не так, как он сам. Взято ли тем самым все христианство под подозрение? Скорее следует усомниться в христианских чувствах автора статьи в «Во-

ронезском курьере» да выразить сочувствие газете, которая уподобилась унтер-офицерской вдове и высекла сама себя. Вменить в вину «Берегу» антисемитизм ей не удалось. А вот корни злобной зоологической русофобии обнажены...

И последнее. Статья в «ВК» начинается так: «В очередной раз газета «Берег» выплеснула на своих читателей антисемитскую грязь. Причем без всякого — как обычно — повода...» Следовательно, по поводу «выплескивать» дозволяется. Тогда о чем шумите вы, народные витии? Здесь у автора обнаруживается смысловая нестыковка. Отчего не допустить, что в Финляндии, где Булгаков учился христианскому богословию, дефицит квалифицированных преподавателей логики...

ИНТЕЛЛИГЕНТСКАЯ «ПРАВДА» И ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА

№ 47 (621), 22 ноября 2002

Десятого ноября 2002 года на пресс-конференции в Брюсселе в ответ на предельно жестко и провокационно поставленный западным журналистом вопрос В. В. Путин выразился столь же жестко и откровенно. Предложение президента сде-

лать обрезание, причем такое, «чтобы больше ничего не выросло», центральные средства массовой информации обсосали всяк на свой лад, кто как мог, откомментировали с привычным интеллигентским хамством. Дошел черед до провинциальных газет. Шестнадцатого ноября «Воронежский курьер» на первой странице 132-го номера поместил статью «Как слово наше отзовется».

Статья начинается эмоционально: «Как, по-вашему, можно назвать человека, который публично оскорбляет того, кто заведомо слабее и не может ответить?» И чтобы уж вовсе избежать неопределенности, автор переносит свою характеристику отдельного человека на множество людей, лапидарно чеканит: «Легко допускаю, что значительная часть нашего населения от этой реплики президента в восторге: атмосфера насилия и агрессии пробуждает в людях не самые лучшие чувства».

Постановка вопроса сколь демагогическая, столь и искусная по умению смешивать причины и следствия. Попытаемся реконструировать подлинную логику причинно-следственных связей.

Россия, которая в оцепенелом бесчувствии взирает на отрезанные головы трех британцев и новозеландца; ждала очередного взрыва в Воронеже, Москве, Каспийске; устами премьера униженно вела переговоры с бандитом

Басаевым; с эскортом провожала террористов в их логово после кровавого налета на Буденновск — такая Россия нравилась толерантной и «человеколюбивой» Европе. Ведь это не на Елисейских полях рассыпались в прах фешенебельные особняки. Не в бюргерских предместьях Бонна, а в зверином зиндане заходился в истеричном плаче несчастный еврейский ребенок, когда ему отстреливали пальцы для устрашения родителей — торопили их с выкупом. Такая Россия нравилась нашим доморощенным либералам. Кто же удержится от искушения попинать ослабевшего льва! И пинали, с мазохистским сладострастием чернили российскую армию, характеризовали ее как орду мародеров. И что уж далеко ходить за примерами. В июне 2002 года на страницах «Воронежского курьера» сторонник «рационалистического европейского христианства» представил всех без исключения русских как скопище пьяниц.

Держава, ставшая на пути тех, что возмечтал о халифате от моря до моря; ткнувшая горящей головешкой в пасть ичкерийского волка, когда тот вонзил когти в дагестанскую землю; покончившая с массовой практикой работорговли в «независимой Ичкерии» — словом, держава, умеющая за себя постоять, нравится меньше.

И вот русский медведь окончательно проснулся. Драма на Дубровке стала поворотным

пунктом и для президента, и для всей нации. На Руси издревле истово верили: поднявший меч от меча и погибнет. Живые бомбы из банды Бараева торопились в объятия Аллаха. Спецназовцы помогли осуществиться их страстному желанию.

В октябре 2002 года мы поняли, как одинока Россия в жестоком мире. Но одновременно осознали, что у нас есть президент, есть армия, есть профессионалы высочайшего класса — словом, все атрибуты государства. В отличие от «стыдливого» Ельцина Путин не побоялся назвать терроризм подлинным именем, а к сочувствующим обратился с использованием привычной для них лексики.

И не стоит нас пугать последствиями неизбежной, будто бы, межнациональной конфронтации. Никакая особая кавказофобия России не присуща. Неприязненное к себе отношение провоцируют сами «гости с юга» да чеченские бандиты, не скрывающие своей национальности.

Драма в ДК шарикоподшипникового завода позволила расставить многие точки над «і». В анналах истории останется факт двусмысленного поведения нынешнего чеченского лидера. Он — как выяснилось — «не знал» о предложении бандита Бараева. Тот, как мы помним, предложил в обмен на Кадырова отдать пятьдесят заложников. Равно как останется зарубкой в национальной па-

мяти сдержанное неодобрение действий Бараева со стороны представителей столичной чеченской диаспоры. Сдержанное до неосязаемости...

Всяк верит в то, во что хочет верить. В дни, когда драма на Дубровке была еще далека от разрешения и никто не ведал, по какому сценарию будут развиваться события, продвинутые татарские интеллектуалы сделали свой выбор. «Инженер человеческих душ», татарский писатель с экрана ТВ издевательски предложил президенту России поискать пресловутые сортиры в ДК шарикоподшипникового завода. Что же, и это унижение на общий счет запишем...

А у тех, кто стремится перевести конфликт в плоскость межнациональной и межрелигиозной вражды, ничего не выйдет. За тысячелетнее бытие Россия выработала уникальный опыт сосуществования народов. С учетом этого опыта мы имеем множество оснований для оценки подстрекательства как деяния бесплодного. Забывчивым же напомним об одном из эпизодов шумной пропагандистской кампании глобалистов против России.

В первую чеченскую войну на воровские деньги олигарха Гусинского журналистка НТВ Елена Масюк лепила из Салмана Радуева — Титаника и ичкерийского Геббельса — Мовлади Удугова образы благородных повстанцев,

этаких современных Робин Гудов. Лепила до той поры, пока сама не попала в лапы бандитов. Попала, заглянула в дуло автомата, рассмотрела вблизи «повстанца» со средневековым менталитетом — и переменила мнение. Бог в помощь!..

Кстати предупрежу возможные упреки за сравнение Удугова с главным нацистским пропагандистом, сравнение, которое моим чувствительным оппонентам из либерального лагеря может показаться «некорректным». Спецслужбы перехватили переговоры бандитов с одним из ближневосточных дирижеров террористической акции на Дубровке. Барев сказал буквально следующее: мы сделаем то, что им (следует разуместь русских) не сделал Гитлер... После трагических событий на Дубровке, думаю, поубавится желающих выдавать контртеррористическую операцию на Северном Кавказе за геноцид...

Нельзя не удивиться и той легкости, с которой демократический и либеральный «Воронежский курьер» заимствует пропагандистский опыт коммунистического агитпропа. Цитирую статью «Как слово наше отзовется». «На днях в газете «Известия» было опубликовано интервью с одним из теоретиков и историков терроризма... Так вот он сказал примерно следующее: раньше в Российской империи умели бороться с терроризмом, причем не только спецслужбы, а и сам народ,

который «мочил» террористов, не доводя до сортира. В качестве примера такой борьбы он привел деятельность «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела». То есть организаций, которые, насколько известно из курса истории, отличились на поприще еврейских погромов...»

Что на это ответить? Ныне всякому любопытствующему доступны не только «курсы истории» профессоров Минца и Ойзермана. Сии последние, как известно, диалектику учили не по Гегелю, со всеми вытекающими последствиями. Поэтому любой продвинутый публицист обязан знать кое-что сверх привычной марксистской мифологии. И о погромах, и о нефальсифицированной деятельности упомянутых Союзов. Если, конечно, стремится к поиску истины...

Прежде всего обратим внимание на такой факт. В Союз русского народа и Союз Михаила Архангела входили виднейшие ученые и деятели отечественной культуры, в частности, академик А. И. Соболевский, один из авторитетнейших филологов академик К. Я. Грот, один из крупнейших медиков профессор С. С. Боткин, великая актриса М. Г. Савина, превосходные поэты К. Случевский и М. Кузмин, не менее превосходные живописцы К. Маковский и Н. Рерих. Какие-либо свидетельства об участии столь почтенных людей в подстре-

кательских акциях исторические источники не содержат.

На это могут возразить: перечни имен даже и виднейших представителей нации ничего не доказывают. Что ж, обратимся к иным фактам. По подсчетам современного историка С. А. Степанова (1992 год), в ходе первой русской революции только эсеры, эсдеки и анархисты убили более пяти (!) тысяч правительственных служащих. Черносотенцам вменяют в вину организацию всего трех убийств.

Восемнадцатого июня 1906 года под Петербургом был убит кадетский депутат Думы М. Я. Герценштейн. Это преступление приписали Союзу русского народа. Однако начальник петербургского охранного отделения А. В. Герасимов в своих воспоминаниях, написанных в эмиграции, высказал предположение о том, что в убийстве мог принимать участие тогдашний петербургский градоначальник В. М. фон дер Лауниц, который до начала 1906 года был тамбовским губернатором и прямо столкнулся с погромами помещичьих усадеб. Эти погромы Герценштейн неосторожно назвал с думской трибуны «иллюминациями». Слово это болезненно отозвалось в разных уголках России. Стало очевидно: русская смута — трагедия не для всех. Творцы террора, инициаторы аграрных беспорядков удовлетворенно по-

тирала руки. Герценштейн был убит из-за угла. Имена инициаторов и исполнителей остались неизвестны... Не исключено, что к его ликвидации причастны свои же. Провокации в ту пору были в большой моде. Да и списать кровавый акт было на кого. Обвинили, разумеется, «проклятый царизм».

Теперь поговорим о погромах. Обратим внимание на такое обстоятельство. Видный еврейский ученый Д. С. Пасманик на страницах Еврейской энциклопедии (издавалась в течение 1903—13 годов) утверждал, что у погромщиков не было «явно выраженной расовой вражды...». Погромы в Российской империи начались в 1881 году, за четверть века до создания «черносотенных» Союзов. Характерно, что Еврейская энциклопедия, авторов которой трудно заподозрить в горячей любви к царизму, статью о Союзе русского народа начинает словами «Союз возник в конце 1905 года...» Здесь нет и намека на его причастность к погромам, ведь волна их прокатилась по империи еще в октябре 1905 года, после обнародования высочайшего манифеста 17 октября 1905 года о даровании гражданских свобод.

Другой историк, В. Левицкий (В. О. Цедербаум), помогает уточнить хронологию событий. Запись в члены Союза русского народа «началась после декабрьского поражения 1905 года». В течение следующего года происходит

всего три погрома (начиная с 1907 года их вообще не было). А это время активной деятельности Союзов. Нельзя умолчать и о том, что места двух из трех погромов — Белосток и Седлец — это чисто польские города, где те части населения, к которым мог апеллировать Союз русского народа, были небольшими (основное население этих городов относилось к Союзу заведомо враждебно).

Стремясь к объективности, В. Левицкий вынужден признать: Союз русского народа не раз выступал с самыми резкими осуждениями противоеврейских погромов, вместе с тем утверждая, что погромы порождены экономической практикой евреев. По мнению многих серьезных исследователей, именно экономическое неравноправие коренного русского населения и порождало ожесточенные столкновения. И происходили они не в великорусских губерниях, а на окраинах империи, в пределах пресловутой черты оседлости, то есть как раз там, где концентрация торговцев-евреев была максимальной.

В отличие от нелюбознательных отечественных либералов Борис Березовский, не поленившийся, по его собственным словам, исследовать проявления «русского фашизма», понял, «что русские в высшей степени веротерпимы, менее других подвержены национальным фобиям, и те проявления, которые следует назвать черносотенными или

погромными, в течение истории России не выходили за рамки общеевропейских «стандартов», да просят мне это кощунственное слово в данном случае. Огромное количество евреев поселились в России. Ушли они из Европы, спасаясь от преследований. Это был самостоятельный выбор, и это означало, что в России им было безопасно, безопаснее, чем в остальных странах Европы».

Наши либералы домашней выделки любят с придыханием ссылаться на авторитетов из Европы и США. Так вот, по мнению исследователя русской смуты американского историка Анны Гейфман, разного рода революционные террористы, а в их рядах инородческий элемент был представлен обильно, убили в 1900-х годах около семнадцати (!) тысяч человек. «Черносотенцам» же — повторим — приписывают максимум три убийства.

В заключение необходимо сказать следующее. Публикация в «Воронежском курьере» не просто реанимирует бородатый миф о России как «тюрьме народов», но и объективно способствует разжиганию социальной и межнациональной розни, ибо представляет в превратном свете и прошлое, и настоящее.

Мифология живуча и чрезвычайно устойчива. Либеральная пресса свободной России почти убедила «цивилизованный мир» в некоей патологической кровожадности русских.

В кривом зеркале желтой прессы контртеррористическая операция в Чечне предстает как геноцид. Предварительные итоги всероссийской переписи наносят удар по идеологии небескорыстных мифотворцев, по «правозащитникам», возросшим на долларовых подачках. Даже с учетом массового исхода русских из Чечни ни о какой демографической катастрофе в этой республике говорить не приходится. С 1989 года, когда проводилась предыдущая перепись, население Чечни выросло. Российские военные и сотрудники правоохранительных органов борются в Чечне не с народом, а с бандитами. Бандитов и подонков в любом народе, к счастью, всегда меньше, чем порядочных людей.

КУЛЬТУРА ПОЛУРАСПАДА

№ 50 (624), 14 декабря 2002

У либералов все смутно, все спутано, все бледно, всего понемногу. Система либерализма есть, в сущности, отсутствие системы, она есть лишь отрицание всех крайностей, боязнь всего последовательного и всего выразительного.

Константин Леонтьев, 1860.

Рухнувшую советскую империю почти-
тает своим долгом проклясть всякий
продвинутый отечественный либерал. Каких
только уничижительных эпитетов не удо-
ставалась имперская культура! От представи-
телей нацменьшинств и «малого народа» —
за великодержавный шовинизм. От непри-
знанных гениев — за «зверства» цензуры. От
диссидентов и внутренних эмигрантов — за
отсутствие толерантности и невнимание к за-
падным ценностям. От... Впрочем, ряд мож-
но продолжать до бесконечности.

Тоталитарную имперскую культуру мож-
но судить по гамбургскому счету за ложные
идеалы и неуместный пафос, за неумеренный
идеализм и догматизм. Однако у ее творцов
не отнять ни эстетического чутья, ни таланта.
Ее скрижали писаны не только чернилами
с вице-губернаторского стола, но и кровью
сердца. Тогдашние Акунины и Маринины
(имя им легион) служили лишь подножием
пирамиды. Вершину складывали другие.

Но вот монблан разрушен, да здравствует
свобода! И потекли реки фекальной прозы
Сорокина, а словарь «живого великорусского
языка» обогащает «матовый» Виктор Ерофе-
ев. На руинах тоталитаризма пышным цве-
том, подобно травам на облученных землях
чернобыльской зоны отчуждения, расцвел
либерализм. Свобода теперь — все, запре-
ты и табу — ничто! — утверждает министр

Швыдкой, бросившийся на защиту Сорокина. И — что?

Торжествующие либералы поменяли иерархию ценностей. Надо отдать должное Михаилу Швыдкому. В чем, в чем, а в непоследовательности его не уличишь. Последним аргументом в его настойчивой борьбе за возвращение Германии культурных ценностей, которые СССР получил как победитель во второй мировой войне, стало ток-шоу министра с названием чеканным и не оставляющим простора для иных толкований: «Русский фашизм страшнее немецкого».

«Русским фашистам» национальное достояние ни к чему. Об этом с пугающим постоянством сообщает детище министра — телевизионный канал «Культура», этот своеобразный путеводитель по субкультуре интеллигентского распада. Ибо рафинированная утонченность «Сфер» Иннокентия Иванова, интеллектуальное пиршество в цикле Феликса Разумовского «Кто мы?», музыкальное просветительство Святослава Бэлзы, Леонида Серебренникова, Артема Варгафтика заглушается пошлыми еженедельными ток-шоу самого министра да аналитическими программами «Тем временем». Ведь это не где-нибудь, не в передаче русофоба Киселева («Итоги» на ТВС), а на канале «Культура» Швыдкой бросил в массы лозунг «Русского языка нет без мата».

Всякий телеканал с претензиями обязан ныне иметь аналитическую программу. В роли аналитика «Культуры» подвизается Александр Архангельский, совмещающий работу говорящей головы на федеральном ТВ со службой в старых «Известиях». Его телевизионное «Время» представляет собой интерпретацию горячих событий недели при помощи инструментария современной культурологии, точнее, плохо переваренного западного постмодернизма. Этот новейший «изм», продукт интеллектуальной деятельности цивилизованного мира, принял на вооружение метафору неистового Фридриха Ницше «Бог умер!» А раз так, значит, все позволено, все смешалось: высокое и низкое, божеское и дьявольское, верх и низ, свет и тьма.

Еще в начале девяностых годов бдительный г-н Архангельский (в книге «У парадного подъезда. Литературные и культурные ситуации периода гласности») разоблачал «охотнорядский» антисемитизм журнала «Наш современник», искал противоядие против национализма. Разумеется, русского. Нынче он укореняет на обломках самовластья либеральные ценности.

Сорокаминутка «Тем временем» воскресным вечером 24 ноября 2002 года была посвящена исследованию взаимосвязи и взаимовлияния искусства и бизнеса. Образы культуристов шоу-бизнеса олицетворяли...

Нет, не бесконечные Киркоровы, «Сливки», бесчисленные мастера «фанеры», бабочки-однодневки эстрады, имена же их «ты, Господи, веши». Сценарным замыслом мундиры коммерсантов от искусства примеривали на... художника Александра Шилова и балерину Анастасию Волочкову. А судьи кто?

В качестве экспертов выступали создатель телевизионных клипов Ю. Грымов, автор широко известного в узких кругах фильма «Му-му», и сценарист современного телевизионного «мыла» (сериал «Остановка по требованию» и проч.) А. Слаповский.

По убеждению г-на Архангельского, Шилов, как живописец, кончился с развалом советской империи, интересы которой он обслуживал. Волочковой ставили в упрек не только необычайную творческую активность, но и рекламные растяжки с ее именем на столичной Тверской улице. Одна такая растяжка, заходилась в священном ужасе приглашенный эксперт, стоит целых десять тысяч долларов.

Ведущий и эксперты действительно проявили проницательность. Волочкова и Шилов выделяются в общем потоке культуры. Выделяются прежде всего стремлением утвердить самостоянье человека в расчеловеченном мире, стремлением выразить его тягу к превышемирной гармонии, к Божественному совершенству. Тонкой пластикой тела и кистью. Имперская

портретная галерея А. Шилова интересна как раз тем, чем высокопоставленные и безвестные обитатели бывшей шестой части суши привлекательны для живописца: в них запечатлены не только приметы излишне пафосного и трагедийного времени, но и дух ушедшей эпохи. В них есть все то, что отрицает либеральная культура, где душа редуцирована до инстинктов и надо всем царствует патология. Сбрось Волочкову, Шилова (ряд можно продолжать) с парохода современности, и что же останется? На освободившиеся места будут претендовать люди типа галериста Марата Гельмана, предложившего желающим заглянуть в коровий зад. Раскоряченное четвероногое копытное из папье-маше олицетворяло у него Россию... Разницу почувствуйте сами.

Александр Архангельский, конечно, не подходит на скандального галериста, будет потоньше Шендеровича (канал ТВС), который на голубом глазу спекулирует пусть даже во имя благих политических целей погибшими при штурме на Дубровке детьми. Его «эстетика смуты» (термин прозаика Алексея Варламова) несомненно респектабельнее примитивной русофобии Льва Новоженова (передача «Тушите свет» на канале ТВС). Роднит их всех итог мысли. Легкое, едва заметное интеллигентное передергивание — и гуманистический пафос низринут, запятнан тягой к «презренному металлу». Подразумевается, что носите-

ли современной эстетики — бессеребренники... Но разве не либералы учат нас, что нехорошо считать деньги в чужом кармане?

Десяток лет назад в книге «У парадного подъезда» А. Архангельский написал: «Идеология «внутреннего плюрализма» есть не что иное, как демократическая маска на страшном лице тоталитаризма. И конечная цель ее: воцарив мерзость запустения где не должно, тут же оборотиться против тех, кто способствовал ее победе». Пророческие слова. На субкультуре интеллигентского распада ничего, кроме «Тем временем» Архангельского (и «Времен» Познера на ОРТ), взойти не могло. Подлинная культура всегда иерархична, апеллирует к вечным ценностям. Какой же может быть плюрализм мнений об истине, добре и красоте?

ДЕЯТЕЛЬНЫЙ ВЛАДЫКА

Штрихи к портрету митрополита Мефодия

№ 20 (646), 16 мая 2003

Восьмого мая 2003 года, в разгар предпраздничных хлопот информационные агентства сообщили о заседании Священного Синода Русской православной церкви и принятых им решениях. Синодалы постановили создать на территории Казахстана ми-

трополичий округ. В него вошли три местные епархии. Митрополит Мефодий, который ранее был правящим архиереем Воронежско-Липецкой епархии, возглавил округ и назначен митрополитом Астанайским и Алма-Атинским с постоянным пребыванием на кафедре в Астане.

С именем митрополита Мефодия связана одна из ярких страниц новейшей истории древней Воронежской епархии. Уже сегодня очевидно, что и в годы узаконенного государственного атеизма, и в эпоху демократии с ее плюрализмом, доходящим до апологии чужебесия, когда россиян «укрепляли в вере» все кому не лень, кроме, пожалуй, полинезийских язычников и австралийских аборигенов-анимистов, он крепко держал в руках штурвал церковного корабля. Чем немало способствовал оживлению приходской жизни, возрождению и укреплению православных традиций, одолению смут и нестроений.

Преосвященный Мефодий (в миру Николай Федорович Немцов) входит во влиятельную группу иерархов РПЦ — выходцев с Украины. Он родился в 1949 году в Ворошиловградской (ныне Луганской) области в семье служащего. После окончания железнодорожного техникума поступил в Одесскую семинарию, продолжил духовное образование в Ленинградской Духовной ака-

демии, а затем был принят в аспирантуру Московской Духовной академии. Монашеский постриг принял в двадцатипятилетнем возрасте. Деятельный и образованный инок был замечен и назначен заместителем председателя Отдела внешних церковных сношений — этого своеобразного церковного министерства иностранных дел. После недолгого окормления иркутской, читинской и хабаровской паствы был переведен на воронежскую кафедру, где прослужил с июля 1982-го по апрель 2003 года. Будучи воронежским архиереем, четыре года нес послушание в качестве председателя Хозяйственного управления Московской Патриархии. В свое время Мефодий стал самым молодым митрополитом РПЦ (возведен в этот сан в 1988 году). Так были отмечены его заслуги по подготовке и проведению празднования тысячелетия Крещения Руси.

В начале восьмидесятых годов владыка принял более чем скромную Воронежскую епархию. Достаточно напомнить о том, что в то время на весь восьмисоттысячный областной центр было всего лишь три храма и ни одного монастыря в пределах двух областей — Воронежской и Липецкой. После передачи епархии последнего из сохранившихся с дореволюционных времен Ильинского храма на территории Воронежа теперь насчитывается тридцать храмов, пятнадцать

из которых — действующие. Усилиями Мефодия возрождены монастыри в Воронеже и Задонске, верующим возвращены мощи святителя Митрофана и Задонского чудотворца Тихона. В статистическом отношении епархия выглядит так. К 1999 году было зарегистрировано 352 прихода. Из 232 клириков почти сотня имеет высшее светское образование, около тридцати «академиков» (выпускников духовных академий). Вновь после долгого вынужденного перерыва действует семинария. При многих приходах открыты воскресные школы. Для воцерковления граждан клирики епархии используют не только амвоны — они проповедают в учебных аудиториях, из студий радио и телевидения.

В окружении Мефодия стремились засветиться политики всех калибров. Его расположения старались снискать, знакомства с ним добивались, дружбой с ним козыряли. О дружеских связях с Мефодием не уставал напоминать избирателям во время кампании по выборам губернатора член КПРФ Иван Михайлович Шабанов. Архиерей публично не выказывал симпатий ни одной из местных политических сил, но связи с истеблишментом использовал максимально эффективно. Иногда, правда, к немалому смущению церковного народа. Когда в прессу просочились сведения о выделении из областного бюджета семи миллионов рублей на строительство

Благовещенского кафедрального собора в Первомайском саду, возник скандал. Возражали не против строительства, а против выделения денег из скудной областной казны. Ведь почти треть бюджета в пору губернаторства Шабанова составляли прямые вливания из федерального центра. Мало-помалу страсти поутихли, строительство кафедрального собора вступило в завершающую стадию, а в рейтингах влияния местных политиков митрополит все последние годы занимал вторую-третью строчку (как бы мы ни относились к подобным рейтингам и их составителям). Ни у кого не вызвало возражений присуждение Мефодию звания почетного гражданина Воронежа.

Преосвященный владыка был сторонником жесткого волевого стиля управления, внимательно следил за умонастроениями клира и пресекал всевозможные формы околоцерковной активности. Так деятельность православных братств была пресечена в зародыше. Столь же жестко он поступил, когда в Задонском Свято-Тихоновском женском монастыре активную деятельность развил духовник обители архимандрит Петр, вследствие чего там стал формироваться параллельный центр духовной власти. Реакция была мгновенной. Петр и поддерживавшая его группа насельниц были довольно бесцеремонно удалены из монастыря. Скандал получил всероссий-

ский резонанс. Большинство писавших об этом скандале заняли резко осуждающую по отношению к церковным властям позицию. Однако их выводы явно однобоки. В церкви допускается разномыслие, «дабы открылись искусные» (1 Кор., 11, 19), но она нетерпима к инакомыслию. Иначе как могла бы пронести сквозь два тысячелетия неповрежденным свет Христовой истины?

При Мефодии активную роль играл аппарат епархиального управления, где царили вязкие, «византийские» нравы. Пробриться на прием к архиерею сквозь бюрократические препоны верующим было непросто. Что не в лучшую сторону отличало Мефодия от его викария — доступного и демократичного епископа Никона, и деятельного, волевого и при этом открытого для паствы Белгородского епископа Иоанна.

Намекали на связи воронежского владыки с КГБ. В начале девяностых годов по этому поводу пришлось публично объясняться с воронежцами через светские средства массовой информации епархиальной службе по связям с общественностью. Намеки были расценены как инсинуации врагов церкви...

Административные таланты митрополита Мефодия, без сомнения, окажутся кстати при осуществлении намеченных масштабных реформ в Казахстане — стране, где РПЦ окормляет паству, вынужденную существо-

вать в инославном и иноплеменном окружении. С этой точки зрения решение Синода представляется весьма разумным. И все же перемещение митрополита с воронежской кафедры незадолго до празднования в столице Черноземья всероссийских Дней славянской письменности и культуры носит демонстративный характер и требует комментариев.

Обратим внимание на такой факт. В течение двух десятков лет воронежский архипастырь принимал активное участие в установлении цивилизованного диалога российского государства и церкви, и потому неизменно оказывался в эпицентре совместных акций и торжеств. Он состоял членом Юбилейной комиссии по подготовке и проведению празднования тысячелетия Крещения Руси; возглавлял комиссию по реставрации Свято-Данилова монастыря в Москве; руководил делегацией Патриархии в православно-католической комиссии по урегулированию отношений православных и католиков восточного обряда на Западной Украине. В 1999—2000 гг. — он в числе активных участников подготовки торжеств по случаю 2000-летия Рождества Христова. Митрополит Мефодий состоит также членом совета по взаимодействию с общественными и религиозными организациями и объединениями при президенте России.

Околоцерковная и светская пресса пристально следят за перипетиями судьбы преосвященного Мефодия. В 2003 году частота упоминаний архиерея заметно возросла. По причине неизменного молчания официальных церковных изданий журналисты вынуждены довольствоваться вторичными сведениями. Они, по известным причинам, не всегда детально точны. Поэтому мы будем опираться только на те факты, которые повторяются в разных источниках (в том числе — в крайне скупом виде — в церковных) и не противоречат друг другу. В 2003 году Пасха, главное событие годового церковного круга, впервые прошла без участия патриарха. Проблемы со здоровьем у Святейшего возникли еще осенью 2002 года, и он был помещен в «кремлевку». Нынешней весной медики посоветовали Алексею Второму воздержаться от нагрузок, связанных с длительным пасхальным богослужением. Службу в храме Христа Спасителя в Светлую ночь провел митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим.

В связи с этими внутрицерковными событиями вновь стали циркулировать слухи об изменении расстановки сил внутри Патриархии. А Мефодия, наряду с митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом (Гундяевым), считают наиболее вероятными преемниками нынешнего патриарха.

Митрополит Кирилл, безусловно, один из самых образованных иерархов РПЦ. Его пастырские беседы на первом канале ТВ, продолжающиеся без перерыва не один год, снижали ему славу современного Златоуста.

В 1989 году митрополит Мефодий покинул пост руководителя хозяйственного управления, очень значимого в Патриархии. Некоторые наблюдатели связывали это с переменами в руководстве РПЦ и активизацией ее нового интеллектуального центра — Отдела внешних церковных сношений во главе с Кириллом. Именно тогда между архиереями возникли натянутые отношения. Косвенно это можно подтвердить на основании следующего.

Семнадцатого ноября 2000 года на заседании круглого стола в Президент-отеле, посвященном проблемам церковно-государственных отношений, официальную церковную делегацию возглавил не руководитель Отдела внешних церковных сношений Кирилл, а митрополит Воронежский и Липецкий Мефодий. Вероятнее всего, это связано с его местом в неформальной табели о рангах Патриархии. Вскоре Алексей Второй закрепил статус воронежского владыки как официального посредника в церковно-государственных отношениях. В 2001 году указом Святейшего митрополит Мефодий возглавил Историко-правовую комиссию РПЦ. Комиссия ведает вопросами историко-юридического обосно-

вания прав церкви на то или иное имущество и является значимым звеном в структуре Патриархии. И вот теперь решением Синода от 7 мая митрополит Мефодий смещен с поста руководителя этой комиссии и лишился важного рычага влияния...

Нам остается добавить, что преемником митрополита Мефодия на воронежской кафедре стал митрополит Солнечногорский Сергей (Фомин), который сохранил за собой обязанности управляющего делами Московского Патриархата.

НЕ СОУЧАСТВУЙТЕ В ДЕЛАХ ТЬМЫ!

№ 17 (695), 23 апреля 2004

И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь? Или как скажешь брату твоему: «дай я выну сучок из глаза твоего», а вот, в твоем глазе бревно? Лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего.

Мф., 7, 3-5.

В середине марта 2004 года газета «Московский комсомолец» опубликовала под рубрикой «Прошу слова» обширную ста-

тью «Пятна на колоколе. Пять записок на алтарь». Автор, Владимир Шuvaев, подписавшийся пышными титулами «член Союза писателей и Союза журналистов России», решил стряхнуть пылинки с ризы митрополита Мефодия (Немцова).

Бывший воронежский владыка за два десятилетия управления Воронежско-Липецкой епархией оставил о себе прочную память. О нем писали и еще не раз напишут местные публицисты. Вот и статья Владимира Шuvaева из разряда ностальгически-оценочных, своеобразное «прощай» и «прости». И всё ничего, если бы авторское стремление поработать щеткой не сопровождалось столь же страстным желанием наместить сор под порог покоев нынешнего правящего архиерея — митрополита Воронежского и Борисоглебского Сергия (Фомина). Нет такого библейского смертного греха, который не приписан преосвященному владыке в этой статье.

Елейный и велеречивый, подымающийся до патетики тон при описании деятельности митрополита Мефодия («созидатель», «один из вероятных и заслуженных претендентов на патриарший престол», «подвижник») резко меняется на суровый и обличительный, когда под острое перо воронежского публициста попадает митрополит Сергий («во всей епархии культ веры резко сменился культом денег», «в поисках денег отыскиваются «но-

вые технологии», «опергруппа» московских «новых»); от абзаца к абзацу разоблачительная интонация крепнет, вот уже возник в статье и «табачно-водочный бизнесмен» владыка Кирилл.

Чума на оба ваши дома! Так должен воскликнуть взявший на себя труд дочитать обширный текст читатель. В том и состоит расчет.

«Московский комсомолец» под водительством «известного драматурга и публициста» Павла Гусева пользуется славой издания специфического, не чуждого скандальности и желтизны. Часть «желтого бульвара» делает свой гешефт на скандале. Таков первый и — по неизбежности — поверхностный вывод из прочитанного. Так да не так.

Ex nihilo nihil fit (из ничего ничего не происходит) — сказал Лукреций Кар в поэме «О природе вещей» веков эдак за пять до Рождества Христова. Значит, дело в дружеских связях главного редактора «МК» с владыкой Мефодием (что общеизвестно; на пятидесятилетие Мефодий получил в подарок от Гусева «мерседес»)? И это объяснение хромает. Не настолько уж бывший воронежский архиерей недалек, чтобы спокойно взирать на то, как хулят церковь, ту церковь, которой он дал обет служить еще в молодости! Наша церковь не походит на клуб самоубийц. И не только потому, что самоубийство — тяжкий грех...

Не трудно соблазниться и добавить в иконописный лик, нарисованный Владимиром Шуваевым, несколько мазков темной краски. Еще в 1992 году архиепископ (ныне — митрополит) Виленский и Литовский Хризостом заявил на архиерейском Соборе Русской православной церкви: «У нас в Церкви есть настоящие кагэбэшники, сделавшие головокружительную карьеру; например, воронежский митрополит Мефодий. Он офицер КГБ, атеист, человек порочный, навязанный кагэбэшниками. Синод был единодушно против такого епископа, но нам пришлось взять на себя такой грех; а дальше — какой у него был взлет!» Но доказательств-то Литовский владыка не привел. Никаких доказательств грехов владыки Сергия не привел и Шуваев. Что же есть? Специфическим образом подобранная к теме «информация».

Надо заметить, что такой поворот событий митрополит Сергей предвидел. В ноябре 2003 года он откровенно ответил на вопросы «Берега». Не требовал от журналистов присяги, не взывал к политкорректности, поверил в профессионализм и интеллектуальную честность интервьюеров. Тогда, в ноябре, он заметил: «Владыка Мефодий за двадцать лет приобрел себе здесь друзей. А я знаю, что Воронеж — город осторожный. И пока ко мне не присмотрятся, пока меня не почувствуют — сколько бы я ни говорил,

что не увезу собор, не увезу семинарию, все останется в Воронеже — этот аргумент действовать не будет».

Попросим читателей запомнить фразу «владыка Мефодий за двадцать лет приобрел себе здесь друзей». Она поможет нам в поисках ответ на вопрос, кому выгодно представить епископат в неглиже. Пока же обратим взор в недалекое прошлое.

Нет необходимости в деталях расписывать, какое наследство принял Мефодий в 1982 году, когда занял кафедру в Воронежско-Липецкой епархии. Статистика эта общеизвестна и не раз воспроизводилась в печати, в том числе и на страницах «Берега». Что касается оставленного им наследства, то и здесь всё — перед зрячими очами: храмы, монастыри, воскресные школы, семинария... Очевидно и другое. Эпоха собирания камней к 2003 году заканчивалась. На смену настоятелям — прорабам и снабженцам требовались проповедники и исповедники. В этом смысле Сергей не обманул чаяний, интуитивных ожиданий, ибо оказался делателем духовной нивы, решил прежде всего выстраивать храм в душах. Вернемся к интервью. «Собор стоит, он виден. Он должен быть достроен. Конечно, я могу попросить помощи у московских бизнесменов. Но мне кажется, что стройка должна быть народная. Я хотел бы, чтобы каждый воронежец поучаствовал в этом добром деле...»

А вот как интерпретирует события Владимир Шуваев. Цитирую. «Не дам денег!» — так и заявил новый глава епархии». Когда? Кому? Где, наконец? Нет ответа у автора.

Пожалуй, стоит процитировать еще два пассажа из статьи «Пятна на колоколе», чтобы читателям стал понятен механизм лукавства. «Во всей епархии культ веры резко сменился культом денег. Поборы с приходов, невероятное подорожание всего, махинации с церковными кассами, открытый грабеж при туманных обстоятельствах Покровского кафедрального собора на сумму в полмиллиона, а по слухам — в несколько миллионов. Следов никаких» (Шуваев). «В соборе мы решили навести порядок. Мы заметили, что собор теряет большие суммы... И когда мы стали ревизии проводить... пошли неудовольствия. Результат — ограбление. Не кто-то пришел, свои недовольные люди взяли 350 тысяч рублей вместе со счетами, куда эти деньги должны быть перечислены... Я думаю, это и мне предупреждение: мол, здесь все свои, а тут кто-то приехал и начал порядок наводить. Но я не боюсь никаких угроз» (из интервью митрополита Сергия «Берегу», 6 ноября 2003). «Изгнан даже ректор Духовной семинарии, кандидат богословия отец Василий...» (Шуваев). «И семинария тоже нуждается в усилении духовности. Поэтому и поменяли там руководителя. Не

потому, что отец Василий плохой. У него семейные обстоятельства так сложились...» (из интервью митрополита Сергия «Берегу», 6 ноября 2003).

Как говорят: имеющий уши да слышит. Такое впечатление, будто статья Владимира Шуваева в «МК» написана в ответ на интервью владыки «Берегу».

Теперь пора припомнить слова преосвященного Сергия о друзьях владыки Мефодия. Бывший правящий архиерей был не только делатель, он не чуждался публичности и за два десятилетия дал окружить себя плотной толпой «доброжелателей» и «друзей». Эта прилипчивая толпа патентованных марксистов, воинствующих атеистов, профессиональных партийных демагогов образовалась не вдруг и не сразу, но со временем оказалась столь густой, что перекрыла доступ к владыке и пастырей, и паствы.

После крушения КПСС, развала государства воинствующих безбожников остался лишь труп того, кто считал всякую религию «опиумом», «сивухой», «гнусным труположеством». Вожди разного калибра в одночасье оказались в пустыне и жаждали заполнить внезапно образовавшийся в душах вакуум. Владыка Мефодий позволил им приблизиться. Он ведь знает евангельскую притчу о гонителе христиан Савле, сделавшемся апостолом Павлом. Они ссужали его бюджетными

деньгами, грелись в лучах его славы, светились в его окружении. Даже бывший первый секретарь воронежского обкома КПСС, талантливый политик и неплохой гармонист, метавшийся накануне губернских выборов в поисках опоры, многозначительно намекал на особые отношения с Мефодием.

К несчастью, эти люди привнесли в окружение митрополита специфические навыки и привычки своей среды. Мефодий снисходил к их слабостям — они грелись в лучах чужой славы, тешили себя иллюзией востребованности и прежнего безраздельного водительства массами. После отъезда Мефодия в Казахстан эти люди осиротели. Пять записок на алтарь, поданные через «Московский комсомолец» — это средство напомнить о себе, своеобразное предложение вечной дружбы, а заодно и способ запугать нового главу епархии.

Значительная часть статьи Владимира Шубаева основана на филерских донесениях, «фактах», добытых путем подслушивания и подглядывания. Подобными навыками обладают сотрудники соответствующих органов; их принято называть «компетентными». С достаточной долей вероятности можно назвать число звезд на погонах одного из тех, кто инициировал сбор компромата...

Теперь уместно сформулировать несколько тезисов, ради чего, собственно, замыслива-

лась эта статья. В частном, локальном конфликте интересов, обрисованном нами, как в капле воды, отразилась невидимая и видимая брань за души.

Слабая, запятнанная церковь сегодня нужна тем, кто еще продолжает сжимать Россию в жестких тисках модернизаторского проекта. В декабре 2003 года терпеливый русский избиратель, которому присвоили презрительную кличку электорат, взял да и пнул под зад либеральную свору, состоящую из тех, кто называет Россию «этой страной». Но часть домогренных политологов уцелела и продолжает «мичуринскую» работу по прививке к российскому «дичку» общечеловеческих ценностей. Им и их работодателям (точнее, грантодателям) не нужна сильная и независимая церковь. Ведь церковь, религия, вера — это ядро национальной традиции, формообразующий компонент личности, общества, государства. Сегодня Россия стиснута расширившимся на Восток североатлантическим блоком НАТО и напирющими на нас с юга исламскими странами. Эти геополитические реальности возрождают национальные мифологемы об особом историческом пути. На Руси мы тысячу лет живем с православной верой. Иной традиции у нас нет. На идеях православного, восточного христианства основаны наши привычки, обычаи, психология, мораль, искусство и словесность.

Об опасностях отказа от традиции нам сигнализирует расцерковленная, светская, толерантная Франция. Генеральный секретарь Елисейского дворца Доминик де Вильпен в книге «Крик горгульи» (главы из нее напечатаны во втором номере журнала «Иностранная литература» за 2004 год) делится с соотечественниками тревогами: «Принципы светского государства дрогнули под напором фундаменталистских тенденций в иммигрантских общинах; национальные меньшинства навязывают свои порядки молчаливому большинству». Не так ли и в нашем Отечестве? Молчаливое большинство оцепенело внимает глумливому хохоту крикливых политических, социальных, этнических меньшинств над нашими привычками, обрядами, верованиями. Знаете, кто подсуелится с распространением в Интернете компромата на владыку Мефодия? (Есть, есть и такие тексты!) Московская хельсинская группа...

И последнее. После того, как здесь была поставлена точка, вышел в свет очередной номер «НГ-религий» с интервью Александра Дугина, в котором нашел перекличку с собственными мыслями. Обширной цитатой и завершу эти заметки. Мнение известного современного философа о роли церкви в обществе объективно хотя бы потому, что А. Дугин не принадлежит к Московскому

Патриархату. Он — старообрядец. Но и он озабочен поиском правильных пропорций в отношениях государства и церкви. Для того чтобы этот процесс стал органичным, сближение церкви и государства по мнению Дугина, «должно идти через общество. Тот факт, что церковь отделена от государства, — благо и для церкви и для государства. Но церковь не отделена от общества, и здесь государство должно помогать ей укреплять позиции. Речь идет не о государственных директивах или законах, а о введении системы социального ценза, поощряющего благосклонное отношение к православию, порицающего нападки на церковь и несоблюдение православной этики. Это не значит, что все должны соблюдать посты или молиться перед началом рабочего дня. Просто нужны твердые общественные критерии того, что хорошо и правильно, а что плохо и неправильно...»

«Когда я говорю о социальном цензе, — уточняет философ свою позицию, — я имею в виду консенсус авторитетных людей. Общество — это элиты, массы и СМИ. Через обращение к своей традиции они должны приходить к консенсусу по вопросам веры, этики, нравственности».

Захотим ли услышать?

НУЖЕН ЛИ ПИАР БЛАГОДАТНОМУ ОГНЮ?

№ 15 (693), 9 апреля 2004

В 2004 году Воронежская земля сподобится великой милости: в день Святой Пасхи представители Воронежско-Борисоглебской епархии привезут прямо от Гроба Господня в Покровский кафедральный собор к началу пасхального богослужения Благодатный огонь. Затем огонь от лампы будет передан благочиниям, зажжется во всех храмах, и таким образом православные воронежцы приобщатся величайшего чуда. А накануне светлого Христова Воскресения воронежских журналистов пригласили на презентацию проекта под названием «Благодатный огонь».

Как сообщалось в пресс-релизе, проект проводится под патронажем областной администрации при поддержке некоего агентства коммуникативного менеджмента (АКМ) «СтоЛица». В рамках пресс-конференции секретарь епархиального управления игумен Андрей (Тарасов) просветил журналистов относительно духовного смысла снисхождения Благодатного огня, а затем уже присутствующим был представлен замысел. По ходу представления звучали умные слова «логистика проекта» и «пиар». Собственно «пиар» или,

иначе, PR в переводе с английского обозначает ничто иное как «связь с общественностью». Но в нашем национальном менталитете PR так прочно сросся в сознании с грязными предвыборными технологиями, что отцы-основатели проекта были тотчас ошаманены и быстренько «перестроились». Гендиректор АКМ (не путать с автоматом Калашникова модернизированным) Игорь Романов предпочел в дальнейшем именовать проект социальным. Почему авторам проекта ранее не хватило чуткости не связывать христианское чудо и термин с негативным смыслом, осталось загадкой...

А теперь — о сомнениях. Настораживает не только то, с какой помпой был развернут проект (пресс-релизы во мгновение ока разлетелись по многочисленным печатным и электронным средствам информации), но и его замысел: устроить конкурс журналистских работ «на духовную тему». В воображении тотчас представился некий современный Нестор-летописец, который при свете копилки сочиняет текст «на духовную тему» в надежде, как ему обещано, получить «ценные призы, предоставленные фондом святителя Митрофания». Чур меня, Господи.

На вопрос автора этих строк: «Не кошунственно ли втягивать журналистов в конкурс «работ на духовную тематику и не лучше ли деньги не тратить на ценные призы,

а оставить в фонде, с тем чтобы они пошли на строительство кафедрального собора?» — Романов ответил, что никакого кощунства не находит, конкурс же проводится для достижения «лучших результатов». Фраза эта меня покорила. Нашей вере тысяча лет. До сих пор между Всевышним и человеком был только один посредник — священник. Теперь, выходит, нужны подпорки в виде агентств коммуникативного менеджмента. Теперь, выходит, нравственно подсмотреть таинство общения с чудом, уложить экзистенциальный акт веры в некий пиар-проект. Все ли в порядке у авторов с нравственным чувством?

Слова о достижении «лучших результатов» эхом отозвались в памяти. Как часто они звучали из уст комсомольских вожakov, которые ныне успешно «перестроились» и теперь поучают веру верующих. Да и весь проект мне представляется порождением сумеречного чиновничьего сознания, порождением чиновников из бывших комсомольцев. Тех, что еще пятнадцать лет назад выстраивали на Пасху кордоны перед храмами, дабы оградить молодежь от тлетворного влияния «опиума народа».

Кстати, с достижениями «лучших результатов» у авторов проекта дело пока обстоит неважно. Аккурат первого апреля пресс-центр обладминистрации разослал сообще-

ние. Сопредседатель оргкомитета проекта отец Андрей (Тарасов) здесь отчего-то назван «иегуменом». Сколько молодых журналистов примет на веру это сообщение! Между тем никаких «иегуменов» церковь не знает, игумен (именно так!) — это монашеский сан, в переводе с греческого слово означает «идущий впереди». И это не все. Анонимный автор пресс-релиза сообщает вовсе нечто несусветное. В церквях нашей области (цитирую) «загорится знаменитый Благодатный огонь, доставленный самолетом через Москву из Иерусалимского храма Воскресенья». И повернулся же язык назвать огонь «знаменитым». Ну да что возьмешь с чиновников?

Далее. «Воскресенье» — это вообще-то седьмой день недели. Воскресение — центральное событие христианской истории. Иерусалимский храм посвящен этому событию (а не выходному дню всех трудящихся), потому и называется храмом Воскресения Христова. Величайшее же чудо — схождение Благодатного огня — происходит в храме Гроба Господня, построенном над пещерой, в которой был положен обвитый в плащаницу Господь. Храм этот располагается под кровлей храма Воскресения.

...В пасхальную ночь тысячи православных сподобятся лицезреть Благодатный огонь. И если в толпе будут шнырять досужие ре-

портеры, а в лицо вам будет назойливо глядеть глаз телекамеры, знайте, это «участники конкурса на лучшее освещение события», за что им обещаны «ценные призы». Такой вот, с позволения сказать, коммуникативный менеджмент.

В «БРАТСКИХ» ОБЪЯТИЯХ

Воронежские демократы как группа риска

№ 28 (706), 9 июля 2004

В середине апреля 2004 года местный либеральный рупор напечатал репортаж с заседания круглого стола «Демократическое движение в Воронеже в 80-90-е годы XX века». Публикация эта примечательна и заголовком («Еще раз о кризисе либерализма»), и месторасположением (первая полоса «Воронежского курьера»), и подбором персонажей (знакомые все лица), и, разумеется, темой.

Начнем с последней. Вслед за тем, как многотерпеливый русский избиратель взял да и пнул заносчивую, брезгливую по отношению к тому, что не есть «мы» либеральную тусовку, ее вожди как-то в одночасье слиня-ли. Кто лицом, кто телом, кто политической физиономией (и до того какой-то неотчетливой, прямо-таки коровьевской). А кое-кто

вовсе успел сменить цивильный костюм на тюремную робу. Оттуда, из места отнюдь «не злачне» и «не покойне», и раздался призыв посыпать голову пеплом. Упомянутый нами рупор тотчас перепечатал «мемуар» г-на Ходорковского о кризисе либерализма.

«Быть либералом некрасиво» — согласно закивали головами оставшиеся без масс пастыри. И вот уже чуткий к тектоническим сдвигам в российской политике ведущий телепередачи «Что делать?» канала «Культура» Виталий Третьяков ставит перед участниками своего круглого стола сакраментальный вопрос: «Консерватизм — будущее России?» О консерватизме поговорим в другой раз. Прежде всего нам необходимо разобраться в том, каковы координаты политического пространства современной России в оценке ветеранов демдвижения Воронежа.

По их убеждениям, «мы вернулись в мир «виртуальной политики середины восьмидесятых годов... Мир, где власть говорит об одном, а народ шепчется о другом». И если «Единую Россию» поставить на место КПСС, «принципиальные отличия от СССР начала восьмидесятых годов найти будет трудно» (сокрушается один из участников «застолья»). «Национальный порыв к нравственности и совершенствованию сменился другим лозунгом: «Быстрее разбогатеть!» (сетует другой участник). А поскольку любое политическое застолье не

обходится без поисков «черной кошки в темной комнате», возник в ходе собеседования и сакраментальный национальный вопрос «кто виноват?». Ответ на него дан до банальности простой и неоригинальный. Читаешь и не можешь отделаться от наваждения: уж не на коммунистических ли митингах набрались впечатлений наши демократы, поскольку в их набор врагов входят Горбачев с ГКЧП и Ельциным в придачу... Вот только любопытно, что упомянутые персонажи ни по отдельности, ни все вместе не помешали воронежским демократам вклиниться в нынешнюю систему и стать одному «ныне преуспевающим бизнесменом», другому «заведующим собственной адвокатской конторой», третьему — бывшему комсомольскому функционеру — возглавить газету. Стать «успешными людьми», по определению автора газетного отчета. Перечень «успешных» можно продолжить. Четвертый, правовеерный марксист, затем, как водится, «до тончайших прожилок» записной демократ, ныне ходит в придворных у алюминиевого магната. Пятый, шестой... Уверен, читатели смогут без больших усилий продолжить список преуспевших воронежских «демократов». Поэтому принять на веру представленный ими сценарий прошлого не получается.

Не Горбачев и не Ельцин, а демократический горсовет Воронежа (само собой, единственный «продвинутый» горсовет в тогдаш-

ней России) принял знаменитую программу «500 дней» — одну из ярчайших утопий своего времени — и несет за нее ответственность. И еще (цитирую) «в Воронеже была реализована мечта Платона о государстве, во главе которого стоят ученые — почти 500 студентов и преподавателей городских вузов вошли в движение «Демократический выбор-90», почти все они стали депутатами различных уровней».

Плод этого коллективного «мичурина» оказался на удивление убог. Экологи-демократы инициировали референдум по ВАСТ. Разумеется, первый референдум в новой России. Так в Воронеже в восьмидесятые-девяностые годы XX века с помощью усилий «демократической общественности» была реализована мечта Ленина. Каждая кухарка, преисполненная сознания государственной важности, получила возможность укротить «мирный атом». Недостроенный корпус атомной станции теплоснабжения и стал надгробным памятником демократическим иллюзиям. Поблагодарим судьбу за то, что полет мысли воронежских демократов был прерван, а их почин не получил распространение по всей стране. Хотя порожденная той эпохой коррозия общественного сознания и поныне разъедает конструкцию под названием «российский капитализм».

По точному наблюдению политолога Александра Ципко, нынешние либералы (духовные

дети демократов первого призыва) не просто антипатриоты и русофобы, они вдобавок еще сознательные или бессознательные могильщики России как суверенного государства.

Нельзя не удивиться метаморфозам «демократического» сознания. В росте тарифов на услуги ЖКХ (а в них весомую долю составляют стоимость тепла и электроэнергии) в миллионном Воронеже, по мнению одного разочарованного демократа, оказался повинен... нынешний мэр, но никак не тогдашние «эксперты-экологи», заложившие полтора десятилетия назад «тепловую бомбу».

Пожалуй, нам стоит задержать внимание на статье разочарованного демократа первой волны. Появившаяся в «Коммуне» под заголовком «Коррозия «железных» обещаний» и подписанная псевдонимом «Андрей Минин», публикация стала своеобразным послесловием к круглому столу, резюме к эпохе иллюзий. Андрей Минин досказал то, что недоговорили его соратники: «Мы устроили демократии преждевременные роды, и на свет появилось ублюдочное существо». Так самокритично оценил автор политические метаморфозы последних десятилетий и добавил: «В начале 90-х я искренне верил, что мы начали строить новую, свободную и светлую жизнь. И все свои силы душевные положил на то, чтобы «процесс пошел». Простите меня, земляки».

Словно о нашей ситуации сказано в Библии: «Се дом ваш оставляется пуст». Лишь гулкая пустота царствует в недостроенном корпусе ВАСТ в поселке Шилово. Вот и автор «Коррозии» прикрылся псевдонимом. А что такое псевдоним, как не пустое пространство, личина вместо лица? И прочерк в паспорте «гражданина России» на том месте, где должна бы находиться графа «национальность» — это все то же следствие либеральной озабоченности «толерантностью» и «политкорректностью». Либерализм всегда в минусе. Замечали вы, например, что современные постройки венчают маленькие башенки в виде пустого металлического каркаса? Архитектура — вещь беспощадная, комментирует эти строительные изыски историк и телеведущий канала «Культура» Феликс Разумовский, вся дурь и идейная пустота сразу обнажается...

Как тут к месту не вспомнить о том, что были и есть в России люди, питающие особенное пристрастие к вошедшим ныне в моду башенкам и пирамидкам. Их зовут масонами. Здесь следует сделать отступление.

В 1994 году в Якутии трагически оборвалась жизнь Николая Морозова, одного из воронежских демократов первой волны. Коллеги до сих пор полагают, что «эта смерть — не из разряда случайных». Ссылку на такой сценарий развития событий (как возможный)

содержит Интернет-страница центра экстремальной журналистики. Суд, впрочем, установил, что Морозов погиб в результате несчастного случая на охоте.

Выходец из академической среды, эрудированный и хорошо воспитанный Н. Морозов в восьмидесятые годы XX века был постоянным участником дискуссий с «партократами», участником умным, тонким, ярким, оттачивавшим перо публициста в газете «Молодой коммунар». И после местной «демократической» революции нашел применение своим способностям в аппарате представителя президента в области Бориса Кузнецова. Именно Кузнецов, по нашим сведениям, обнаружил в сейфе покойного коллеги и сотрудника... масонские атрибуты. Сам Кузнецов, впрочем, нам не подтвердил факт находки. Но это, согласитесь, еще ничего не доказывает.

Ко времени гибели Морозова в Воронеже функционировала масонская ложа. Скупые сведения о «вольных каменщиках» просочились в газету «Берег» еще в 1994 году. В последующие годы местную ложу будто бы сотрясали скандалы, и она, по некоторым данным, «уснула» или была «усыплена» «братьями», иными словами, прекратила собрания. Видимо, лишь на короткое время, поскольку один из функционеров Великой ложи России Роман Кулаков на страницах «НГ-религий» среди основных центров ма-

сонства четвертым после обеих столиц и Архангельска назвал Воронеж...

При упоминании о «вольных каменщиках» в памяти настойчиво всплывают школьно-вузовские штампы: редактор русских сатирических журналов первый русский масон Николай Новиков, рескрипт Александра Первого (1822) о запрете всех тайных организаций, масонские связи Пушкина.

Истоки масонства (франкмасонство; от французского *franc mason* — вольный каменщик) как религиозно-нравственного и мистического учения следует искать в Англии XVIII века. Очень скоро мода на новейшие веяния охватила Россию. Масонство — дитя эпох сомнений и кризисов, когда государство ослабевает настолько, что расшатываются социальные, нравственные, религиозные институты. Тут-то и появляются «каменщики» с претензиями на «новое воссоединение христианства» (цитирую книжку масонского автора с характерной фамилией Новиков «Масонство и русская культура», М., 1993). Правда, идею о свете Христовом, просвещающем всех, они подменяют верой в некоего великого строителя (архитектора) вселенной. А знание об этом доступно только посвященным, которым приходится проходить сложную процедуру очищения и просветления.

Во все века и эпохи в ходу мнения о причастности «братьев» ко всем мировым рево-

люциям. Отзвуки этих настроений слышатся в хрестоматийно известной комедии Грибоедова «Горе от ума». Помните, как потрясают сведения о Чацком графиню бабушку: «Что? к фармазонам в клоб? Пошел он в пусурманы?» Русская изящная словесность лишь вскользь касается действительно глубокой связи масонства с революциями и идеями насильственного переустройства общества, берущими истоки от декабристов и актуальными вплоть до наших дней (о чем пойдет речь ниже).

Новый всплеск интереса к тайным обществам в России характерен для начала XX века. Одним из первых, кого насторожила тайная деятельность «братьев», и единственным, кто оценил масонство в богословской перспективе, был русский духовный писатель Сергей Нилус. Для верующего христианина подозрительны и подмена Бога у масонов неким безликим архитектором, и их братство, в противовес открытому христианству суженное до небольшого круга посвященных, и их связь с сатанизмом. Не случайно же в 1910 году в России открылась ложа «Люцифер» (в христианской традиции этим именем назван падший ангел, сатана).

Разоблачительную книгу Нилуса «Близ есть, при дверех. О том, чему не желают верить и что так близко» (1916) подвергло запрету Временное правительство. На то были свои причины. По данным автора фундамен-

тального исследования «Люди и ложи» (1986) Н. Берберовой, когда Керенский возглавил министерство юстиции, то шестеро из девяти его помощников были «братьями». В первом составе Временного правительства лишь один Милюков не был масоном, во втором и третьем составах — всего четверо не давали «братскую» клятву.

История цивилизации полна скандальных попыток выстроить параллельные структуры власти. В начале XX века такая параллельная структура сыграла роковую роль в судьбе России. Берберова убедительно доказывает, что повязанный «братскими» узами с французами (союзниками России против Германии в первую мировую войну), Керенский всячески препятствовал выходу империи из войны и тем самым подталкивал ее к роковому рубежу — октябрю 17-го...

Рамки газетной статьи не позволяют подробнее проанализировать все масонские идеи и идеалы. Ограничусь тем, что намечу некоторые темы. Религиозная индифферентность масонов, на чем настаивает в интервью «НГ-религиям» Р. Кулаков, не более чем миф. На деле индифферентность оборачивается отрицанием православия. К примеру, автор упомянутой мною книги «Масонство и русская культура» объясняет запрет лож в 1822 году тем, что Александр I «попал под влияние ортодоксального христианства».

Масонская перспектива искажает взгляд на отечественную культуру и литературу. Все тот же В. Новиков, автор упомянутой выше книжки, убежден, например, что такие приземленные писатели как Писемский гораздо яснее выражали настроение публики, чем «гиганты Достоевский и Л. Толстой». Потому, оказывается, что Писемский свой творческий путь завершил романом «Масоны», в котором писал о «братьях» как просвещенных и честных людях, нравственно стоящих много выше окружающих.

Не выдерживает критики и тезис о том, что «орден строится на братской любви». Новейшая история «вольных каменщиков» полна скандалов. «Братья» продолжают выяснять отношения даже публично. Великая ложа России переругивается в Интернете с Великим Востоком Франции, а в тексте фигурируют странные для масонов выражения «бывшие братья». Ведь «каменщики» клянутся на крови, и эта клятва неотменима...

И в бытовой, и в политической, и в экзистенциальной перспективе русское масонство многое роднит с либерализмом в его русском изводе. Если отечественная православная культура исходит из презумпции (оправданности) добра, то либеральное всесмещение открывает двери бесовщине. И масоны, как свидетельствует исторический опыт, соприкасаются с силами тьмы. Верить ли в так на-

зываемый «всемирный жидомасонский заговор», каждый решает сам. Мы лишь предлагаем несколько фактов для размышлений о связях масонства, либерализма и... правозащиты, подпитывающейся из зарубежных источников. В распоряжении редакции оказался некий «Список сотрудников» с пометкой «Для служебного пользования» воронежской масонской ложи «Гамаюн» (с адресами и паспортными данными), в котором значатся, в частности, Юров (достопочтенный мастер), Козлов (секретарь), Диденко (ученик), Берколайко (второй страж). Первые трое известны как активисты молодежного правозащитного движения (МПД). МПД, действующее в регионе с 1995 года, декларирует «формирование нового поколения правозащитников», а финансируется в форме грантов зарубежными организациями и фондами, в том числе, Сороса, Макартуров и другими.

«Берег» не раз писал о деятельности правозащитников и их зарубежных связях. Здесь мы добавим еще один характерный штрих к теме. 12-13 июня 2004 года под эгидой МПД в Воронеже прошел так называемый социальный форум Черноземья, повторявший аналогичные акции антиглобалистов в Европе. На этом форуме член международного антиглобалистского комитета «Аттак-Франция» и лидер российского представительства организации Карин Клеман убеждала слушателей

в том, что одной из целей антиглобалистов является достижение равного доступа к национальным ресурсам государств со стороны мирового сообщества. Странная какая-то получается правозащита.

...Либералы делали попытки атаковать Россию не раз. Еще в начале XIX века Николай Карамзин с горечью замечал: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России». В конце девяностых годов XX века современный поэт и философ Владимир Микушевич продолжил мысль историка: «Все национальное русским чуждо, потому что русские — народ, а не нация... В результате русский народ не умеет бороться за свои национальные права». Декабрь 2003 года показал, что кредит доверия либерализму Россия исчерпала. Русское сопротивление началось. «Се и буди, и буди».

Постскриптум-2013. Реакция на статью последовала незамедлительно. Юров прислал в редакцию открытое письмо («Берег», № 33, 13 августа 2004), в котором отрицал факт наличия ложи. В этом же номере редакция поместила статью Диденко, бывшего офицера ложи «Гамаюн». Автор не счел нужным скрывать наличие масонов в Воронеже, фактически подтвердив правоту «Берега»...

АЛТАРИ И ОЧАГИ

СТУПЕНЬ К НЕБУ

Записки паломника

№ 45 (515), 10 ноября 2000

Валаам, на котором вы видите гранитные уступы и высокие горы, делается для вас ступенью к небу, той духовной высотой, с которой удобен переход в обитель рая.

Святитель Игнатий Брянчанинов.

1.

Свет истины светит и во тьме язычников, а храм порушенный — всё храм. В начале восьмидесятых годов, когда был создан Валаамский музей-заповедник, чиновники министерства культуры решили озаботиться судьбой одной из немногих островных обителей — Спасо-Преображенского мужского монастыря. Под сводами церкви во имя Преображения Господня зазвучали голоса.

Начать «специалисты»-реставраторы решили с остекления огромных оконных проемов. К осени помещение, где десятилетиями гуляли сквозняки, основательно просырело: стекла препятствовали выходу избыточной влаги. Ударили первые морозы, и фрески покрыла наледь. Штукатурка не выдержала, посыпалась на пол. То, что уцелело, ныне бережно упрятано под специальную пленку и ждет своего часа. Пора восстановления внутреннего и внешнего убранства наступит не скоро. Деревянные леса, опоясывающие церковь, давно почернели. За два десятилетия приведен в Божеский вид лишь нижний храм, где под спудом почивают мощи Сергия и Германа Валаамских, святых основателей и покровителей обители.

А в верхнем храме взирает на мерзость запустения с фрески великолепной сохранности (сусальное золото за век ничуть не потемнело) Спаситель. Так и в российской жизни: среди неустройств, в череде каких-то бесконечных материальных и духовных реставраций, нам всем путеводит звезда веры, зажженная тысячу лет назад киевским князем Владимиром...

2.

Позади наконец почти все дорожные хлопоты. Мы, десятеро паломников, забиваемся в тесноватую каютку. «Святитель Николай» осторожно выбирается из бухты на чистую

воду и берет курс на северо-восток. Душная теснота скоро наскучивает и выбираемся на палубу, залитую удивительно приветливым сентябрьским солнышком. Своейравная Ладога умиротворена. По озеру, отражающему синь низкого северного неба, совершают свой бег лишь небольшие волны, на которых утлое суденышко изредка несильно покачивает.

«Святитель Николай», грузопассажирский пароходик, неустанно режет водное пространство. Из-под его носа отваливаются, подобно вывалам жирного чернозема от лемеха трактора, густо-коричневые ладожские воды.

Постепенно отходит житейское попечение. Пытаюсь разобраться в собственных чувствах, заочно понять, чем так притягателен для многих поколений русичей этот клочок каменистой суши, густо поросший девственным сосняком. Ответа не нахожу, на память приходят лишь имена соотечественников, искавших на Валааме приют и утешение: Александр Первый, писатели Н. Лесков, И. Шмелев, Б. Зайцев, художники И. Шишкин, А. Куинджи, Н. Рерих. Ряд этот можно продолжить.

История Валаамской обители в миниатюре повторяет историю нашего Отечества за последнюю тысячу лет.

По преданию, которое не минует ушей даже самого нелюбопытного паломника,

основание православной веры на острове относится ко времени пребывания там апостола Андрея Первозванного. Остров упоминается в средневековых источниках X-XII веков. Во всяком случае, большинство исследователей убеждены в существовании монастыря уже в XII веке. Известно, что новгородский архиепископ в 1160 году заказал иконы Сергия и Германа. Значит, к тому времени оба были прославлены в лике святых Русской православной церкви.

Основатели обители, Сергей и Герман, как сказано в одной из летописей, — пришельцы «от восточных стран». Сергию принадлежит первенство в распространении на острове христианства и учреждении монастыря. Мощи преподобных были обретены очень рано и неоднократно переносились в Новгород и обратно на Валаам.

Но тому, кто едет за тридевять земель, чтобы узреть русские древности, придется испытать разочарование. Жемчужин старины, подобных новгородским или владимирским соборам, на острове не отыскать. Впрочем, таким памятником, с его горами, сосновыми борами, внутренними озерами, молчаливым свидетелем молитвенных устремлений, трудовых подвигов тысяч наших предков является сам Валаам.

А отсутствие древностей легко объяснимо. Четыре века шведы сокрушали тверды-

ню русского православия. За разорениями следовали глады и моры. Исход Полтавской битвы предопределил судьбу монастыря. Его возрождение начинается с 1715 года.

Всякий путешественник не минует на острове невысокую стелу из серого полированного диабаз. И прочтет вытесанную на камне краткую летопись о пребывании во владениях Сергия и Германа русских государей, в том числе и запись о посещении архипелага Петром Великим. Анналы памяти не сохранили ни месяца, ни года августейшего визита. Достоверно известно лишь, что царь-реформатор своим указом возродил к жизни северный форпост русского православия. Вот вам малоизвестный штрих из биографии монарха, который заводил на Руси лютеранские обряды...

3.

«Святитель Николай» меряет ладожские километры. Позади остаются безлюдные скалистые островки. И вот впереди, на горизонте, где сливаются воедино небо и воды Ладоги, прорисовывается едва заметный силуэт. Маяк? Громадная труба? Знатоки поясняют: монастырская звонница. Суши не видно. Кажется, будто колокольня вырастает из глубины вод. Проходит несколько минут, и в синеватой дымке, вначале едва заметная, показывается темная полоска суши. Так и плывем еще часа полтора

осененные крестом: его образует пересечение вертикали — звонницы и горизонтали — земли.

Наконец «Святитель Николай» замедляет ход. Как и тысячи моих предшественников, я жадно вбираю в себя пейзажи, которые открывает Монастырская бухта: едва заметные крошечные островки, чье присутствие, обозначает лишь вспененная вода; суровые скалистые обрывы; исполинские сосны, неведомо как закрепившиеся на камнях. И над этим великолепием парит в высоте храм.

От пристани к вершине горы Фавор с 1877 года путники поднимаются по лестнице с широкими ступенями, вытесанными из серого гранита. По дороге на центральную усадьбу и к монастырской гостинице всякий паломник не минует часовню Царскую, воздвигнутую из серого сортавальского мрамора в 1858 году. Вообще же часовен на острове великое множество. Они выстроены на перекрестьях лесных троп и зовут усталого путника отдохнуть и помолиться. Но эта, с мозаичной иконой Богоматери, обрамленной киотом из местного полированного диабазы, знаменует собой посещение острова Александром Вторым с семейством. И уж, разумеется, всякий паломник не останется в неведении относительно другого монаршего визита, случившегося несколькими десятилетиями ранее.

10 августа 1819 года более трех часов в кромешной тьме, которую прорезал лишь слабый огонек маяка в Никольском скиту, вел иеромонах Арсений корабль с Александром Первым на борту.

«Что он принес с собой в сердце, уже столько пережившем, — писал в 1935 году на страницах парижской эмигрантской газеты «Возрождение» Борис Зайцев. — Мы не знаем». Александр отстоял в соборе утреню, совершил прогулку по монастырю, потом пешком отправился в келийку Николая Пустынника.

Через 180 лет иду в одиночестве тем же путем. В сотне метров от летней деревянной монастырской гостиницы широкая, мощенная гранитной крошкой дорога ныряет в лесной полумрак. Вековые пихты и лиственницы сопровождают меня, как и всякого путника. В километре от центральной усадьбы — игуменское кладбище с краснокирпичным храмом во имя Всех Преподобных Отец, подвигом поста просиявших. До могилки Николая отсюда рукой подать. Деревянная колода покоится на гранитной плите и обшита потемневшим деревянным надгробием. Деревянный же крест с иконкой дополняют «убранство» этого скромного захоронения, упрятанного от непогоды под двускатной крышей на четырех деревянных столпах. По обычаю, следует приложиться к гробнице:

помогает от болезней глаз. Схимонах Николай был келейником знаменитого восстановителя духовных традиций Валаама — игумена Назария. «Жизнь его протекала в трудах и непрестанной молитве», вот, собственно, все, что известно о старце.

В хибарке отшельника Александр вел с Николаем беседу о духовной и аскетической жизни. На прощание старец преподнес императору три репки с собственного огорода. Александр взял одну и тут же по-солдатски, зубами стал сдирать с нее кожуру...

Почти два века спустя на месте описываемых событий поднимаю очи горé, силюсь в воображении представить покорителя Наполеона, с триумфом въезжавшего в Париж, умиротворителя Европы в бедной хижине, затерянной в лесу. И в каком лесу? В том, что чудом произрос на скалистом клочке суши, ставшем небесным кораблем для сотен иноков.

4.

На Валааме во всем сохраняется отпечаток высоких порывов человеческого духа, созидательных усилий могучей человеческой воли. Трудно вообразить, столько пришлось потрудиться, чтобы обжить три десятка квадратных километров гранита и прочнейшего диабаз.

В 1756 году затеплились свечи в заново отстроенной деревянной церкви Преображения Господня. Подлинный же расцвет

Валаама начался с 1781 года, когда переселился туда из Саровской пустыни иеромонах Назарий. Целая эпоха в жизни обители связана с игуменом Дамаскиным (в миру Дамиан, 1795—1881, правил обителью четыре десятилетия, с 1839 года). Этому суроволикому старцу монастырь обязан обилием построек, мощеных дорог, каменных мостиков, тесанных из серого гранита монументально-выразительных поклонных крестов. Видимые издалека, они обозначают перекрестья дорог, а вытесанные на крестах надписи не оставят путника без поучения.

Валаамский созидатель Дамаскин, к счастью, не дожил до русской смуты. В 1918 году «самый человечный человек» росчерком пера предопределил судьбу валаамских иноков. Остров отошел к Финляндии. Началась подписка в финляндское подданство, длившаяся месяц и давшая в результате цифру 71; подписка в русское подданство за три дня дала другой результат — 189 подписей. В инославной, антирусской Финляндии Валаам стал оплотом русского православия. Именно таким и запечатлел его Борис Зайцев.

Раскаты грома, предвещавшие сшибку держав на европейском континенте, вновь, как в XVI-XVIII веках, в конце тридцатых годов XX века стали доноситься до острова. Удивительно, но ложь о тех событиях продержалась до начала девяностых годов. В примечаниях

к публикации в России упомянутого мною очерка Бориса Зайцева можно прочесть следующее: «В 1940 г., после русско-финской войны, территория острова стала принадлежать Советскому Союзу. Монастырь был эвакуирован». Здесь все неправда, точнее, полуправда. Обратимся к монастырской летописи. «3 декабря 1939 г. — начало воздушных налетов и сбрасывание с самолетов бомб. 20 декабря по распоряжению финского военного коменданта началась эвакуация монастырского братства вглубь Финляндии».

По смерти инок в колокол бьют один раз, о смерти игумена возвещают три удара. 18 марта 1940 года двенадцать ударов известили о последнем дне северного оплота православия. Иконы, богослужебная утварь, серебряная рака, установленная над мощами Сергия и Германа, архив и древлехранилище, громадная библиотека в пятнадцать тысяч томов — все это было вывезено в Финляндию, где обосновался «Новый Валаам» — ныне финская монашеская община, перешедшая в богослужении на новый стиль. И только 19 марта 1940 года остров сдан СССР.

5.

Как бы далеко в стремлении от соблазнов ни уходил человек, «дабы проводить... жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте» (1 Тим., 2, 2), волны житейского моря неизбежно настигают его. На совре-

менном Валааме эта метафора воплотилась в странный симбиоз мирского и духовного. Жизнь в Спасо-Преображенской обители заключена в двух каре — внешнем и внутреннем. В бывших кельях ютятся и поселковая библиотека, и «апартаменты» участкового, и магазин. Келейной сосредоточенности мешает шумная поселковая жизнь. По ельцинскому указу монастырь вправе требовать возвращения всей недвижимости. Но... Сортавальский горсовет, в административном подчинении которого находится островной поселок в пятьсот примерно душ, за год выделяет одну-две квартиры на материке, не более. И вот что любопытно: некоторые из переселенцев продавали квартиры и возвращались на обжитые места. Властно влечет духовное? Как ни печально — нет. На Валааме всякому паломнику поведают об удивительном равнодушии местных карелов к монастырю. Островные аборигены большей частью пробавляются тем, что продают рыбу да безделушки собственного изготовления заезжим туристам. На добытые таким способом деньги покупается «горячительное». А потому наш гид предупредила: любителям романтики следует по возможности воздержаться от ночных прогулок.

И еще один штрих. После семидесятилетнего морока атеизма устройство страны свершается медленно и подчас не без парадоксов. Как

раз в дни нашего короткого паломничества реставраторы мостили брусчаткой монастырский двор и дорожку от лестницы к центральной усадьбе. Камня на острове вдосталь. Некогда, в игуменство Дамаскина, всюду действовали каменоломни. Ныне Валаам мостят... финским камнем. Его дешевле завозить из Финляндии, нежели тесать на месте, на российском участке суши, состоящем из гранита...

6.

Впрочем, эти маленькие штрихи нисколько не умаляют роль Валаама в устройении душ современников. Сквозь все нестроения здесь пробивается свет истины, в поисках которого десятки и сотни ищущих утешения россиян преодолевают дорожные препятствия. Ведь русское монашество — это не только суровая аскеза, трудничество, духовное трезвение, но и удивляющее поначалу «приятное доверие миру».

Перебрасываюсь парой слов с монастырским привратником. Отец Владимир — сама любезность — с готовностью решается помочь мне в установлении контакта с наместником отцом Панкратием, советует: «Вы с ним попроще, он официального церемониала не любит, и тогда примет вас за своего». Архимандрита не оказывается на месте. Несколькими часами позже отец Владимир сам предлагает посреднические услуги, но Панкратий снова занят...

Отец Владимир охотно удовлетворяет мое любопытство: родом из-под Санкт-Петербурга, шесть лет иночествует. Впервые приехал на Валаам в 1993 году паломником.

Во время нашей беседы в привратническую врывается хулиганистого вида мальчонка лет пяти-шести, из местных. По обмену репликами можно судить: ребенок здесь среди своих. Отец Владимир увидел в руках маленького приятеля коробок, из которого раздавалось сердитое жужжание, и тотчас посоветовал: «Выпусти пленницу, и про тебя скажут: он и муху не обидит».

Во все последующие дни мы с отцом Владимиром раскланиваемся как добрые знакомые.

Иеромонах Мефодий — всеобщий любимец. Это можно понять по частоте употребления его имени богомольцами. После окончания службы батюшка читает с амвона проповедь, просит не забывать о христианской любви, дает еще какие-то назидания. «До чего душевно», — умиляется моя соседка по долгой дороге на Валаам, шестидесятисемилетняя бабуля-«божий одуванчик» из Царского Села. Мягкий выговор с легким акцентом выдает в проповеднике иностранца. Иеромонах Мефодий — македонец. За всенощным бдением на празднике Рождества Богородицы к о. Мефодию выстраивается длинная очередь исповедующихся.

...Вдосталь исходив остров, возвращаюсь в гостиничный номер или, на принятом здесь языке, келью. На кровати напротив восседает монашек в черном подряснике, в скуфеечке, чернобородый, молодой — едва ли за тридцать — улыбчивый, весь какой-то светящийся внутренней радостью. Знакомимся. Завязывается беседа. Спешу поделиться впечатлениями дня, однако мои неумеренные восторги в связи с сохранностью на острове подлинных шедевров церковного зодчества собеседник неожиданно прерывает репликой: «Эту красоту коммунисты снова порушат». Вслед за моими протестами («Зюганову со товарищи вход на политический Олимп заказан») следует возражение: дак коммунисты придут в новом обличье... Монах умолкает и уходит в себя. Неожиданный переход к апокалиптике озадачивает, но молитвенную устремленность гостя нарушить не решаюсь.

На другое утро встречаемся в холле гостиницы. Давешней апокалиптики нет и помину. Как обычно, при встрече двух русских, разговор завязывается если не о политике, то непременно о погоде. На сей раз собеседник поддерживает не скрываемую мной радость по поводу благоприятствующей погоды: «Помилуй Бог, какие дожди, я из Молдавии в тапочках приехал» — и в доказательство приподнимает полу подрясника.

А солнце, суровое северное солнце, и впрямь расщедрилось, румянит бока некрупных яблок в монастырских садах, искрится на тусклом золоте креста монастырской звонницы.

По мнению иных специалистов, тяжело-весный и перегруженный деталями двухэтажный главный храм Спасо-Преображенского монастыря, на мой непросвещенный взгляд, удивительно органично вписан в валаамский пейзаж. Выполненные в виде древнерусских шлемов, купола его — словно головные уборы пяти русских витязей, вросших в землю. В руках одного «копье» — звонница.

На Валааме работали талантливые зодчие. Почин храмостроительству положил игумен Дамаскин. Чрезвычайно много проектов выполнил для Валаама А. М. Горностаев (1808—1862). Наряду со знаменитым К. А. Тоном он стремился возродить утраченную со времен Петра Первого национальную архитектурную традицию и стал одним из основоположников русского архитектурного стиля.

Главный храм возведен уже после смерти Горностаева, в 1887—1892 годах. Когда в 1940 году на Валааме поселили школу боцманов и юнг, в храме для будущих «морских волков» устроили клуб. Великолепные фресковые росписи, выполненные в клеевосковой технике по древним византийским рецептам, безжалостно замазали краской. Спустя время краска осыпалась, увлекая за собой ро-

списи. Теперь стены выбелены, в полумраке теплятся лампадки, в урочный час монахи ангельскими голосами поют «Достойно есть», и на душе становится покойно и светло. Это молитвенное состояние некогда хорошо выразил Иван Алексеевич Бунин:

*Любил я всенощное бдение,
Когда в напевах и словах
Звучит покорное смирение
И покаяние в грехах.*

.....
*И в час, когда хор тихо пел
О «Свете Тихом», — в умиление
Я забывал свои волненья
И сердцем радостно светлел...*

7.

Валаам — остров Преображения. Одному из двенадесятых христианских праздников, Преображению Господню, посвящен и главный монастырский храм, и гора под ним во все не случайно носит название Фавор. По преданию, на Фаворе Христос явился Петру, Иакову и Иоанну «как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет» (от Матфея, 17, 2). Не мной замечено: живя на Валааме, ты порой не в состоянии вспомнить, что было накануне. Я ехал на остров туристом, с вполне четкой профессиональной установкой: напроситься на интервью с заместником о. Панкратием, пообщаться

с братией, запечатлеть ход восстановительных работ. Но в первый же день «растворился» в природе и поплыл в общем потоке богослужений, послушаний и путешествий, забыв, разумеется, о ручке и блокноте. Однако, удивительное дело, стоило покинуть благословенную землю, как большинство впечатлений пяти дней оказались четко запечатлены в памяти.

В надежде на преображение и стремятся на Валаам десятки наших соотечественников разных возрастов, притекают в уповании на чудо. Эта в общем-то незримая работа души иногда проявляется наглядно.

В нашей келье двое паломников — «перекати-поле» чаевничают. Первый, совсем еще юный питерец Валера беспрестанно отлучается покурить. В обители курить не принято. До революции все приезжающие проходили строгий досмотр на предмет наличия табака и алкоголя. Ныне о такой строгости иноки могут только мечтать. Злоба дня сего довлеет.

Валера в очередной раз возвращается с перекура. Его собеседник Юра, неведомо каким ветром занесенный на Русский Север астраханский водила (постарше, постепеннее), наконец не выдерживает, достает из кармана куртки затрепанную брошюрку: «Слушай, почитаю». И зачитывает или, лучше сказать, пересказывает поучение старца Досифея.

Однажды в купе поезда против Досифея оказался купец, беспрерывно достававший из портсигара папиросу за папиросой. Наконец купец заметил старца и предложил ему закурить. Досифей вежливо поблагодарил, но от угощения отказался. «А я вот люблю подымить», — промолвил купец и вытянул из портсигара очередную папиросу. «Вы что же, всякое дело начинаете, не перекрестившись?» — осведомился Досифей. «Помилуйте, как же тут можно креститься!» — изумился купец и услышал в ответ: «Вот и не делайте дела, перед началом которого нельзя совершить крестное знамение».

Валера лишь горестно вздыхает. Валера в прошлом наркоман. Матушка привезла его на зиму в монастырь. Таким заблудшим душам обитель предоставляет стол и кров на неопределенное время в обмен на очень необременительные послушания. А работ в монастыре хватает.

Под свое покровительство юношу взял известный нам о. Мефодий. После ужина Валера появляется в келье, демонстрирует нам маленький серебряный крестик, кладет на кровать стопочку брошюрок, берет одну из них и тотчас обращается с вопросом: «А это какая буква?» — «Это юс малый, — в один голос с московским паломником из нашей группы Николаем говорим мы, — читается как русское «я». Валера углубляется

в текст, светлеет лицом. Хочется надеяться, первое душевное движение не останется единственным...

Валаамское преображение кроме символического имеет и вполне материальное обличье. За века существования руками тысяч русских иноков-тружеников этот форпост русской земли, «северный Афон», был превращен в райский уголок, в мини-государство, «армия» которого сумела на скудной каменистой почве, на тонюсеньком культурном слое не только разбить три фруктовых сада (нам показали плодоносящую стопятидесятилетнюю яблоню), но и выращивать арбузы и даже дыни.

8.

Некогда существовали на Валааме традиционные формы иночества: общежительство, скитское (киновийное) жительство и пустынножительство (отшельничество). Пустыни и скиты, связанные сетью дорог, прятались от досужего людского глаза в лесной тиши. Ныне уставная монашеская жизнь заведена в четырех скитах: Всехсвятском, Никольском, Предтеченском и Гефсиманском.

Дорога ко Всем Святым ведет берегом Монастырской бухты. Позади остаются монументальные гранитные вывалы с прилепившимися к ним исполинскими колоннами сосен. Пейзаж меняется как на киноленте. Минуем каменный мостик, навевающий

кавказские мотивы, и выходим на чудесную изумрудно-зеленую округлую поляну: типичной этой среднерусской картинке добавляет сходства стреноженный жеребчик, который заскучал в одиночестве и доверчиво тянется к неторопливо бредущим паломникам. Через сотню-другую метров среди листвы, удивительно пышной для этого времени года и этой географической широты, поблескивает лесное озерцо. Это уже Русский Север.

Из сосняка выходим в дубовую аллею. Неприхотливый дуб самостоятельно в этих местах принимается неохотно. В свое время — опять в свое время! — для большего растительного разнообразия устроили на острове плодовый питомник. Аллея — из той благодатной эпохи.

Первый же страж молитвенного покоя — невысокий раскидистый дуб бережно огорожен низеньким деревянным заборчиком. Наш гид, Ирина, поясняет: дуб шишкинский, посажен в память о великом русском художнике, любившем подолгу жить на острове. И вправду, зоркое око углядит наяву знаменитые шишкинские пейзажи.

Скитский храм уцелел, бережно восстановлен. Келейным корпусам повезло меньше: повсюду видны следы восстановительных работ.

Некогда насельники жили в суровом постве, лишь в непостные дни было разрешено вкушать молоко. Женщинам вход а скит по-

зволяется с крестным ходом один раз в году на праздник Всех Святых.

Переступить за святые врата принято с разрешения. Но все иноки на послушаниях, благословить нас некому. В состоянии благостного умиления возвращаемся домой.

9.

Святитель Николай, Николай Чудотворец, епископ Мир Ликийских, покровитель всех путешествующих и плавающих — издревле один из самых почитаемых на Руси святых. Не счесть посвященных ему храмов.

В один из последних дней паломничества идем в Никольский скит. Свое путешествие 65 лет назад Борис Зайцев описывал так: «Дойдете до пролива, там на берегу било висит. Постучите в него, с островка о. Милий выедет на лодке. А иначе к нему и не пробраться. В третьем часу, лесом, мимо жилья финских солдат спустились мы к озеру, дошли до каменистого берега. Вот оно и «било» — небольшая железная доска, подвешенная на столбе. Сзади нас главный остров Валаамский, перед глазами пролив и островок с Никольским скитом — небольшой, плавно-возвышенный, в соснах, из которых подымается белый с золотой главой храм св. Николая Мирликийского. Мы несколько раз ударили, не очень сильно. На островке что-то зашевелилось, небольшой серый червячок сполз

к воде, потом лодка двинулась в направлении к нам. По мере того, как подходила, ясна стала в ней фигура в скуфейке, сером подряснике...»

Шесть десятилетий спустя было уже не требуется. На островок переходим по широким деревянным мостикам. Тихо отворяем калитку. Слева у самой воды гранитный поклонный крест с изображением страстей Христовых. Некогда неподалеку ютилась таможня — монастырский устав, как сказано, воспрещал ввоз табака и спиртного.

Всякого входящего скит умиляет домашней обжитостью: у подножия холма — игрушечный, в два плодовых деревца садик, парничок, огородик. За ними двухэтажный выбеленный келейный корпус и в точности описанный Б. Зайцевым храм.

Любопытное свидетельство оставил посетивший Валаам в 1858 году Александр Дюма: «Эта церковь — подлинное сокровище, как по художественным достоинствам, так и по своему богатству — создание лучшего архитектора России».

Что до богатства, то о нем приходится пока лишь мечтать. Отец Сергей, молодой, высоченный, чернобородый, молитвенно сосредоточенный, открывает храм. Сквозь витражи пробивается предзакатное солнце, искрится на ликах, освещает небогатое убранство. В церкви Николая Мирликий-

ского, как почти повсюду на Валааме, «все еще только начинается».

Выхожу из храма, останавливаюсь у гранитного парапета. Отсюда открывается превосходный вид на шхеры и Ладогу. Следом выходит о. Сергей. По журналистской привычке решаюсь подойти с расспросами, наспех формулирую мысли. Но лицо инокa выразительнее любых слов. Его взор падает на хаотично разбросанные островки и устремляется куда-то вдаль, туда, откуда неспешно несет Ладога свои воды. Расспросы неуместны. Ясно и без слов: отец Сергей и десятки неведомых мне иноков молятся и трудничают на Валааме, чтобы ты, песчинка в житейском море, неведомо какими ветрами заброшенный на скалистый остров человек, мог причаститься первозданной прелести природы, начать постижение Божьего замысла об этом мире.

*Воронеж — остров Валаам,
сентябрь 2000.*

ФИГУРЫ И ЛИЦА

СУДИЛСЯ ДИРЕКТОР С ГУБЕРНАТОРОМ

**Заметки на полях
одного гражданского дела**

№ 13 (222), 31 марта 1995

Семнадцатого марта областной суд отказал бывшему директору ВМЗ, а ныне заместителю начальника научно-производственного центра Российского космического агентства Георгию Костину в иске о защите чести, достоинства и деловой репутации к главе администрации области Александру Ковалеву. Костин выразил намерение апеллировать к Верховному Суду России. Продолжение следует.

А завязка этой истории пришлась на рубеж 80-90-х годов, когда имя Костина-политика взошло на местном небосклоне. В сшибке

старой партийно-номенклатурной гвардии с представителями лагеря демократов Георгий Васильевич занял позицию первых. На митингах оппозиции его фигура стала привычной. В 1993 году это стоило Костину места директора Воронежского механического завода — флагамена ВПК России.

Но связи есть связи, тринадцатилетний опыт директорства никуда не денешь, равно как и диплом доктора технических наук. Механизм сработал. Костин получил должность зам. начальника регионального центра РКА и стал куратором всего воронежского космического комплекса. Местные власти ответили. В Москву на имя президента РФ Б. Ельцина, руководителя его администрации С. Филатова и председателя Совета Министров В. Черномырдина ушло обращение за подписью А. Ковалева и Б. Кузнецова. В нем губернатор и полномочный представитель президента расценили новое назначение Костина как принципиальную ошибку в кадровой политике и добавили список его «прегрешений». Вокруг этих «прегрешений» и велась дискуссия 16 и 17 марта в зале заседаний областного суда. Подробности двухдневного разбирательства поучительны, поскольку дают возможность проникнуть за кулисы новейшей истории России, которая из жестких объятий коммунизма выломилась, но еще не научилась отделять эконо-

мическую целесообразность от политики. И тогда борьба с идеологией превращается в борьбу с ее носителями, что, разумеется, по меркам цивилизованного государства недопустимо.

В тексте упомянутого выше обращения столь многое смешалось, что в качестве основания для расторжения контракта с «красным» директором названы его симпатии ГКЧП и «октябристам», его сепаратистские взгляды и высказывания, открытая оппозиционность и даже факт его председательства в воронежском отделении ассоциации товаропроизводителей России. Факт, впрочем, мнимый. Костин в организации не председательствовал.

О политических симпатиях Костина выспрашивали с пристрастием. Но ведь взгляды и противоправные действия — это не одно и то же. Или не так? Попробуем разобраться.

Казалось бы, оправдательный вердикт гэкачепистам расставляет все по своим местам. Меж тем отношение к августу 91-го продолжает быть лакмусовой бумажкой на партийную лояльность. Эту бумажку вновь предъявили Костину. Так был он или не был сторонником ГКЧП? Прокуратура в/ч 9356, которая по письму Ковалева проводила разбирательство, это отвергает: «Директор Костин в период с 19 по 21 августа 1991 года выступал в пределах своих полномочий.

Каких-либо противоправных действий, в том числе, направленных на поддержку ГКЧП, не допускал. В связи с чем его активная деятельность не содержит состава какого-либо уголовно наказуемого деяния».

Полтора годами позже теперь уже областная прокуратура проверяла факт изготовления в типографии ВМЗ большим тиражом печатных непериодических изданий. Да, такие листовки накануне проведения референдума о целостности Союза и позже были. Но, во-первых, ничего антиправительственного в них не найдено. На сей счет имеется официальное экспертное заключение. Во-вторых, факт причастности к их изготовлению персонально Костина не зафиксирован.

Был ли и является ли Георгий Васильевич сторонником регионального сепаратизма? Цитаты из его высказываний, подобранные руководителем правового отдела обладминистрации В. Г. Карташовым, дают основание отвечать на вопрос утвердительно. Выдержки из книжки Костина «Планово-управляемая двухуровневая экономика» свидетельствуют об обратном.

Б. С. Кузнецов истолковал этот факт по-своему: призывы к сепаратизму используются с целью дестабилизации обстановки, если же коммунисты придут к власти, то тогда жесткий централизм в их действиях неизбежен. Логика этого рассуждения выводит нас из области

права в область политики и тактики политической борьбы. Нам важно, подчеркнуть дистанцию между политическими пристрастиями и поступками. По действиям Костин чист перед властями. Что же касается воззрений... Он является одним из видных функционеров КПРФ, членом ЦИК партии, и свою оппозиционность правительственному курсу не скрывает. Но ведь это не криминал.

Любопытна и вот какая деталь. Обращение «наверх» воронежские власти шлют 12 декабря 1994 года. Повод — устная жалоба руководства мехзавода на то, что политическая активность Костина мешает нормальной работе предприятия, и его возвышение расширит границы «отрицательного» влияния. Антикостинское письмо руководства ВМЗ на имя начальника Российского космического агентства появилось двенадцатью днями позже, вослед и в подкрепление обращения губернских властей. Что наводит на определенные вопросы. К примеру, а не было ли давления на мехзаводскую верхушку?

Областной суд не счел, что «компромат», отправленный в Москву, каким-либо образом порочит честь и достоинство Георгия Костина, наносит ущерб его деловой репутации. И все же разбирательство родило ощущение недоговоренности. Политическая злоба дня перекрывала здравый смысл, а эмоции заглушали голос разума. Автор этих строк все ждал, когда

же огласят деловую характеристику и докажут отрицательный результат производственно-хозяйственной деятельности директора Костина. Ведь без этого доказать его негативное влияние на коллектив ВМЗ, согласитесь, трудно. Считать таковым факт организации митинга в сентябре 1993-го в рабочее время можно лишь с большой натяжкой. Митинговали накануне «черного» октября многие, в часы службы — тоже.

Вот и получается, что отстранить Костина от должности предлагают по мотивам политическим, ничего в сущности не добавляя к набору уже использованных и сработавших однажды аргументов. А как же быть с Конституцией и правами человека?

Не честнее ли было авторам письма сразу же после известия о новом назначении Костина заявить о своем несогласии публично и во весь голос? Факт конспиративной отправки обращения обнаруживает не искреннюю убежденность подписантов, а их приверженность аппаратным играм. Снимут — хорошо, не снимут — никто не узнает о демарше (Кстати, сам Костин узнал о письме тотчас же из трех источников одновременно).

Уж если осуждать Георгия Васильевича, то только по моральным критериям, без административных оргвыводов. В сложившейся ситуации ему честнее всего подать в отставку, перестать получать зарплату от государства,

борьбу с «нынешним режимом» вести, так сказать, на общественных началах.

А пока ждем-с. Нынешний шеф Костина, директор Российского космического агентства молчит. Что-то скажет высшая судебная инстанция страны? Точка в непростых отношениях «красного» директора с областной властью не поставлена.

...Есть у этой истории и еще один символический, если хотите, и поучительный, аспект. Обе стороны независимо друг от друга высоко оценили возможность гласного судебного состязания. Правда, глава администрации сослался на большую загруженность и поручил выступать от своего лица юристу. Но это, как говорится, детали. Еще пять-семь лет назад за саму мысль, подать в суд на секретаря обкома или председателя облисполкома можно было бы жестоко поплатиться. Нынче — все иначе. И, значит, хотя бы несколько начальных шагов в области соблюдения и защиты прав граждан, независимо от их места в общественной иерархии, Россия сделала.

В ОДНОЙ ШАРАШКЕ С СОЛЖЕНИЦЫНЫМ

№ 21 (230), 26 мая 1995

В группе встречавших Александра Исаевича Солженицына на вокзале «Воронеж-1» в памятном 1994 году выделялся невысокого роста старик с морщинистым лицом и хитрыми быстрыми глазами. Прямо вылитый шолоховский дед Щукарь. Он терпеливо ждал прибытия поезда и как-то, показалось, снисходительно оглядывал собравшихся, словно, хранил некую тайну. Кто же он?

История жизни моего героя, Дмитрия Федоровича Кулакова, может показаться читателю странной, неправдоподобной, если отмыслить ее от времени. Ибо в его судьбе извивов, странностей, случайных совпадений, духовных взлетов, предательства и равнодушия, в конце концов, чудес в достатке. Всем этим сверх меры переполнена бурная история пореволюционной России.

«Век-волкодав» нещадно перемалывал жизни миллионов и самых сильных духом. Мой герой не шел встречу ветру. Он просто жаждал поделиться с ближними частичкой тех дарований, какими его наградила его природа...

Двадцатые-тридцатые годы. Эпоха великих открытий, эпоха покорителей полюса.

Масштабные стройки, первые дирижабли и аэростаты, чудо века — радио. Но все это далеко. А в семилукском ФЗУ на семьдесят душ одна комнатка, на каждого едока — 800 граммов хлебushка. И ежевечерние бдения над книгами. Журнал «Знание — сила» он начал читать с первых номеров. Штудировал книжки серии «Рабфак на дому», жадно вгрызался в гранит науки. Правда, СХИ окончить не довелось. Первые полгода стипендии первокурсникам не полагалось. На время расстался с мечтой о высшем образовании: пришлось зарабатывать на жизнь. В редкие свободные минуты брал в руки инструменты. Над первыми детекторными приемниками «колдовал» ночи напролет. Тогда и совершил свою маленькую революцию в радиоконструировании. Придумал, как усилить принятый радиосигнал. Проще говоря, сконструировал кристаллический триод. Много позднее это устройство назовут транзистором. Назовут заокеанские ученые. Кулакову тоже воздастся свое. Но в ином роде.

Пятого сентября 1930 года он подал заявку в Государственное бюро изобретений. Через два (!) года из Ленинграда прислали отрицательное заключение. Практическая ценность кристаллов мало кого волновала. Все силы были брошены на усовершенствование вакуумных ламп. Переворот в радиотехнике произойдет десятком лет позднее...

На правобережье Дона в ту пору возводилась областная радиостанция. Начальник строительства инженер Сапрыкин устроил Кулакову десятиминутную беседу с наркомом связи А.И. Рыковым, посетившим станцию. Нарком увез с собою в Москву техническое описание новшества. Дальнейшая судьба бумаг Дмитрию Федоровичу неизвестна. Зато известна судьба Рыкова. Так вместе с «врагом народа» в поле зрения бдительных органов попал и воронежский изобретатель-самоучка. Доброхоты нашептали об их «связи».

Начальник электроцеха, член бюро райкома партии, человек осведомленный и, надо думать, совестливый, посоветовал Кулакову уносить ноги подальше. Кулаков уехал в Донбасс, начал все с нуля на Луганском трубопрокатном заводе и в 25 лет стал главным энергетиком предприятия. За 11 дней до начала войны получил вождеденный диплом об окончании вуза.

Война круто поменяла планы. Продолжал работать и учился в партизанской школе НКВД. Между прочим, разработал конструкцию многозарядного миномета. В серию конструкция не пошла. Почему? Кулаков вспоминает об этом с известной долей юмора: «Военные взмолились. На стандартные минометы боекомплекта недостает, в ты предлагаешь многозарядный...»

Потом фронт откатился на восток. Кулаков остался в тылу, взрывал в Луганске различные объекты, которые наши, спешно покидая город, не успели уничтожить. Немцы вышли на след группы. Кулаков пытался скрыться, угодил в облаву и был отправлен в Германию. Из берлинского лагеря Шпандау бежал. Вот его простой, бесхитростный рассказ об этом эпизоде жизни:

— Попыток выбраться из неволи делалось много. Но куда спрячешься в столице фашистского государства? Жителям Берлина несложно было вычислить «остарбайтеров». Как правило, беглецов вскорости отыскивали... В лагере я познакомился с поляком, он служил в «шрайбштубе» (канцелярии), имел доступ к пишущей машинке и отстукал мне фальшивый «аусвайс». В нем значилось, что имярек такой-то, рождения 1913 года, врачом рабочего фронта Берлина признан негодным к работе в германском государстве в связи с заболеванием туберкулезом легких и возвращается домой. Была пришлепнута красная государственная печать со свастикой. Вид ее действовал магически на всех проверяющих.

На железнодорожных станциях высматривал составы, отправляющиеся на восток. Заберешься в тормозную будку — и вперед. В Брест-Литовске задержала полиция. Документы отняли, отправили в пересыльный лагерь. На другой день привели к коменданту. «Наме

(имя)?» Отвечаю. Посмотрел в «мельдкарте» (рабочая карточка), развернул «аусвайс», прочел диагноз и закричал: «Убирайся вон!».

Миновал благополучно Киев, добрался до Курска. Местная комендатура выдала пропуск в Латную. Оттуда до села Девица рукой подать. Шел 1942-й год. Фашистов еще не выбили, но наша авиация частенько накрывала вражеские позиции.

Я вернулся из фашистского логова, кое-что видел, решил поделиться сведениями с нашими. Но при попытке перейти линию фронта попал под минометный обстрел, получил тяжелое ранение в живот.

...А потом были январские бои за Воронеж, и линия фронта переместилась на запад. Постепенно восстанавливался порядок. Сквозь все просвечивающий рентген НКВД Кулакову пройти пришлось. Выясняли, что да как, он ничего не утаивал. Поверили, не поверили, судить трудно. Однако не посадили. Выдали паспорт. В августе 1943 года Дмитрий Федорович участвовал в восстановлении Семилукского огнеупорного завода.

В 1945-м (вы не поверите!) Кулаков заинтересовался своими канувшими в Лету изобретениями. В Москву полетели письма. Волновала его судьба двух придумок: кристаллического триода и электромагнитной записи звука на киноленту.

О триоде читатель уже знает. Вторая идея у Кулакова возникла в 1936 году. Первые советские звуковые ленты — «Путевка в жизнь», «Чапаев» — озвучены оптическим способом. Дмитрий Федорович додумался запрессовывать в целлулоидную киноленту мелкие стальные опилки и записывать звук с помощью магнитной головки. Попытки фиксации звука подобным образом делались и до него. Но применялась для этих целей стальная лента. Наш герой делал первые подступы к изобретению прообраза современных магнитных лент.

Ответ из высоких инстанций не замедлил явиться... в образе двух крепких молодых людей. «Вы писали?» — «Да». — «Собирайтесь». Вряд ли стоит уточнять, из какого ведомства были визитеры. Началось следствие, «шили» Кулакову измену Родине. Логика простая: находился в Германии — значит, предатель.

Что следовало за знакомством с ведомством товарищей Дзержинского — Ежова — Бери, читателю объяснять не требуется. Приговор вынесли стандартный: десять лет. Путь, однако, лежал не на Колыму. Недоучившийся семинарист Иосиф Джугашвили цену мозгам знал. Кулакова под конвоем отправили в Москву, в спецлабораторию, которую по описанию А. Солженицына мы знаем как шарашку. Будущий Нобелевский лауреат последует туда шестью месяцами позднее. Здесь

произойдет из знакомство. Солженицын работал в группе дешифровки. Кулаков принимал участие в создании системы правительственной связи.

В 1948 году трое американцев — У. Браттейн, У. Шокли и Дж. Бардин — изготовили кристаллический триод, назвали его транзистором и запатентовали идею. Их русский коллега в то время созерцал жизнь сквозь ограждение из колючей проволоки.

В 1949 году правительство поручает отделу оперативной техники этой самой шарашки разработку отечественного транзистора. Кулаков изготавливает три образца, повторяет свой опыт почти двадцатилетней давности. На испытание образцов вместе с начальником лаборатории полковником Васильевым пожаловал академик А. Берг. Кулаковские триоды перекочевали в его портфель. На другой день лабораторию прикрыли.

19 июня 1968 года одна из закрытых военных организаций, именовавшаяся «почтовый ящик Р-6646», представляла Д. Ф. Кулакова в числе группы специалистов на соискание Ленинской премии 1969 года за участие в работах по изготовлению первых отечественных транзисторов в 1949 году. Представляла, впрочем, безуспешно. Однако мы, кажется, слишком забежали вперед...

В 1951 году заключение в шарашке сменилось ссылкой. Кулаков попал в Красно-

ярский край, на Ангару, в геологоразведочную партию. Четыре года спустя наступает наконец освобождение. Следующий эпизод передаю словами моего героя:

— В 1956 году Браттейн, Шокли и Бардин за разработку транзистора были удостоены Нобелевской премии. А меня в том же году вызывают в компетентные органы. «Вы ни в чем не виноваты, мы вас реабилитировали», — слышу я там. Засчитывают трудовой стаж, дают компенсацию.

Кулаков вернулся в Воронеж, до выхода на пенсию проработал ведущим инженером «ЭНИКМАШа», где снова изобретал, подавал рационализаторские предложения, печатался в сборниках научных трудов института. Силы этой неумной натуры требовали выхода, и в свободное от обязанностей службы время он колдовал над своей водичкой. Снова фрагмент воспоминаний.

— Существует 42 модификации воды, — рассказывает Кулаков, — из которых нам известны более или менее хорошо только две: обыкновенная и «тяжелая». В 1930 году киевлянин Кульский получил «серебряную» воду. Я решил исследовать влияние этого состава на организм, задался вопросом, какие еще, кроме серебра, электроды можно использовать. Эксперименты убеждали, растворы, которые я готовил по собственному рецепту, обладают лечебными

свойствами, способствуют быстрому излечиванию гриппа и ангины, скорее затягиваются обработанные ими раны, ожоги...

И что же вы думаете, неужели не стучался он в двери официальных инстанций, не пытался заинтересовать медиков полученными результатами? Стучался, но безуспешно. Заявка на изобретение экстракта с лечебными свойствами 25 лет остается без удовлетворения. В 1970 году ему даже не удалось получить авторское свидетельство. Дальнейшие опыты — даже на животных — были запрещены академиком Н. Блохиным и Минздравом СССР. Кулаков опять писал в ЦК КПСС, делегатам XXV, XXVI съездов КПСС. Один ответ из Москвы пришел.

В 1977 году по распоряжению министерства здравоохранения СССР облздравотдел ставит незадачливого воронежского изобретателя на учет в психоневрологическом диспансере с диагнозом... «душевное заболевание со сверхценными идеями». Брежневская камарилья оказалась ничуть не лучше сталинских подручных. В 70-е годы аналогичные диагнозы раздавались инакомыслящим с легкостью необыкновенной.

В то время, как Кулаков ходил с клеймом отверженного, медики в Москве, Киеве, Казани начали экспериментировать с водой, результаты их изысканий появились в научной литературе. Доценту Генштаба В. Рублеву по-

везло, он оказался удачливее и получил-таки патент на ионизированную воду.

22 февраля 1988 года Комитет по фармакологии разрешает применять эту воду в медицине. Кулакова вскоре вызывают в «компетентные» органы. «Вы болели?» — «Нет». — «А как попали на учет?» — «Вам об этом знать лучше»... Выдали справку: «на учете в психоневрологическом диспансере не состоит», с тем и распрощались. Ни слова сочувствия, ни извинения.

Эффект воды, которая прошла электрохимический процесс и приобрела специфические свойства, ученые назвали холодным ядерным синтезом. Об этом открытии американских (увы) ученых из штата Юта в 1989 году сообщили средства массовой информации США.

А что же кулаковская водичка, так-таки и не изучалась? Изучалась. В 1991 году Кулаков получил заключение киевского НИИ фтизиатрии и пульмонологии на авторский препарат «вода ионизированная ионами чистого серебра с омагничиванием». Приведу его полностью: «Отмечено ускоренное очищение послеоперационных ран от гнойно-фиброзных образований. Несколько более быстрая санация плевральной полости при тенденции к нагноению».

Дома у Дмитрия Федоровича хранятся десятки визиток российских и иностранных

светил — свидетельства многочисленных бесед. Собеседники соглашались с тем, что его вода обладает ценными свойствами. Но приоритет неизвестного воронежского самородка никто из них признать не спешит. Соавторы не нужны Кулакову. И потому свой рецепт он держит в секрете.

Как полагается, изобретателя одолевали современные нахрапистые делеги, сулили большие деньги за содействие в организации коммерческого предприятия по излечению ионизированной водой различных недугов. Он ответил, что обирать нищих людей не станет из нравственных соображений, будет пользоваться больных бесплатно. И «бизнесмены» исчезли.

...Нам остается перевернуть последнюю, к счастью, недописанную страницу жизнеописания нашего героя, познакомиться с Кулаковым-философом, автором самобытной «лептонной» теории.

Лептоны — мельчайшие элементы мироздания, не имеющие внутренней структуры. Это и фотон, и электрон, и еще около 200 частиц. Адроны, напротив, обладают структурой. Их взаимодействие, согласно Кулакову, и определяет не только ход физических процессов на планете, но и картину мира. Вот что он об этом говорит:

— Почему в космосе холодно, а на поверхности Земли тепло? Я объясняю это просто.

Лептоны движутся со скоростью 300 тысяч километров в секунду. Когда они встречаются с адронами, окружающими Землю, их скорость падает, и выделяется энергия. Мое правило такое: Солнце — источник лептонов, космос — их сверхпроводник, Земля — аккумулятор лептонов, а живые организмы — преобразователи энергии.

Что это, обыкновенные старческие чудачества или, может статься, прорыв в неизведанные горизонты? Воронежский самородок излагал свои идеи с трибуны 32-й сессии пленарной ассамблеи Всемирной федерации ассоциаций содействия ООН (Москва, 1989), Глобального форума по окружающей среде и развитию в целях выживания (Москва, 1990), на конференциях, которые устраивала в столице ассоциация «Космонавтика и человечество», на 1-й Всесоюзной конференции по биоэнергетике. Ученые мужи слушали и... пожимали плечами.

А Кулаков продолжает «фонтанировать» идеями:

— Листья растений имеют массу, но почти всегда располагаются горизонтально над землей, блестящей стороной вверх, губчатой стороной вниз. Почему? Доктора биологических наук мне отвечали, что это сугубо филогенетический процесс, это явление объясняется особенностями формирования растений. Когда я занялся исследованиями, то обнаружил, что

в верхней части листа концентрируются молекулы водорода, в нижней — кислорода. Водород легче кислорода, вот и все...

В октябре 1994 года Кулаков повстречался в Воронеже с Солженицыным. Я поинтересовался, сразу ли признал его писатель? Сразу, как только услышал условную фразу: «Сухой табак уже дымился», которая многажды звучала в шарашке. В жестком расписании Нобелевский лауреат нашел часок для сокамерника, услышал его краткое жизнеописание, а уезжая, попросил местные власти помочь ему. Вскорости представительная делегация нанесла Кулакову визит. Перемены не последовали: обещанного три года ждут.

Так и проходит одинокая старость, в плохонькой однокомнатной квартирке, наедине с книгами, в соседстве многочисленной кошачьей компании.

КОВАЛЕВУ ПРИДЕТСЯ ИЗВИНИТЬСЯ

№ 2 (263), 12 января 1996

В начале 1995 года на пресс-конференции, посвященной анализу текущих результатов хозяйственной деятельности областной

администрации, Александр Ковалев, отвечая на вопрос одного из журналистов о взаимоотношениях с бывшим директором мехзавода Георгием Костиным, заметил, что точку в них поставит суд. Если он, Ковалев, окажется не прав, то готов принести своему оппоненту извинения. Момент настал. 4 января областной суд в новом составе удовлетворил иск Г. Костина о защите чести, достоинства и деловой репутации, обязал Ковалева и полномочного представителя президента Кузнецова отозвать письмо №284 от 12 декабря 1994 года и принести истцу письменные извинения. Первая часть этой истории подробно излагалась на страницах «Берега» 31 марта 1995 года. Однако минуло несколько месяцев, подробности, наверняка, стерлись из читательской памяти. Освежим ее. И будет наше нынешнее повествование состоять из трех частей.

Истоки

Звезда Костина на местном политическом небосклоне взошла на рубеже 80-90-х годов. В горячечной атмосфере меж августом 91-го и октябрём 93-го каждый определялся самостоятельно. Георгий Костин в прямом и переносном смысле выбросил красный флаг. В конце сентября 1993 года государственный символ бывшего СССР развевался над зданием заводоуправления ВМЗ. Так судьба развела бывших коллег — командиров оте-

чественной промышленности — по разным полюсам бурлившего в ту пору российского общества. Припомним, что А. Ковалев шагнул во власть и связал свою судьбу с Б. Ельциным во время кампании критики коммунистической идеологии. Костин вошел в состав ЦИК КПРФ, стал видным функционером компартии. Таким образом его конфликт с местными властями был предрешен.

Александр Ковалев делал попытки снять своего оппонента с работы четырежды. Однажды извинялся. Через небольшой промежуток времени непосредственное начальство «красного директора» в столице получило два послания. В одном глава областной администрации предлагал освободить Костина в связи с окончанием срока контракта. В другом сообщал: «Оснований для разрыва контракта нет». Что подумали в Москве о противоречивых действиях губернского начальника, мы гадать не станем...

В 1993 году оппозиционеру Костину «воздано по заслугам». Местные власти добиваются таки своего, и на ВМЗ происходит смена руководства. Но это приводит к результату, обратному желаемому. Ибо в Воронеже не учли, что за тринадцать лет на посту директора ВМЗ, флагмана военно-промышленного комплекса страны, их оппонент набрал необходимый вес в правительственных структурах. Опыт, диплом доктора технических

наук, связи перевесили. Механизм сработал. Костин получил должность замначальника регионального центра Российского космического агентства и стал куратором всего воронежского ракетно-космического комплекса. И тогда происходит четвертый, последний к настоящему моменту, залп.

Вначале было слово — устное. После беседы с нынешним директором ВМЗ Анатолием Часовских Ковалев и Кузнецов шлют письмо №284 на имя президента Б. Ельцина, руководителя его администрации С. Филатова и председателя кабинета министров В. Черномырдина, в котором расценивают новое назначение Костина как (обратим внимание на эти слова, поскольку они сыграли решающую роль во всей истории. — **Авт.**) «принципиальную ошибку в кадровой политике». Само собой, такой вывод подкреплялся набором его «прегрешений».

Костин узнал о письме сразу же из трех разных источников. Воистину, нет ничего тайного, что не стало бы явным! Ответил иском о защите чести, достоинства и деловой репутации. Иск стал предметом разбирательства 16 и 17 марта 1995 года в областном суде. Большую часть публики в зале заседаний составили газетчики. Коллеги не дадут соврать. Местами слушания напоминали средневековые прения о том, могут ли уместиться на кончике иглки сто

тысяч ангелов, потому как спорили о том, чьи взгляды на жизнь истинные. Вопреки сущностному принципу любого правосудия, презумпции невиновности, оправдываться вынудили истца, а в качестве аргументов Б. Кузнецов и представлявший губернатора шеф юридической службы областной администрации В. Карташов представили публичные высказывания «красного директора».

Основанием разрыва с ним уже нового контракта предлагалось считать, в частности, его симпатии ГКЧП и «октябристам», сепаратизм, открытую оппозиционность.

Напомним, к тому времени V Гос. Дума вынесла оправдательный вердикт гэкачепистам. А на суде выяснилось: «Директор Костин в период с 19 по 21 августа 1991 года выступал в пределах своих полномочий. Каких-либо противоправных действий, в том числе направленных на поддержку ГКЧП, не допускал, в связи с чем его активная деятельность не содержит состава какого-либо уголовно наказуемого деяния». Это резюме спецпрокуратуры в/ч 9356.

В полном согласии со здравым смыслом автору этих строк хотелось поскорее добрать-ся до решающего момента судебного разбирательства. Таковым должен был бы стать момент предъявления доказательств отрицательного влияния бывшего директора ВМЗ на хозяйственную деятельность предприятия.

Обвинители Костина их не предоставили. Потому письмо Ковалева и Кузнецова весьма походило на попытку расправы с политическим противником. Такой вывод мы и сделали в предыдущей публикации.

Областной суд иск отклонил. Не счел, что изложенные губернатором и представителем президента в их послании в Москву сведения как-либо порочат честь, достоинство и деловую репутацию Костина, потому ему ничего не оставалось делать, как апеллировать к Верховному суду РФ. Вот передо мною ксерокопия определения судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 25 мая 1995 года. У нас есть хороший повод поразмышлять на тему

Как работает воронежская Фемида

Сколь беспристрастны и независимы в своем мнении от властей предрежащих ее воронежские служители? Цитирую. *«По каждому обстоятельству истец конкретно указал, что не соответствует действительности.*

Суду, поэтому, следовало проверить, соответствуют ли действительности обстоятельства, на которые обращает внимание истец, и если соответствуют, то можно ли их считать порочащими честь, достоинство истца, его деловую репутацию. Однако судом эти обстоятельства надлежащим образом исследованы не были. Так, в обращении указано, что «работая директором ВМЗ, а

в последнее время зам. директора этого завода по науке, Костин Г. В. за период 1989-1994 гг. использовал свое положение больше для политической деятельности, чем производственной».

В подтверждение успешной производственно-хозяйственной и экономической деятельности предприятия Костиным Г. В. представлены письмо Генерального директора департамента общего машиностроения от 24 июля 1992 года, письмо Председателя Комитета по оборонным отраслям промышленности от 24 марта 1993 года, справка Председателя правления коммерческого банка «Воронежкредитпромбанк» от 17 декабря 1991 года.

Суд не исследовал указанные доказательства, не предложил ответчикам, на которых лежала обязанность доказать соответствие действительности распространенных сведений, представить доказательства в подтверждение сведений, никакого вывода о соответствии или несоответствии действительности этих сведений не сделал.

Суд указал в решении, что сведения, оспариваемые истцом, не порочат его честь, достоинство и деловую репутацию, поскольку не содержат утверждений о незаконности или аморальности его действий. Суд, однако, к такому выводу пришел не на основании всего обращения в целом, а путем анализа отдельных его положений.

Костин Г. В. обращал внимание на то, что сведения, содержащиеся в обращении Ковалева А. Я. и Кузнецова Б. С. повлияли на возможность его работы в новой должности. В подтверждение своего довода представил письмо руководителя Администрации Президента РФ.

Приняв доказательство, имеющее значение для дела, суд его не исследовал и оценки в совокупности с материалами дела в решении не дал.

При указанном положении принятое по делу решение об отказе в иске нельзя признать обоснованным.

Руководствуясь ст. 305 ГПК РСФСР, Судебная коллегия определила:

решение Воронежского областного суда от 17 марта 1995 года отменить, дело направить на новое рассмотрение в тот же суд».

Комментировать ничего не стану. Как говорили древние, умный поймет.

«Убежден — это процесс политический»

Вынесенная в подзаголовок формулировка принадлежит не автору. Так охарактеризовал повторные, уже в новом составе суда, слушания 3-4 января 1996 года Борис Кузнецов. И это многое ставит на свои места. То, что год назад ненамеренно (намеренно!) скрывалось между строк, ныне вышло наружу. Костину снова предъявили лакмусовую бумажку на партийную лояльность. Правда,

участвующий в разбирательстве адвокат Николай Хаустов (в 1995 году Костин решил обойтись без услуг защитника) напомнил о принципе презумпции невиновности. Доказывать правоту содержащихся в письме утверждений пришлось Карташову и Кузнецову. И они принуждены были снова доказывать нелояльность Костина существующему режиму (хотя, заметим, сам «красный директор» свои убеждения в тайне ни от кого не держит).

Для начала выяснилось, что Москве подсунули не совсем точные сведения. О том, в частности, что Костин председательствовал в воронежском отделении ассоциации товаропроизводителей России. Он в нем не председательствовал. Лишь входил в его состав. Ничего противогосударственного ассоциация, кстати, не совершила.

Как делался вывод о его связях с «неприимчивой» оппозицией? Суду представлена ксерокопия заметки в одной из местных газет, где со ссылкой на зарубежное агентство информации говорится о Костине как влиятельной фигуре в «теневом» правительстве России. Или. Предъявляется ксерокопия страницы из книги Степанкова и Лисова «Кремлевский заговор», где в списке ГКЧП под номером 10 значится Костин Г. В. без доказательства идентичности упомянутого лица и воронежского «красного директора».

Юрист областной администрации утверждает, что письмо не затрагивает чести, достоинства и деловой репутации Костина, и ссылается на определение этих понятий в частном мнении Конституционного суда, хотя как правовед понимает: Верховный суд не может им руководствоваться.

А вот как доказывается, что Костин больше политик, нежели хозяйственник. Предъявляется интервью в «Российской газете», где он ссылается на Ленина, который определяющей характеристикой руководителя предлагал считать политические убеждения. Боже правый! Да ведь сами же инициаторы письма и поступают согласно заветам ненавистного им Ленина и предлагают снять человека с должности по политическим мотивам!

Господа Карташов и Кузнецов настаивали на конституционном праве А. Ковалева на частное мнение по любому вопросу (резонно!). Но отчего-то противоречили друг другу. Первый утверждал, что в письме дана Костину объективная оценка, второй считает — субъективная. При этом и тот и другой «наивно» удивляются последствиям.

Скажем же здесь о том, какие фигуры на самом верхнем этаже власти приведены в действие письмом воронежского губернатора. 3 января 1995 года руководитель президент-

ской администрации С. Филатов направляет официальную бумагу первому заместителю председателя правительства О. Сосковцу. В ней он кратко излагает содержание депеши из Воронежа и резюмирует: «Прошу Вас вернуться к рассмотрению данного вопроса. С учетом Вашего ответа будет подготовлен доклад Президенту».

О. Сосковец, в свою очередь, спускает документ ниже, директору Российского космического агентства (РКА) Ю. Коптеву. Тому ничего не остается делать, как приостановить назначение Г. Костина.

Так жизнь дала ответ Ковалеву, Кузнецову и областному суду на вопрос, был ли нанесен ущерб деловой репутации «красного директора». А вот ответ им же Верховного суда РФ: «Поскольку в обращении давалась негативная оценка производственной и политической деятельности Костина Г. В., выражалось мнение, что Костин по этой причине не достоин нового назначения, сведения, на основании которых авторы давали оценку и делали выводы, порочили честь, достоинство и деловую репутацию истца».

Новый состав областного суда согласился с определением своих столичных коллег, удовлетворил иск Г. Костина. Теперь уже ответчики, А. Ковалев и Б. Кузнецов, имеют право обжаловать это решение. Скорее всего, так они и поступят.

Наш прогноз развития событий. Однажды ВС России принял сторону Костина. При отсутствии новых доказательств его «прегрешений» перед местными властями (а «старые» не дают оснований сделать вывод о том, что деятельность Костина угрожала целостности существующего строя. Больше того, главное управление ракетно-космической техники дало весьма лестную характеристику Георгию Васильевичу) маловероятно, что по одному и тому же делу высшая судебная инстанция страны вынесет два противоречащих друг другу решения. Так что извиняться Ковалеву придется.

В заключительном слове Б. Кузнецов дал высокую оценку судебным слушаниям. В этом мы с ним солидарны. Точка в деле означает, что Россия сделала еще один небольшой шаг на пути к правовому государству, где не будут наказывать во внесудебном порядке, перестанут «шить» политику, где будет ограничено «телефонное право», где права человека будут священны, а политическое разномыслие гарантировано Конституцией, где главным принципом назначения на должность станет профессионализм.

Согласитесь, о многом говорит тот факт, что авторы письма не воспользовались возможностью публично оспорить новое назначение Костина, а прибегли к классической аппаратной игре, предпочтя закулисные

интриги. Как было сказано, раскручиваться история начала после устной жалобы руководства ВМЗ на давление со стороны Костина. В недавнем телефонном разговоре с Костиным директор мехзавода А. Часовских этого факта не припомнил (!).

Теперь мы должны объясниться с читателями. Мы вовсе не симпатизируем Костину и исповедуемой им идеологии. Свой приговор коммунизму в его советском варианте история вынесла. Мы защищаем принцип. В правовом государства никто не может быть осуждаем за взгляды, коли в них не содержится призывов к насильственному свержению существующего строя. Делать оргвыводы на основании убеждений — противозаконно. Что подтвердили сначала Верховный, а затем областной суды.

Постскрипtum-2013. Ковалеву пришлось таки принести извинения Костину.

БОРИС ПУШКАРЕВ: У СОЛИДАРИЗМА В РОССИИ ЕСТЬ БУДУЩЕЕ

№ 17 (278), 26 апреля 1996

Внимательному читателю газеты «Правда» 50-70-х годов нет необходимости растолковывать, что такое НТС. Аббревиатура эта часто мелькала на страницах партийных

пропагандистских материалов. НТС, конечно, же прибежище «негодяев, прихвостней мировой буржуазии, злейших врагов советской власти». Вспоминается телевизионный фильм двадцатипятилетней давности «Преступники на «Свободе», в котором радиостанция «Свобода» представлена как «гнездо энтээсовцев», а сами они изображены в облике пособников гитлеровцев — ни больше, ни меньше...

Агитпроп канул в Лету. В 1993 году штаб-квартира Народно-Трудового Союза российских солидаристов (именно таково полное наименование организации) обосновалась в российской столице на Петровке, 26. Один из идеологов НТС Роман Редлих преподает в московских вузах. Перебрался в Москву председатель НТС Борис Сергеевич Пушкарев (пока, правда, не на постоянное место жительства). Мы ведем беседу в его просторной трехкомнатной квартире на северной окраине Москвы. Б. С. Пушкарев, кстати, сын известного эмигрантского историка Сергея Германовича Пушкарева, книга которого «Обзор русской истории» недавно переиздана в России, оказался собеседником весьма любезным и охотно удовлетворял мое журналистское любопытство:

— Начнем с зарождения организации. Союз, который основали 14 молодых людей, встретившихся в Белграде 1 июля 1930 го-

да, назывался Национальный Союз Русской Молодежи. Год спустя его переименовали в Национальный Союз Нового Поколения. Потом название наше, в деталях, менялось еще пять раз, хотя инициалы НТС и существуют с 1935 года. В 1956 году мы приняли название «Народно-Трудовой» вместо «Национально-Трудовой» просто потому, что в обиходе в СССР слова «народ» и «нация» поменялись местами. Но это не изменило сути организации. С самого зарождения НТС встал на защиту наших национальных ценностей.

Союз создали молодые участники Белого движения и дети их старших товарищей, многие из которых родились в 17-м году. Это о них потом скажет поэт: «Мы родились в России в семнадцатый год, окрашенный цветом шинели». Объединение единомышленников возникло из тройного отрицания, в первую очередь, отрицания большевизма с его интернационализмом. Одновременно это было стремление оттолкнуться от старшего поколения эмигрантов, которое жило партийными распрями прошлого. Сыграло свою роль и отрицание внешнего мира, навязывавшего либо либеральную демократию, либо фашизм. Либеральная демократия не была способна себя защитить ни от коммунизма, ни от фашизма. А фашизм, в свою очередь, был неприемлем из-за своей античеловечной сущности. Конфликт поколений,

между прочим, выразился в том, что первоначально в члены НТС принимали только тех, кто родился после 1895 года, поскольку эти люди не были ответственны за крушение России в 1917 году.

— *Кто стоял у истоков НТС?*

— Самой видной личностью был Михаил Александрович Георгиевский — лингвист, преподаватель древних языков в белградской гимназии, расстрелянный на Лубянке в 1950 году. Он являлся генеральным секретарем исполнительного бюро, а председательствовал в НТС свыше двадцати лет Виктор Михайлович Байдалаков. Нельзя не упомянуть Аркадия Петровича Столыпина. Здравствует поныне руководитель французского отдела В. Д. Поремский.

— *Существуют ли какие-нибудь атрибуты принадлежности к НТС?*

— Союз отличался и от большевистских, и от национал-социалистических организаций тем, что его члены никогда не носили униформу. Мы вообще старались избегать признаков военизированной организации. С 1934 года существует значок, его символика не менялась.

— *Я не могу не коснуться темы, которая все еще продолжает смущать умы многих. В свое время советская пропаганда ставила знак равенства между НТС и фашистами. Как все обстояло на самом деле?*

— Для Народно-Трудового Союза оказались неприемлемы и либерализм, и национал-социализм. Я об этом уже говорил. Могу привести еще несколько характерных эпизодов. В тоталитарной Германии далеко не все немцы разделяли гитлеровскую идею уничтожения России как самостоятельной страны, а стояли на той точке зрения, что спасение Германии возможно только в союзе с русским народом. У таких немцев НТС находил понимание и вместе с тем получал минимальные возможности для маневра на территории Германии, а также возможности проникновения в Россию. Когда наступил перелом в войне и НТС занял позицию: не Сталин, не Гитлер, а национальная Россия — гестапо заволновалось. Летом 1944 года были произведены массовые аресты членов организации. Вообще же немецкий террор против НТС начался еще на оккупированных территориях. Многие члены Союза были расстреляны за связь с партизанами: дело в том, что НТС активно нащупывал и устанавливал связи с патриотически настроенными партизанами. Гестапо репрессировало примерно 150 членов Союза.

— *Чтобы понять философию и идеи НТС, необходимо раскрыть смысл слов, составивших название организации...*

— Пожалуйста. После революции 1917 года сформировались две концепции преодоления

большевизма. Сторонники первой выступали за продолжение белой борьбы («С силой можно бороться только силой»); другие уповали на силу идей и убеждения. Сторонники НТС полагали, что идею можно победить только идеей, и в политическом спектре определили свое место так: «Мы не справа и не слева, мы — впереди!». На смену космополитичному коммунизму должны были прийти идеи национальной справедливости и социальной правды, которые смогут противостоять либерализму, безразличному к истине (Запад придерживается убеждения, что истина — это то, за что проголосовало большинство). НТС с самого зарождения утверждал приоритет национальных христианских ценностей в противовес утилитаризму, и западному, и советскому. Русская революция преуспела в разжигании классовой розни, и залечить ее раны может лишь сотрудничество классов и социальное единство нации — вот откуда пошел солидаризм. Но где искать его прообраз? Либеральная демократия терпела поражения и теряла авторитет. Однако мы ее изучали, в частности, социальные реформы Рузвельта; изучались и корпоративная теория Парето, и патриархальная диктатура Салазара в Португалии. Но проще всего, конечно, изучать то, что было под боком. Под боком были труды Бердяева, Лосского, Франка, в Харбине преподавал Георгий Гинс, у кото-

рого мы и взяли сам термин «солидаризм» и его определение желаемого государства: не ночной сторож, как при либерализме, не командир, как при диктатуре, а светофор на перекрестке, который не дает машинам столкнуться, а в остальном предоставляет водителям право ехать, куда им надо.

В годы поиска новых форм государственного строительства вызрела идея трудовой солидарности. Основа любого государства — богатство, накопленное совместным трудом, поэтому труд рассматривается в качестве существеннейшего элемента единения общества.

Союз всегда брал в расчет, что Россия — государство многонациональное, и звал к национальному единству. На смену тотализму большевизма, по позднейшему замечанию Сергея Левицкого, должна прийти «не свобода от мировоззрения, а мировоззрение свободы».

— *Если я не ошибаюсь, термин «солидаризм» впервые появился в трудах идеологов НТС.*

— О, нет. Это слово родилось еще в начале девятнадцатого века. Имели широкое хождение идеи французского безрелигиозного солидаризма, немецкого католического солидаризма. Г. Пеш и его последователи еще в догитлеровский период в своих трудах рисовали образ общества, построенного на основе христианской экономической модели. Именно из католического солидаризма

выросла потом польская «Солидарность». Предвестником идеологии НТС был, конечно, широко известный сборник «Вехи». Наша генеалогия восходит к А. С. Хомякову с его идеей соборности. Прообраз солидаризма мы увидели в христианской демократии послевоенной Европы, в социально-рыночном хозяйстве и реформированной парламентской системе стран, прошедших свой искус тоталитаризмом.

— *Насколько я понимаю, будучи организацией, ориентированной на христианские ценности, НТС тем не менее не декларирует приверженность какой-либо одной конфессии?*

— Не декларирует. В 30-е годы XX века существовали даже разные виды присяги в НТС для буддистов и мусульман. Равно как в нашей деятельности никогда никакой роли не играл принцип сословности. Дворянское чванство всегда вызывало отторжение, хотя с умеренными монархистами связи поддерживались. Крайние монархисты всю вину за революцию 17-го года возлагали на еврейство и всегда нам выговаривали за то, что мы не спешим разделить их воззрения и не верим в жидомасонский заговор.

— *В послевоенные десятилетия НТС укоренялся на российской почве и в конце концов здесь обосновался. Ныне, когда тоталитаризм сломлен, члены Союза должны ответить на вопрос: а что дальше?*

— Многое из того, к чему 65 лет звал Народно-Трудовой Союз, свершилось: нет больше тоталитарной диктатуры КПСС с ее всемирными претензиями, нет и советской власти. Есть в России свобода слова и общественных объединений, в том числе церкви, и значительная свобода хозяйственной деятельности. Созданы органы представительной власти.

Но не все пошло «так, как думали мы». Новая Конституция и парламент не дали ускорения реформам. Снова пошли «компромиссы с силами прошлого». Их цель — консолидировать олигархическую власть. Опасно в этой олигархии смешение государственных и своекорыстных интересов, политики и денег, отчуждение народа от власти.

С тех давних пор, когда оформилась идея «национальной революции», НТС делает ставку на самоорганизацию общества снизу, на то, что государство станет венцом земской деятельности. На этот раз вышло иначе — государство пока остается вотчиной прежнего правящего слоя. Засилье на местах малых диктаторов, от председателя колхоза или АО до губернатора, апатия и пассивность, унаследованные от советских и еще от крепостных времен, путаница в умах — все это мешает развитию гражданской инициативы. Задача развития этой инициативы остается в повестке дня.

Между либералами-западниками, некоммунистами, экстремистами не занятым остается самое перспективное место, которое не противопоставляет, а совмещает демократию и патриотизм. Реформам требуется патриотическое обоснование, а патриотам требуется отказаться от коммунистического прошлого. Это позиция НТС и его потенциальных союзников.

В России мы занялись издательской и педагогической деятельностью. Александр Штамм в Санкт-Петербурге ведет активную правозащитную работу, необходимость которой преобразования в России не отменяют. В том же Санкт-Петербурге издается научно-исторический журнал «Новый часовой». Еще в начале 90-х годов местная группа НТС создала в Омске музей Колчака. НТС ведет также профсоюзную деятельность. Издательство «Посев» в конце 1992 года зарегистрировано в Москве. Теперь в ряде городов НТС имеет «своих» депутатов в законодательных органах власти.

В конечном счете мы стремимся показать, что личность человека — не «человеческий материал»: она может быть только целью, но никак не средством, должна иметь возможность выбора ценностей. Власть не может быть высшей ценностью, власть дается ради служения, и управляемые должны иметь возможность контролировать управляющих.

Насилием можно остановить насилие, но нельзя побудить к добру, истине, вере. Этот факт ставит пределы государственной власти, подчиняя ее ценностям, которые выше ее.

— *А кого вы намерены поддерживать в ходе президентской избирательной кампании?*

— Во всяком случае, мы — против Зюганова и Жириновского. Когда в «Нью-Йорк таймс» Г. Зюганов пишет о том, что он желает продолжать политику императорской России, то мне становится смешно. Ведь в своих книжках он пишет о том, что его идеал воплощает Сталин. Тому, якобы, не хватило нескольких лет для того, чтобы поставить Россию на правильный путь, а Н. Хрущев, дескать, спутал все карты. Ленин в 17-м году тоже обещал раздать фабрики рабочим, а землю крестьянам. Вместо мира началась гражданская война, фабрики прибрало к рукам государство, а крестьяне получили колхозную барщину. Конечно, приход к власти коммунистов опасен не тем, что вновь возникнут лагеря, беда в том, что психология и навыки у коммунистов остались прежними. Еще в 1991 году мы предлагали запретить компартию. Этого сделано не было. Ельцин, вероятно, в силу политической необходимости пошел на компромиссы, которые ныне выходят боком...

— *Думаю, читателям многое стало понятно в позиции НТС, в судьбе Союза. Позволь-*

те завершить нашу беседу вопросами о вашей личной судьбе. Как она сложилась?

— Родился в Праге в 1929 году. В апреле 1945 года, накануне прихода Советской Армии, семья покинула Прагу, однако по дороге была захвачена советской разведкой. Освободиться помог случай. Местный комендант оказался кандидатом исторических наук. Он с моим отцом вел долгие беседы об историческом материализме, а потом сказал: «Вот что, ребята, сматывайтесь, пока не поздно...»

Образование я завершил в Йельском университете в США, потом тридцать лет проработал в качестве специалиста по градостроительству, опубликовал пять книг.

— *Мне довелось много общаться с представителями разных поколений эмиграции. Степень владения русским языком у всех разная. Вы говорите великолепно и без акцента...*

— Так уж и великолепно... Семья, среда, интересы поддерживали знание языка. Потом, мой отец — историк, в молодости я ему помогал, печатал тексты его сочинений на машинке.

— *Что обусловило ваше личное участие в НТС?*

— В Праге я и мои сверстники — а нам тогда было по 13-15 лет — постепенно приходили к убеждению, что раз мы русские, то и место наше в России, считали, что за

границей имеем пребывание временное. Потом в Германии, где я учился в гимназии, у нас под вывеской национального союза русской молодежи шли занятия. Они подпитывали интерес к России. С литературой НТС я знаком с 1944 года.

— *Принадлежность к НТС не мешала жить и работать, не отражалась на службе в США?*

— Нет. Напротив, это создавало определенный колорит. Коллеги рассуждали примерно так: вот нормальный человек, к чему ему интересоваться какими-то русскими делами...

Воронеж — Москва.

ОБРУЧЕННАЯ С ДИРИЖЕРСКОЙ ПАЛОЧКОЙ

Штрихи к портрету композитора
Татьяны Шипулиной

№ 47 (464), 19 ноября 1999

Эта яркая звезда на небосклоне воронежской культуры зажглась в начале девяностых годов. Тогда еще инерция пуб-

личности — яркая примета второй половины восьмидесятых — давала себя знать. Митинговая стихия сменилась выплесками волн культуры на улицы областного центра. Замкнутые доселе строгим государством в ограниченном пространстве живописных мастерских, выставочных и концертных залов местные художники, поэты, музыканты, артисты страстно жаждали общения и здесь, на улицах, нашли самого благодарного зрителя, слушателя, ценителя.

Именно тогда и произошло знакомство самого массового зрителя с камерным «Классик-оркестром» под управлением Татьяны Шипулиной. Именно им, «классикам», принадлежит честь знакомства широкой аудитории с мировой музыкальной классикой: Бахом, Вивальди, Альбинони. Именно она, Татьяна Шипулина, решила не просто продолжить (духовые оркестры давно прижились на наших улицах), но обогатить традиции. Чтобы вынести в шум и гам улицы такие камерные инструменты как скрипка или виолончель, играть при этом, как правило, без звукоусилительной аппаратуры, нужна была определенная смелость.

«Классики» сумели обуздать уличную стихию, властно заставили себя слушать. По окончании одного из таких выступлений и произошло наше знакомство. Беседовали мы в дирижерской комнате Воронежского теат-

ра оперы и балета, в закулисы, где самый воздух пропитан специфическим запахом театральных подмостков.

Исповедь Шипулиной обрушилась на меня лавиной. Обилие сложных впечатлений и умоляющая просьба «не навредить» ей (отношения с театральным начальством у Шипулиной в ту пору складывались сложно) остановили мое перо. Материал так и не был тогда написан. Я честно признался Татьяне Александровне в творческой беспомощности...

Прошло несколько лет. Привлеченный программой одного из концертов, в стенах воронежского оперного я увидел и услышал другую Шипулину — автора музыкальных духовных сочинений. Несколько воронежских хоровых коллективов проникновенно исполняли ее православные песнопения. Удивительное дело, метаморфоза — переход от мировой музыкальной классики к национальной хоровой традиции — не показалась мне чем-то необычным. И прошло еще несколько лет...

Однажды в телепередаче «Персона» Татьяна Шипулина откровенно поведала, как в отчаянии от невозможности найти понимание у театральной бюрократии сожгла (!) все доселе ею написанное и решила сменить профессию, стать (кем, вы думаете) водителем троллейбуса. Но Бог рассудил

по-своему и явил воронежцам духовного композитора.

Встреча с Шипулиной на экране и заставила вновь взяться за перо. Мне показалось, я нашел недостающий для возведения «постройки» замковый камень, потому и извлек из архива кассету с той, давней, записью. Конечно, беседа несет следы ушедшей злобы дня. Но не только. Она помогла понять, почему наш край оскудевает, почему его покинули и режиссер В. Сисикин, и автор известных православных музыкальных сочинений композитор В. Беляев...

Выпускницу Воронежского музыкального училища Татьяну Шипулину на родину привел случай — необходимость ухаживать за престарелой матерью. Ради этого пришлось отказаться от заманчивого предложения стать главным дирижером столичного оркестра в одной из южных республик СССР. Ее встретил город «до боли знакомый», где когда-то все и начиналось.

В роду Шипулиных музыкантов не было. «Музыкальный отсчет начался с меня», — скажет Татьяна Александровна в одной из наших бесед. И вспомнит: «По рассказу матери, когда я родилась, зазвучала музыка из только что установленной радиоточки. Мама в шутку заметила, что дочь, наверное, будет музыкантом». Заметила и напрооричила. Попытки сочинительства Шипулина предпринимала

лет с пяти. Пожертвовав многим, родители купили ей пианино (сделать это в голодные послевоенные годы было непросто), определили в музыкальную школу на левом берегу. Композицией в Воронежском музыкальном училище она занималась полтора года у Бориса Дмитриевича Выросткова.

Педагог, ученик московской композиторской школы, очень хотел отправить свою ученицу в Москву. Волею судеб Татьяна Шипулина оказалась в Киеве. Там открывался подготовительный композиторский класс. Но приняли ее сразу на первый курс — Шипулина привезла необходимое для поступления количество сочинений. И занималась на курсе одна (!) целых пять лет. Конкурс был большой — 13 человек, брали обычно трех-четырех. Однако все соперники не выдержали испытания.

Уникальное положение на композиторском факультете оставляло много свободного времени, в частности, для занятий дирижированием. Рассказывает Т. Шипулина (из записи беседы 1994 года): «В 1961 году в Советский Союз приезжал на гастроли из-за рубежа Игорь Стравинский. Мы с папой смотрели концерт по телевидению, и я начала его спрашивать о составе оркестра. Он мне объяснил, кто из музыкантов какую роль играет, и при этом заметил, что самый главный — дирижер. Эта мысль за-

пала в мое детское сознание и наложилась на мое природное тяготение к героике и лидерству».

Немузыканты, даже если напрягут память, вряд ли назовут больше одного имени женщины-дирижера. Обычно вспоминают легендарную Веронику Дударову. Профессионалы прибавят к этому списку еще два-три имени. Мужской шовинизм в этой сфере творчества носит абсолютный характер. В силу сложившихся в обществе предрассудков есть области деятельности, куда представительниц слабого пола просто не пускают, а если пускают, то с очень большой неохотой. Например, в политику. Исключение здесь составляет разве что Маргарет Тэтчер. С ролью Раисы Горбачевой — политической советчицы генсека КПСС и президента СССР российское общество так и не примирилось... Вот так и на детскую мечту Татьяны Шипулиной о дирижировании никто всерьез не обращал внимание.

Она не убедила даже своих киевских педагогов. На вступительном экзамене на дирижерский факультет Шипулиной поставили двойку. Как ей потом сказали, «завалили» намеренно, ибо женщине не пристало приобретать мужскую профессию. Через три года Шипулина поступила на дирижерский факультет, но уже не в Киеве, а во Львове,

окончила его экстерном и потом два года училась в аспирантуре в Ленинграде.

С профессиональной дискриминацией по половому признаку Шипулиной приходилось сталкиваться неоднократно. Она и ее ленинградский педагог Мусин предпринимали попытки пробиться на конкурс Г. Гараяна. Документы возвращались — женщин к отбору не допускали.

«Мусин меня предупреждал, — расскажет мне Татьяна Александровна в 1994 году, — женщине нужно дирижировать на сто процентов лучше мужчины, чтобы убедить, что она не даром встала за пульт».

...И вот Воронеж, и работа по специальности. В репертуаре театра — музыкальная сказка Шипулиной, сама она время от времени дирижирует оркестром. Что стоило этой хрупкой физически, но «крепкой в вере» женщине одолевать предрассудки, мне все же довелось почувствовать. Будучи непрофессионалом, я избегал задавать вопросы о сущности дирижерской работы. И не удержался только после того, как услышал сороковую симфонию Моцарта в интерпретации Шипулиной. Вот фрагмент ее монолога (запись 1994 года): «Мне всегда важно сыграть не «голые» ноты, а донести «голос» композитора, на которого влияли жизненные перипетии его времени. Ноты — это зашифрованная жизнь». Но как раз этой возможности она и была лишена:

«Я покривила душой, если бы сказала, что в театре у меня есть профессиональная дирижерская работа. Оркестр есть двигатель поведения на сцене действующих лиц, а у нас здесь подход как к аккомпанементу. В театре главное, чтобы оркестр играл тихо. И для чего он существует — непонятно».

В нашей давней беседе с Шипулиной я особенно не вдавался в обстоятельства рождения «Классик-оркестра» под ее управлением. Совершенно очевидно, что своим появлением он обязан нереализованной энергии моей героини, а подпитывался энергией зрителей, которым оказались необходимы Бах, Альбиниони, Вивальди, русская музыкальная классика.

Родился оркестр 23 февраля 1993 года. А первый свой триумф испытал вскоре на фестивале... театров кукол «Посиделки-2». Предложение Шипулиной поиграть художественный руководитель Воронежского театра кукол В. Вольховский воспринял настороженно, хотя и не отверг его. Зрители приняли музыкантов восторженно.

А дальше — судорожные попытки выжить, выжить на одном энтузиазме, попытки получить официальный статус, равнодушие чиновников от культуры. Из-за безденежья дважды сорвались гастроли по приглашению в зарубежье. Довольно холодно встретил рождение оркестра и местный музыкально-

театральный бомонд. Обстоятельства оказались сильнее «классиков»...

Печальная участь постигла другое детище Татьяны Шипулиной — фестиваль «Серебряная свирель». Единожды одарив воронежцев хорошей музыкой, он угас... История о том, как ей удалось без больших спонсорских средств устроить музыкальный праздник, похожа на детектив. «Помогла моя музыка, — убеждена Шипулина. — Многие говорили, что слышали мое духовное сочинение «Отче наш» и ради этого готовы помогать бесплатно».

«Классикам» было необходимо прикрытие. Поскольку в фестивале предполагалось участие детей, Шипулина пошла в местное отделение Детского фонда. Там поинтересовались, кто устроители. И тогда ей пришлось слукавить (пленка хранит ремарку Татьяны Александровны: «Если вы об этом напишете, меня прибудут»), сказать, что инициатором фестиваля выступило местное телевидение. Помог Детский фонд, помогли художники, епархия, телевизионщики. Под патронажем Фонда славянской письменности и культуры, вопреки чиновничьему скептицизму (в «инстанциях» откровенно недоумевали: проводить фестиваль летом, в «глухую» пору неразумно) фестиваль удался.

Окрыленная удачей, героиня моего рассказа решилась инициировать проведение

международного музыкального фестиваля славянских стран. Представляете, рассказывала Шипулина, оркестр едет на гастроли в желающие принять его страны, «обрастает» единомышленниками и возвращается в Воронеж, где проходит заключительный тур фестиваля.

Затрудняюсь ответить, чего в этом поступке было больше: наивного романтизма или донкихотства. Но уж что не было желания «работать на рейтинг», это точно. Я не утверждаю, как могут подумать читатели, будто героиня моего повествования вовсе лишена честолюбия. Оно ей, разумеется, присуще. Только вот наличествует в характере в чистом, беспримесном, неэгоистическом виде. Увы, романтика и прагматизм — две вещи несовместные, как гений и злодейство.

И в столице, и дома ее энтузиазм не нашел понимания. Чиновничий скептицизм победил...

Может быть, автор этих строк слишком пристрастен, слишком субъективен в изложении событий недавнего прошлого. Может быть. Но никуда не уйти от факта обеднения музыкальной, театральной и, в целом, культурной жизни края. А между тем сколько энергии ушло на возведение «дома работников искусств», конфликт вокруг строительства которого так и не потух. По-прежнему многие деятели культуры маются по чужим

углам. К счастью, у Т. Шипулиной есть жилье. А многие, не выдержав, покидают Воронеж навсегда. Впрочем, это тема другой статьи, а наш рассказ подходит к концу.

Один из оркестрантов-«классиков» поведал мне о серьезном увлечении Шипулиной русской философией и православным богословием. Я предположил, что благотворное влияние на ее духовное творчество оказал Киев с его монастырями (Татьяна Александровна в нашей беседе не отвергла такое предположение).

И все же она нашла себя в Воронеже — городе, который, подобно Москве, тоже не верит слезам. Духовные произведения композитора Т. Шипулиной входят в репертуар известных воронежских хоровых коллективов. Но ей пришлось пожертвовать ради творчества многим, в том числе житейским благополучием, семейным счастьем...

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
О НАШИХ РАЗНОГЛАСИЯХ	
От имама Шамиля до Шамиля Басаева. Субъективные заметки. № 26 (235), 30 июня 1995	7
Еще раз о русофобии, № 34 (399). 21 августа 1998	13
Страсти по музею. О местечковых нравах нашего городка. № 24 (441), 11 июня 1999	24
Станет ли проспект Революции Большой Дворянской? № 33 (450), 13 августа 1999	35
Кто сеет национальную ненависть? Заметки о заседании одного круглого стола. № 8 (478), 25 февраля 2000	40

Что в имени тебе моем? Заметки о языке современной эпохи, исторической памяти, топонимике.	
№ 26 (496), 30 июня 2000	48
Наследники Смердякова. № 35 (505), 1 сентября 2000	59
«Наше положение создано публикой, а не критикой». А. С. Суворин: видный или выдающийся?	
№ 27 (549), 6 июля 2001	70
Реабилитация традиции. Заметки на полях нового века. № 49 (571), 7 декабря 2001	77
Русские идут! № 28 (602), 12 июля 2002	90
Интеллигентская «правда» и историческая истина. № 47 (621), 22 ноября 2002	97
Культура полураспада. № 50 (624), 14 декабря 2002	108
Деятельный владыка. Штрихи к портрету митрополита Мефодия.	
№ 20 (646), 16 мая 2003	114
Не соучаствуйте в делах тьмы!	
№ 17 (695), 23 апреля 2004	123
Нужен ли пиар Благодатному огню?	
№ 15 (693), 9 апреля 2004	134
В «братских» объятиях. Воронежские демократы как группа риска.	
№ 28 (706), 9 июля 2004	138

АЛТАРИ И ОЧАГИ

Ступень к небу. Записки паломника. № 45 (515), 10 ноября 2000	151
--	-----

ФИГУРЫ И ЛИЦА

Судился директор с губернатором. Заметки на полях одного гражданского дела. № 13 (222), 31 марта 1995	174
В одной шарашке с Солженицыным. № 21 (230), 26 мая 1995	181
Ковалеву придется извиниться. № 2 (263), 12 января 1996	193
Борис Пушкарев: у солидаризма в России есть будущее. № 17 (278), 26 апреля 1996	205
Обрученная с дирижерской палочкой. Штрихи к портрету композитора Татьяны Шипулиной. № 47 (464), 19 ноября 1999	217

мальной журналистики. Суд, впрочем, установил, что Морозов погиб в результате несчастного случая на охоте.

Выходец из академической среды, авторитетный и хорошо воспитанный в восьмидесятые годы XX в. активным участником «Белого Берега».

12 В «Белом Береге» В «Братских» объятиях Воронежские демократы как группа риска

Коллекция функций сведены воедино, в результате появились «ошущула» и иные слова, ман Кулаков:

Второй... Алексей НИКИТИН... Фредерик Пасмиский... «ошущула»... ман Кулаков...

Наследники Смердякова

кого пользования... ТЕЛЕФОНЫ...

загнать... 50 млрд. руб. И в-... дельский... «Белый Берег»...

КСТАТИ, об... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

Идектв... ания... Берш...

Идектв... ания... Берш...

Идектв... ания... Берш...

Идектв... ания... Берш...

Идектв... ания... Берш...

Идектв... ания... Берш...

Идектв... ания... Берш...

Идектв... ания... Берш...

Идектв... ания... Берш...

Идектв... ания... Берш...

Идектв... ания... Берш...

Идектв... ания... Берш...

Идектв... ания... Берш...

Идектв... ания... Берш...

Идектв... ания... Берш...

Идектв... ания... Берш...

Реабилитация традиций

Заметки на полях нового века

Заметки на полях нового века

Заметки на полях нового века

Заметки на полях нового века

Заметки на полях нового века

Заметки на полях нового века

Заметки на полях нового века

Заметки на полях нового века

Заметки на полях нового века

Германии в первую мировую войну), Керенский всячески препятствовал выходу импе-

самым подталкивал ее к октябрю 17-го...

статьи не позволяют под- ровать все масонские идеи с тем, что намету неко-

установка индифферентность (религий) масонов, на- тервью «НГ-религиям»

тем миф. На деле ин- чивается отрицанием

автор упомянутой русской культура

1822 году тем, что ортодоксаль-

кажает взгляд на- тературу. Все тот- мер, что такие

Писемский, го- ение публики, «Голстоу». По- ий свой твор-

«Масоны», в «освещен- их

«Путь пр- мисков» «Белый Берег»

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

«Белый Берег»... «Белый Берег»... «Белый Берег»...

Александр Евгеньевич Коробанов
РУССКИЙ РУБЕЖ

Редактор: Г. Б. Минина
Дизайн обложки: А. М. Шилов
Компьютерная верстка: А. Никитин

Подписано в печать 1.10.2013.

Формат набора 70х90 1/32.

Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Усл. печ. л.

Заказ Тираж 500 экз.

Отпечатано в ОАО
«Воронежская областная типография —
Издательство имени Е. А. Болховитинова»
394071, Воронеж,
ул. 20 лет Октября, 73а.
www.oblprint.ru